ISSN 2010-6203

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

XALQARO MUNOSABATLAR

Ushbu sonda

- ҲАРАКАТЛАР СТРАТЕГИЯСИДАН – ТАРАҚҚИЁТ СТРАТЕГИЯСИ САРИ
- ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЫНКА ТРУДА В ПОСТКОРОНАВИРУСНЫЙ ПЕРИОД
- RATIONAL ACTOR MODEL IN MODERN SECURITY STUDIES

№3-4/2021

Central Library (UWED)
S0012045

INTERNATIONAL RELATIONS

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

AXBOROT RESURS MARKAZI
O'quv zali
Inv. №: 3176

3-4/2021
(№ 85, 86)

BOSH MUHARRIR: S.S. SAFOYEV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

A.A. Abduvaxitov, Sh.M. Abdullayev, E.T. Aripov, A.Sh. Abbasova,
R. Alimov, M.M. Bahadirov, M.T. Baqoev, I. Zvyagelskaya (RF),
B.A. Islamov, G.S. Ismailova, G. Kupli (AQSh), K.X. Karimov,
I.R. Mavlyanov, G. Fazylov, M.M. Rahmankulov, N. Sirajiddinov,
R.F. Farmonov, I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, S.A. Pulatova

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrir: L.B. Hodanovich
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar, 2021.

МУНДАРИЖА

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ўзбекистон замонавий дунёда
Uzbekistan in Modern World

С.С. Сафоев. Ҳаракатлар стратегиясидан – Тараққиёт стратегияси сари 5

II. МИР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
Дунё пандемия шароитида
World under pandemic

Р.А. Джураева. Основные тенденции и проблемы восстановления рынка труда в посткоронавирусный период 14

III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари
Problems of International and Regional Economy

Н. Сиражиддинов, Л.М. Ташпулатова, Г.К. Султанова. Трудовая миграция из Узбекистана в Российскую Федерацию: тенденции и перспективы развития 27

Р. Махмудов. США и Китай на пороге схватки за лидерство в Четвертой промышленной революции 44

IV. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти муаммолари
Problems of Theory, Methodology and Practice of International Studies

Ш.М. Абдуллаев. О методологическом кризисе современной международной науки 65

Ш.Ш. Таджиев. Региональный порядок в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы 72

U.A. Khasanov. Rational actor model in modern security studies 97

V. ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
Ёш тадқиқотчи минбари
Young Researcher's Rostrum

Kh. Sadibakosev. The BRI in Chinese Foreign Policy Priorities 109

VI. НАШИ ЮБИЛЯРЫ
Бизнинг юбилярларимиз
Our anniversaries

Б.А. Исламов. К юбилею С.С. Саидкасимова 123

VII. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи
Digest of foreign literature

А. Рахимов. Bernhard Beitelmair-Berini. India's Grand Strategy and Foreign Policy: Strategic Pluralism and Subcultures. New York: Routledge, 2021. 200 p. 127

VIII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД
Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти
Scientific life of the University of world economy and diplomacy 134

IX. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Методик кабинет
Methodical cabinet 137

С.С. Сафоев

Ҳаракатлар стратегиясидан – Тараққиёт стратегияси сари

Янги Ўзбекистоннинг 2022 – 2026 йилларга мўлжалланган Тараққиёт стратегиясида мутлақо янгича ёндашув қўлланилиб, режалаштирилган ислоҳотлар натижадорлигини тараққиётнинг мақсадларига эришганлик даражаси асосида баҳолаш тизими жорий этилмоқда. Жумладан, Тараққиёт стратегиясида мамлакатимизни ривожлантиришнинг 7 та устувор йўналиши доирасида қарийб 100 та мақсадларга эришиш назарда тутиляпти.

Бу ҳужжат моҳиятини тўлиқ англаш учун, фикримча, қуйидаги фундаментал масалаларга алоҳида эътибор қаратиш зарур.

Биринчидан, бўлиб ўтган Ўзбекистон Республикаси Президенти сайлови ички сиёсий ривожланиш ва ташқи сиёсий вазифаларни амалга ошириш учун мутлақо янгича шарт-шароитларни яратиб берди.

Сайловнинг асосий натижаси – бу Ўзбекистон аҳолисининг аксарият қисми илгари кўрилмаган юқори сиёсий фаолликни намоён этиб, Президент Ш.Мирзиёев раҳбарлигида амалга оширилаётган янгиланган ички ва ташқи сиёсатни қўллаб-қувватлаганидир.

Сайлов жамиятни жипслаштириш ва мамлакат барқарорлиги хамда тараққиётини таъминлаш омилига айланди. Бу Ўзбекистонда демократик ислоҳотларни нафақат бундан буён ҳам давом эттириш, балки чуқурлаштириш учун зарур шарт-шароитларни яратиб берди.

Иккинчидан, бўлиб ўтган сайлов кампанияси сўнгги беш йил давомида Ўзбекистонда мамлакат ривожланиш моделида туб ўзгариш рўй берганини яққол намоён этди. Ўзбекистонда янги сиёсий ва ижтимоий

***Сафоев С.С.**, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ректори.*

Мамлакатимизда барча даражадаги ҳокимият идоралари фаолиятида "инсон қадри учун" деган устувор тамойил бош мезон бўлиб қолади. Мамлакатимизда бундан буён фаолият "инсон – жамият – давлат" деган янги тамойил асосида ташкил этилади.

муҳит яратилди. Инсонларда дахлдорлик ва масъулият пайдо бўлмоқда.

Ислоҳотлардан биринчи навбатда ёш авлод бахраманд бўляпти: улар таълим тизимида, иқтисодиётда, меҳнат бозорида рўй берган ўзгаришларни ва лавозимга кўтарилиш (ижтимоий лифт) имкониятларини амалда ҳис этди.

Бугун жамиятимизда тобора эркинлаштириш, сўз ва матбуот эркинлиги, очиқлик ва ошкоралик тамойиллари илдиз отмоқда. Бу ортга қайтмас тус олганини яна бир бор Президент нутқида таъкидланди.

Учинчидан, жамиятимиз модернизациясининг бирламчи вазифаларни амалга ошириш билан боғлиқ биринчи босқичи муваффақиятли якунланди.

Ислоҳотларнинг кейинги босқичи, шубҳасиз, янада мураккаб, фундаментал сиёсий ва иқтисодий ислоҳотларни амалга ошириш билан боғлиқ бўлади.

Юртбошимиз томонидан қайд этилганидек, "янги Ўзбекистон Тараққиёт стратегияси миллий ривожланишимизнинг янги босқичини бошлаб беради". Унинг марказий ғояси: халқимиз қўллаб-қувватлаган демократик ислоҳотлар қатъий давом эттирилади.

Энг муҳими, мамлакатимизда барча даражалардаги ҳокимият идоралари фаолиятида "инсон қадри учун" деган устувор тамойил бош мезон бўлиб қолади.

Мамлакатимизда бундан буён фаолият "инсон – жамият – давлат"- деган янги тамойил асосида ташкил этилади.

Жамиятимиз олдида турган стратегик мақсад сифатида замонавий, барқарор ривожланиб бораётган, ижтимоий бозор иқтисодиётига асосланган, дунёвий демократик ҳуқуқий давлат қуриш, инсон, унинг манфаатлари, ҳуқуқ ва эркинликлари амалда олий қадрият даражасига кўтарилган ҳамда барқарор экологик ривожланишга эришадиган жамият барпо этиш белгиланди.

Келгуси беш йилга мўлжалланган Тараққиёт стратегияси айнан шу тамойиллардан келиб чиқиб, етти йўналишда мамлакатни ривожлантиришнинг асосий мақсадларини аниқ шакллантириб беради.

Биринчи йўналиш: эркин фуқаролик жамиятини ривожлантириш орқали халқпарвар давлат барпо этиш. Миллати, тили ва динидан қатъи назар, юртимизда яшаётган ҳар бир фуқаронинг фаровонлигини таъминлашга қаратилган қатор чоралар амалга ошириш кўзда тутилмоқда.

Шу жумладан, халқ билан мулоқотнинг механизмлари ва таъсирчан жамоатчилик назоратининг асосларини такомиллаштириш режалаштирилган. Масалан, "Обод қишлоқ", "Обод маҳалла" ва бошқа ҳудудий дастурлар очиқ эълон қилиниб, кенг жамоатчилик фикри асосида ишлаб чиқиладиган тизимни яратиш. Бу йўналишнинг муҳимлиги шу билан белгиланадики мамлакат тараққиёти даражаси халқ фаровонлиги масалаларини ҳал этишда фуқаронинг ўзи қай даражада иштирок этиши билан белгиланади. Инсон фақатгина ривожланишнинг объекти эмас, балки субъекти, тараққиётнинг мақсадигина эмас, балки унинг ҳаракатлантирувчи кучи ва ҳал қилувчи омили ҳамдир.

Давлат бошқарув тизимини такомиллаштиришнинг энг муҳим омилларидан бири – марказсизлаштиришдир.

Бошқача сўзлар билан айтганда, марказсизлаштириш – ҳокимият органларини инсонларга яқинлаштириш ва шу орқали ҳокимият функциялари ижроси сифатини оширишдир. Бунинг учун келгусида давлат функцияларининг катта қисми марказдан ҳудудларга ўтказилади.

Шунингдек, номарказлаштириш бюджет сиёсатини шакллантириш ва амалга оширишда ҳудудлар мустақиллигини ошириш, вилоятлар томонидан ички ва ташқи инвестицияларни рағбатлантириш учун мустаҳкам ҳуқуқий асос яратишни англатади.

Жамиятимиз олдида турган стратегик мақсад сифатида замонавий, барқарор ривожланиб бораётган, ижтимоий бозор иқтисодиётига асосланган, дунёвий демократик ҳуқуқий давлат қуриш, инсон, унинг манфаатлари, ҳуқуқ ва эркинликлари амалда олий қадрият даражасига кўтарилган ҳамда барқарор экологик ривожланишга эришадиган жамият барпо этиш белгиланди.

Шу жумладан, маҳаллани аҳолининг муаммоларини бевосита ҳал қилиш ҳамда ҳудудни ривожлантириш учун зарур ресурс ва имкониятлар билан таъминлаш кўзда тутилмоқда.

"Электрон парламент" доирасида депутатларни ўз сайловчилари билан, сенаторларни ҳудудлардаги фуқаролар билан боғлаш, улар билан тўғридан-тўғри мулоқот олиб бориш, сайловчиларни қийнаётган муаммоларни муҳокама қилиш ва ҳал этиш жараёнларини рақамлаштириш.

Халқ депутатлари Кенгашларини ҳудудларни ижтимоий-иқтисодий ривожлантириш, аҳоли турмуш даражасини ошириш, маҳаллий бюджетни шакллантириш ва назорат қилишдаги асосий бўғинга айлантириш ҳамда маҳаллий давлат ҳокимияти фаолиятининг асосларини янгилаш кўзда тутилмоқда.

Ихчам, профессионал, юқори натижадорликка хизмат қиладиган давлат бошқаруви тизимини жорий этиш, давлат хизматини замонавий стандартлар асосида ташкил қилиш ва бюрократияни бартараф этиш.

Бу, шу жумладан, давлат органлари фаолиятини "фуқарога хизмат қилишга йўналтириш" ғояси асосида трансформация қилиш, улар томонидан марказий тузилма ва ҳудудлар кесимида "маҳаллабай" ишлашга қаратилган йиллик дастурларни эълон қилиш ва муҳокама қилиш тартибини жорий этишни тақозо этади.

"Электрон ҳукумат" тизимини ривожлантириш, электрон давлат хизматларининг улушини амалдаги 54 фоиздан 100 фоизга етказиш, давлат хизматлари қамровини ошириш ҳам шунга хизмат қилади.

Иккинчи йўналиш, адолат ва қонун устуворлигини таъминлаш. Бу барқарор ривожнинг энг асосий ва зарур шартидир. Шу боис Тараққиёт стратегиясида, жумладан, мулк ҳуқуқи дахлсизлигини ишончли ҳимоя қилишни таъминлаш ва қарор (ҳаракат) ноқонуний эмаслигини судда исботлаш мажбуриятини мансабдор шахснинг ўзига юклаш ("айбдорлик презумпцияси")ни қўллаш режалаштирилган.

Фуқароларни яшаш жойи бўйича ҳисобга олиш ("прописка") тизимини янада соддалаштириш ва аҳолига қўшимча қулайликлар яратиш, текшириш учун фуқарони ички ишлар бўлимига олиб бориш ўрнига барча маълумотларни жойида текшириш тартиби жорий этилади.

Жиноят қонунчилигини либераллаштириш сиёсати изчил давом эттирилади. Шу жумладан, ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органларнинг янги қиёфасини шакллантириш, уларни жазоловчи эмас, балки инсон ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилувчи муассаса сифатида кўрилишини таъминлашга қаратилган дастур ишлаб чиқилади.

ЖИДУ ислоҳотлар, мамлакат тараққиёти контексти билан уйғунлашган бўлиши ва давлатимиз ташқи сиёсатини илгари суришда ўз ўрнини топиши лозим.

Судларнинг мустақиллиги ва жамиятда қонун устуворлигини таъминлашдаги ролини оширишга қаратилган чора-тадбирлар режалаштирилган. Жумладан, маъмурий адлияни ривожлантириш орқали, давлат органлари ва мансабдор шахслар фаолияти устидан самарали суд назорати ўрнатилади.

Адвокатура институтининг инсон ҳуқуқлари, эркинликлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилишда салоҳиятини тубдан ошириш, унинг институционал мустақиллигини таъминлаш масалалари ҳам лойиҳада ўз ўрнини топган.

Учинчидан, миллий иқтисодиётни, унинг ўсиш суръатларини замон талаблари даражасида ривожлантириш устувор вазифаларимиздан биридир.

Бу йўналишда 133 та чора-тадбир белгиланмоқда. Улар ичида аҳоли жон бошига тўғри келадиган ялпи ички маҳсулотни – 1,6 баравар *(амалда – 1 955 долл.)* ва даромадни 2030 йилгача 4 минг доллардан ошириш белгиланган. Мамлакатнинг индустриализацияси давом этади, саноат

маҳсулотлари ишлаб чиқариш ҳажмини 1,4 баравар *(амалда – 42 млрд долл.)* кўпайтирилади. Иқтисодий ривожнинг асосий омили бўлган банк тизимида хусусий сектор улушини амалдаги 18 фоиздан 60 фоизгача ошириш режалаштирилган. Фонд бозори ҳажми 7 млрд долларга етказилади.

Хусусий тадбиркорлик ва устувор аҳамиятга эга соҳаларни рағбатлаштириш мақсадида қўшилган қиймат солиғини амалдаги 15 фоиздан 12 фоизгача, телекоммуникация, банк ва молия каби соҳаларда фойда солиғи амалдаги 20 фоиздан 15 фоизгача туширилади.

Ҳозирги замон халқаро тизими тубдан трасформация бўлаяпти ва тобора мураккаблашяпти, жаҳон иқтисодиёти ва халқаро молия тизимидаги фундаментал силжишлар юз беряпти, янги трансмиллий таҳдид ва хатарлар юзага келиб дипломатларни тайёрлаш жараёни ва илмий изланишлар векторини кескин ўзгариши эҳтиёжини вужудга келтирмоқда.

Экологик муаммоларни инобатга олган ҳолда иқтисодиётнинг энергия самарадорлигини 20 фоизга ошириш ва ҳавога чиқариладиган зарарли газлар ҳажмини 10 фоизга қисқартиришга эришилади.

Айни вақтда сув ресурсларини бошқариш тизимини тубдан ислоҳ қилиш ва сувни тежаш бўйича алоҳида давлат дастури амалга оширилиб, ҳар йили камида 7 млрд $м^3$ сувни тежаш режалаштирилмоқда.

Инновацион тараққиёт тимсоли сифатида рақамли иқтисодиёт ҳажми 2,5 баравар кўпайтирилиб, дастурий маҳсулотлар индустрияси ҳажми 500 млн долларга етказилади.

Иқтисодиётга 120 млрд, шу жумладан 70 млрд доллар миқдорида хорижий инвестицияларни жалб этиш, экспорт ҳажмини 30 млрд долларга *(амалда – 12 млрд долл.)* етказиш кўзда тутилмоқда.

Деҳқон ва фермерлар даромадини камида 2 бараварга ошириш, мевасабзавотчиликни ривожлантириш, интенсив боғлар майдонини 3 баравар ва иссиқхоналарни 2 баравар кўпайтириб, экспорт салоҳиятини 1 млрд долларга ошириш мўлжалланган.

Шароити "оғир" бўлган 14 та туманда тадбиркорликни ривожлантириш учун пасайтирилган солиқ ставкалари ўрнатилади (*Мўйноқ, Чироқчи, Деҳқонобод, Касби, Миришкор, Нишон, Томди, Учқудуқ, Конимех, Нурота, Бўка, Пискент, Оққўрғон, Бекобод туманлари).*

Янги иш ўринлари яратиш, аҳоли даромадларини ошириш орқали, камбағаллик ва ишсизлик даражасини камида 2 баравар қисқартириш. Бунга аввалambор касбга ўқитиш кўламини 2 баравар ошириш эвазига эришилади.

Тўртинчидан, адолатли ижтимоий сиёсат юритиш, инсон капиталини ривожлантиришнинг энг муҳим омили ҳисобланган сифатли

таълим-тарбия масаласи бундан буён ҳам доимий эътибор марказида бўлади.

Энг аввал, мактабгача таълимнинг қамров даражаси 67 фоиздан 80 фоизга етказилади. Нодавлат боғчаларга ва мактабларга фарзандини юбораётган ота-оналарнинг 3 млн сўмгача тўловлари даромад солиғидан озод этилади.

Мактабларни ривожлантириш миллий дастурини жорий этиш орқали, халқ таълими тизимида қўшимча 1,2 миллион ўқувчи ўрни яратилади.

Қорақалпоғистон Республикаси ва Хоразм вилоятида 1 –4-синф ўқувчиларини бепул овқат билан таъминлаш тизими жорий этилади.

Ташқи сиёсат, ташқи иқтисодиёт ва халқаро ҳуқуқ соҳалари учун замонавий билимлар ва юксак маънавий-ахлоқий фазилатларга эга бўлган мустақил фикрловчи юқори малакали кадрларни тайёрлашни сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш, дипломатик кадрларни танлаш, тайёрлаш, қайта тайёрлаш, малакасини ошириш ва захирасини яратиш тизими модернизациясини давом эттириш зарур.

Олий таълимга қамров даражасини амалдаги 28 фоиздан 50 фоизга етказиш ҳамда давлат-хусусий шериклик асосида 100 минг ўринли талабалар турар - жойлари барпо этилади.

Соғлиқни сақлаш тизимидаги ислоҳотлар давом эттирилиб бюджетдан дори воситалари ва тиббий буюмларга ажратилган маблағлар 3 бараварга оширилади, мамлакатда ишлаб чиқариладиган дори воситалари миқдори 80 фоизга етказилади *(амалда – 45 фоиз)*.

Тиббий хизматлардаги хусусий секторнинг улуши 25 фоизга етказилиб *(амалда – 10 фоиз)*, ҳудудларда бирламчи тиббий-санитария хизматининг фаолияти "бир қадам" тамойили асосида йўлга қўйилиб, 105 та оилавий шифокор пункти ва 31 та оилавий поликлиника ташкил этилади.

Мамлакат Президенти нутқида таъкидланганидек, юқори ва ўрта даражадаги кадрлар тайёрлаш даражаси етарли эмас. Кадрлар томонидан ислоҳотларнинг мазмун-моҳияти, зарурлиги, стратегик мақсад ва вазифаларини чуқур англаш бўйича тизимли ишларни кучайтириш муҳим аҳамиятга эга.

Айтилган гаплар университетимиз фаолиятига бевосита тааллуқлидир. Университет ислоҳотлар, мамлакат тараққиёти контексти билан уйғунлашган бўлиши ва давлатимиз ташқи сиёсатини илгари суришда ўз ўрнини топиши лозим.

Тан олиш керакки, сўнгги йиллар мобайнида ЖИДУ ўз реномеси, имиджини йўқотди, рақобатбардошлиги заифлашди.

Шундан келиб чиққан ҳолда, ЖИДУ фаолиятига тамомила янги сифат беришга қаратилган кечиктириб бўлмайдиган комплекс чора-тадбирларни амалга ошириш зарур.

Чунки ҳозирги замон халқаро тизими тубдан трасформация бўлаяпти ва тобора мураккаблашяпти, жаҳон иқтисодиёти ва халқаро молия тизимидаги фундаментал силжишлар юз беряпти, янги трансмиллий таҳдид ва хатарлар юзага келиб дипломатларни тайёрлаш жараёни ва илмий изланишлар векторини кескин ўзгариши эҳтиёжини вужудга келтирмоқда.

Мақсад – ЖИДУни халқаро рақобатбардошлигини ошириш ва босқичма-босқич дунёнинг 500 та етакчи университетлари рейтингига киришини таъминлаш.

Ташқи сиёсат, ташқи иқтисодиёт ва халқаро ҳуқуқ соҳалари учун замонавий билимлар ва юксак маънавий-ахлоқий фазилатларга эга бўлган мустақил фикрловчи юқори малакали кадрларни тайёрлашни сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш, дипломатик кадрларни танлаш, тайёрлаш, қайта тайёрлаш, малакасини ошириш ва захирасини яратиш тизими модернизациясини давом эттириш зарур.

Бу деган гап, академик соҳада ЖИДУ ўқув режалари ва таълим йўналишларини тубдан қайта кўриб чиқиш лозим. Бунинг учун чет элдаги етакчи университетлар амалиётини ўрганиш ва татбиқ этиш, кўзга кўринган олимларни дарс беришга жалб қилиш даркор.

Ўқув жараёнини замон талаблари билан уйғунлигини таъминлаш мақсадида талабаларимизни элчихоналарда амалиёт ўтишини тизимли асосга қўйиш лозим. ТИВ ва барча элчихоналар ва ваколатхоналар билан биргаликда ЖИДУ талабаларининг амалиёт ўтиш йиллик режасини ишлаб чиқиш керак деб ўйлаймиз.

ЖИДУ қошида давлат органлари раҳбар ходимлари, давлат компаниялари топ-менежерлари, тадбиркорлик субъектлари, банк ва нотижорат сектори юқори лавозимли вакилларининг малакасини ошириш учун Бошқарув ва бизнес факультети (Executive Education) ташкил қилинди.

ЖИДУ қошида Дипломатик Академиясига таъсис этиш бўйича давлат Раҳбарининг топшириғи бор.

Мамлакат ташқи сиёсий ва ташқи иқтисодий фаолиятини илмий-тадқиқот ва ахборот-таҳлилий таъминотини такомиллаштириш ҳамда ЖИДУ илмий фаолияти билан таълим жараёнини уйғунлаштириш мақсадида ЖИДУ қошида Истиқболли халқаро тадқиқотлар институти ташкил этиш режалаштирилмоқда.

ЖИДУни янги авлод олий таълим муассасаси – "Смарт Университет"га айлантириш мақсадида зарур мебель ва жиҳозлар, жумладан,

ўқув-лаборатория жиҳозлари, компьютерлар ва тегишли техник жиҳозлар ҳамда энг янги ахборот-алоқа технологиялари билан жиҳозлаш кўзда тутилган.

Бешинчи йўналиш, Тараққиёт стратегиясида маънавий ва маърифий соҳаларда амалга оширилаётган ислоҳотларга ҳам ғоят муҳим аҳамият берилган.

Бугунги дунёда рақобат тобора кескин тус олмоқда. Тўртинчи саноат инқилоби даврида рақобатбардош бўлиш фақат замонавий илм-фан ва инновация ютуқларини кенг жорий этиш билан боғлиқ.

Инновация – бу бугун хоҳишга боғлиқ ихтиёрий қарор эмас. Бу – зарурият, давр талаби, мамлакат, жамиятнинг тақдирини ҳал қилувчи, ҳаёт-мамот масаласидир. Шундан келиб чиққан ҳолда дастурда соғлом дунёқараш ва бунёдкорликни умуммиллий ҳаракатга айлантириш кўзда тутилмоқда.

Китобхонликни кенг оммалаштириш ва "Китобсевар миллат" умуммиллий ғоясини рўёбга чиқариш – муҳим дастурлардан биридир.

Олтинчи йўналиш. Бугунги кунда инсоният кўплаб умумбашарий муаммоларга дуч келяпти ва уларга ечим топиш ниҳоятда долзарб бўлиб қолмоқда.

Янги Уйғониш даври ҳақида гапирар эканмиз, унинг ҳал қилувчи омилларидан бири – бу дунёга очиқлик ва ташқи алоқаларнинг кенг қамровлигидир.

Бугун янгиланган Ўзбекистоннинг ташқи сиёсати айнан ташқи алоқаларнинг ҳамма йўналишида бирдек ривожлантиришга қаратилгани бежиз эмас.

Ўтган ислоҳотлар йилларида, 2017–2021 йилларда мамлакатнинг янгиланган ташқи сиёсатини шакллантириш ва рўёбга чиқариш борасида салмоқли ишлар амалга оширилди. Дипломатик фаолиятнинг хусусияти ва мазмуни тубдан ўзгарди.

Янги Уйғониш даврининг ҳал қилувчи омилларидан бири – бу дунёга очиқлик ва ташқи алоқаларнинг кенг қамровлигидир.
Бугун янгиланган Ўзбекистоннинг ташқи сиёсати айнан ташқи алоқаларнинг ҳамма йўналишида бирдек ривожлантиришга қаратилгани бежиз эмас.

Шу билан бирга, минтақамиз ва бутун дунёда вазият шиддат билан ўзгариб бормоқда. Бу эса ташқи сиёсатимизнинг мутаносиб равишда такомиллаштирувини тақозо этади.

Бу мамлакатимиз манфаатларини халқаро миқёсда илгари суриш бўйича фаолиятни янада жадаллаштиришни талаб қилади.

Минтақадаги мавжуд ижобий тенденцияни мустаҳкамлаш, Марказий Осиёда ўзаро ишончни мустаҳкамлаш ва ҳамкорликни ривожлан-

тириш жараёни доимий хусусият касб этишини таъминлаш муҳим аҳамиятга эга.

Афғонистонни Марказий Осиёдаги умумий минтақавий жараёнларга фаол жалб қилишни давом эттириш ғоятда зарур.

Минтақадаги мавжуд ижобий тенденцияни мустаҳкамлаш, Марказий Осиёда ўзаро ишончни мустаҳкамлаш ва ҳамкорликни ривожлантириш жараёни доимий хусусият касб этишини таъминлаш муҳим аҳамиятга эга.

Дипломатияда экология энг муҳим устуворлик касб этиши керак. Унинг моҳияти атроф - муҳитни муҳофаза қилиш ва жаҳон ҳамда минтақанинг кескинлашиб бораётган экологик муаммоларини ҳал этишда халқаро ташаббусларни илгари суриш ва кўп томонлама дастурларни амалга оширишдан иборат. Шу жумладан, Бутунжаҳон экология хартиясини ишлаб чиқишни илгари суриш ташаббуси Тараққиёт стратегиясида ўз ўрнини топди.

Экстремизм ва терроризм, айниқса унинг замонавий кўринишларига қарши курашишнинг самарали механизмларини шакллантириш давр талабидир.

Еттинчи йўналиш, мамлакатимизда тинчлик ва хавфсизликни таъминлашнинг ишончли кафолати бўлган Қуролли Кучларимиз қудратини янада ошириш устувор мақсад бўлиб қолади.

* * *

Мамлакатимизда амалга оширилаётган халқчил ислоҳотлар жамиятимизда катта умидларни уйғотди. Мавжуд муаммоларга қарамасдан, бу сиёсат юртдошларимиз томонидан қўллаб-қувватланмоқда ва халқаро миқёсда ниҳоятда юқори баҳоланяпти.

Янги Ўзбекистон Тараққиёт стратегияси ўзига хос умумхалқ муҳокамасидан ўтказилди.

Тараққиёт стратегияси – амалий ҳаракат дастуридир. Ишонч билан айтиш мумкинки, узоқни кўзлаган бугунги шиддатли саъй-ҳаракатларнинг хайрли натижалари узоқ куттирмайди. Бир неча йилларда Тараққиёт стратегиясининг бугунгидан ҳам ёркинроқ самараларини кўриш насиб этади деб ўйлайман.

Р.А. Джураева

Основные тенденции и проблемы восстановления рынка труда в посткоронавирусный период*

XXI век ознаменовался усугублением глобальных проблем: ростом бедности населения и изменением климата. Это касается всех стран – бедных, богатых и среднеразвитых. Поэтому Цели в области устойчивого развития (ЦУР) 2030, принятые в 2015 г. 193 государствами – членами ООН, призывают мировое сообщество направить все усилия на улучшение благосостояния населения и защиту нашей планеты.

ЦУР №8 состоит в содействии поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости работающих и достойной работе для всех. Только такой экономический рост может способствовать прогрессу, создавать достойные рабочие места для всех и улучшать уровень жизни населения [1].

Для реализации данной цели предусматривается рост ВВП не менее 7% в год в наименее развитых странах, повышение производительности труда в экономике, содействие предпринимателям, в том числе посредством предоставления им доступа к финансовым услугам, обеспечение к 2030 г. полной и производительной занятости и достойной работы для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, и равной оплаты за труд равной ценности. Кроме того, выдвигаются зада-

***Джураева Р.А.**, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономическая теория» УМЭД.*

* Данная статья подготовлена в рамках проекта "Ташкентский центр передового опыта по европейским исследованиям Жана Моне (620528-EPP-1-2020-1-UZ-EPPJMO-CoE)", поддержи-ваемого программой ЕС Эразмус+. / This article is prepared within the project "Tashkent Jean Monnet Centre of Excellence for European studies" (620528-EPP-1-2020-1-UZ-EPPJMO-CoE)" supported by the EU ERASMUS + Programme.

чи защиты трудовых прав и содействие обеспечению надежных и безопасных условий работы для всех трудящихся, включая трудящихся мигрантов, особенно женщин-мигрантов, и лиц, не имеющих стабильной занятости.

Разразившийся глобальный экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, внес существенные коррективы в реализацию ЦУР. Распространение коронавирусной инфекции поставило под угрозу их достижение к 2030 г. Невиданные масштабы кризиса и сила его воздействия на мировую экономику заставили правительства большинства стран принимать неотложные монетарные и фискальные меры по поддержке предприятий и населения. Большие бюджетные средства расходуются на реализацию и расширение программ социальной защиты и поддержки наиболее уязвимых групп населения, на инвестиции в социальные услуги, включая здравоохранение и образование.

Несмотря на активные усилия многих государств по предотвращению экономического кризиса, большинство сфер глобальной экономики оказалось в тяжелом положении. Прежде всего это коснулось рынка труда. Мировой рынок труда до COVID-19 характеризовался следующими показателями: в 2019 г. население трудоспособного возраста составляло 5,7 млрд чел., из них трудоустроенными были 3,3 млрд чел., или 57%, причем на долю занятых в неформальном секторе приходилось 1,3 млрд чел. (22%). Общее недоиспользование рабочей силы составляло 473 млн чел., из которых безработными считались 188 млн чел., или 40%. Среди молодежи трудоспособного возраста (15 – 24 года) в 1,2 млрд чел. число работающих составило 429 млн чел. (36%); среди нетрудоустроенной молодежи, получающей образование или профессиональную подготовку, оказалось 509 млн чел. (42%); тогда как молодежь, которая не работает, не учится и не получает профессиональную подготовку, составила 267 млн чел., или 22% [2].

Пандемия нанесла сокрушительный удар по рынку труда. Потери рабочего времени в течение 2020 г. по сравнению с уровнем 2019 г. составили 8,8%, что равноценно потере 255 млн рабочих мест. Это в четыре раза больше, чем во время глобального финансового кризиса 2009 г.

В докладе МОТ, озаглавленном «COVID-19 и мир труда», зафиксировано, что пандемия нанесла сокрушительный удар по рынку труда. Потери рабочего времени в течение 2020 г. по сравнению с уровнем 2019 г. составили 8,8%, что равноценно потере 255 млн рабочих мест. Это в четыре раза больше, чем во время глобального финансового кризиса 2009 г. В результате трудовые доходы населения сократились на 8,3%, что равно 3,7 трлн долл. США, или 4,4% глобального ВВП [3].

По данным МОТ, женщины пострадали больше, чем мужчины: среди них работу потеряли 5%, в то время как среди мужчин – 3,9%. Безработица среди молодых людей (от 15 до 24 лет) составила 8,7%, а среди людей постарше работу потеряли 3,7% [3].

Анализ занятости по отраслям показал, что больше всего от пандемии пострадали гостиничная и пищевая индустрии, где этот показатель упал на 20%, уменьшились также авиаперевозки, туризм, розничная торговля. Сокращение занятости привело к существенным потерям доходов работников. По оценкам МОТ, к концу 2020 г. они варьировали от 860 млрд до 3,4 трлн долл. США [4].

Снижение благосостояния населения в разных странах негативно отразилось и продолжает оказывать отрицательное влияние на потребление товаров и услуг, а также снижает экономические перспективы предприятий в большинстве стран мира.

Отмечен рост нищеты среди работающего населения, живущего ниже черты бедности или около нее. По оценкам МОТ, в 2020 г. при доходе ниже 1,90 долл. США по паритету покупательской способности в день за чертой бедности оказалось 30 млн взрослых, не имеющих оплачиваемой работы, хотя до начала пандемии прогнозировалось, что в 2020 г. этот показатель, наоборот, снизится на 14 млн. Кроме того, на 8 млн возросло число работающих бедняков, чьих заработков не хватает, чтобы вместе со своими семьями удержаться выше черты бедности [5].

За первый месяц кризиса доходы неформальных работников сократились на 60% во всем мире. Наиболее уязвимыми оказались женщины, которых в неформальной занятости было больше по сравнению с мужчинами, что особенно характерно для стран с низким и средним уровнем дохода.

Рассмотрим еще один важный аспект ситуации на рынке труда – наличие неформального сектора. В 2020 г. в неформальной экономике было занято свыше 2 млрд работников [6]. Это 62% всех работающих в мире. На неформальную занятость приходится 90% общей численности занятых в странах с низким уровнем дохода, 67% в странах со средним уровнем дохода и 18% в странах с высоким уровнем дохода [7]. По оценкам МБТ, за первый месяц кризиса доходы неформальных работников сократились на 60% во всем мире. В более уязвимом положении оказались женщины, которых в неформальной занятости было больше по сравнению с мужчинами, что особенно характерно для стран с низким и средним уровнем дохода.

Последствием снижения доходов уязвимых работников стало уменьшение потребительского спроса, что отрицательно повлияло на производство, поэтому начала закручиваться кризисная спираль. При принятии

антикризисных мер важно четко осознавать, что в экономике все взаимосвязано, спад деловой активности отрицательно отразился даже на тех отраслях и тех работниках, которые не пострадали от кризиса (рис.1).

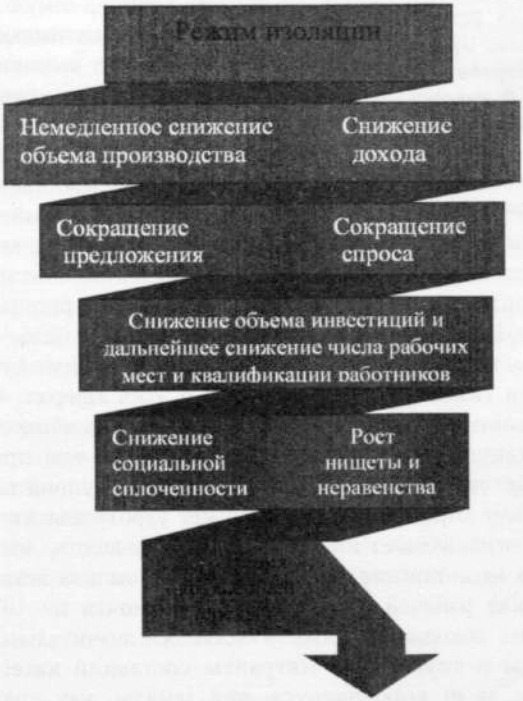

Рис. 1. Механизм экономических каналов – отрицательная спираль занятости.

Источник: COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Записка Международной Организации Труда (МОТ), 18 марта 2020 г.

Наиболее пострадавшими от кризиса оказались следующие группы населения:

- женщины; почти половина всех женщин, работавших в докризисный период, подвергалась высокому риску пострадать от кризиса;
- молодежь; до начала пандемии COVID-19 178 млн молодых людей в мире (или более 4 из каждых 10 молодых людей) работали в сферах,

где негативное влияние кризиса было особенно сильным, при этом серьезно пострадали сферы образования и подготовки молодежи [8];

Мировой уровень безработицы до 2023 г. останется выше показателя 2019 г. В 2022 г., согласно прогнозам, общее число безработных сократится на 7 млн и составит 207 млн, что выше показателя 2019 г., равного 186 млн.

• работающие по уходу за больными; 60 – 70% среди которых составляют женщины; они вошли в самую уязвимую группу, поскольку их низкооплачиваемая работа связана с высоким риском для здоровья из-за невозможности дистанционирования от больных;

• микрофирмы, малые и средние предприятия; в мире насчитывается около 436 млн предприятий, функционирующих в наиболее пострадавших секторах: обрабатывающая промышленность, гостиничное хозяйство и общественное питание, оптовая и розничная торговля и недвижимость, а также предпринимательская деятельность. На их долю в среднем приходится более 30% ВВП, это примерно 47 млн, или 54% всех работодателей в мире; нужно учитывать также 389 млн самозанятых работников в этих сферах. С учетом работодателей и самозанятых работников в мире в наиболее пострадавших секторах функционируют и работают около 436 млн предприятий [9];

• пожилые люди, которые также являются группой с высокой долей риска, поскольку коронавирус представляет угрозу для их жизни и здоровья, серьезно ограничивает их социальную активность, возможность работать, получать медицинские услуги, пенсии. С начала века доля пожилых людей в составе рабочей силы увеличилась почти на 10%, воздействие пандемии на их доходы и занятость оказалось значительным [10];

• беженцы и трудящиеся-мигранты составили категорию, которая особо пострадала от коронавируса; они заняты, как правило, низкооплачиваемой работой и не обеспечены социальной защитой; потеря работы приводит не только к потере доходов, но и к сокращению денежных переводов в родные страны [11].

Результаты изучения появившихся тенденций свидетельствуют о том, что современный рынок труда серьезно пострадал и продолжает нести потери от кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

По прогнозу МОТ, в результате потрясений на рынке труда, связанных с пандемией, в 2022 г. потери рабочего времени будут эквивалентны 52 млн рабочих мест в условиях полной занятости. Хотя данный показатель ниже уровня 2021 г., однако он превышает значение доковидного периода. На 2022 г. доля занятых среди населения в мире прогнозируется в размере 55,9 %, что на 1,4% меньше, чем в 2019 г. [5].

Предполагается, что мировой уровень безработицы как минимум до 2023 г. останется выше показателя 2019 г. В 2022 г., согласно прогнозам, общее число безработных сократится на 7 млн и составит 207 млн, что выше показателя 2019 г., равного 186 млн.

Для глобального рынка труда характерны неопределенность перспектив из-за продолжающейся пандемии, а также вялое и неравномерное восстановление: при этом быстрее всего он восстанавливается в странах с высоким уровнем дохода. На такие страны с 2020 по 2022 гг. пришлось около половины общемирового сокращения занятости, при том, что их трудовые ресурсы составляют примерно одну пятую мировых. В наиболее тяжелом положении оказались страны с уровнем дохода ниже среднего, восстановление там происходит медленнее. Основные показатели рынка труда на докризисный уровень пока не вернулись и прогноз на 2022 г. состоит в том, что полное восстановление попрежнему останется труднодостижимой целью. Это означает, что выполнение ЦУР №8 по обеспечению устойчивого экономического роста, созданию достойных рабочих мест для всех и улучшению уровня жизни оказалось под угрозой.

Среди всех регионов мира Европа продемонстрировала самые высокие темпы восстановления рынка труда в этот период. Согласно данным Евростата, в декабре 2021 г. безработица в ЕС была на уровне 6,3%, опустившись по сравнению с 7,5% в декабре 2020 г. (рис.2). Количество безработных в ЕС в декабре 2021 г. составило 13,612 млн мужчин и женщин, что ниже аналогичного показателя декабря 2020 г. на 2,196 млн [12].

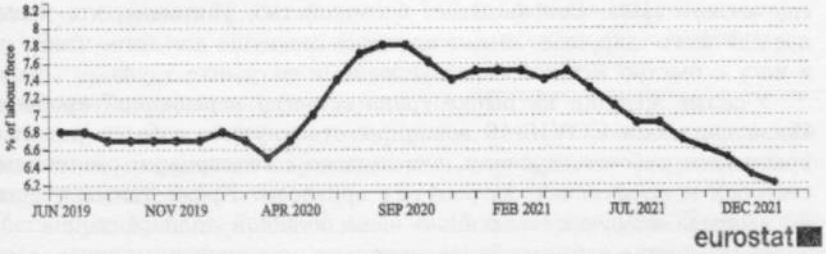

Рис.2. Ежемесячный уровень безработицы, % рабочей силы в возрасте 15-74 лет в 2019-2021 гг.

Источник: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/recovery-dashboard/?theme=people.

В декабре 2021 г. уровень безработицы среди молодежи в ЕС оставался высоким – 14,9%, т.е. 2,748 млн молодых людей до 25 лет не имели работы, хотя наблюдалось снижение безработных на 385 тыс. человек по сравнению с предыдущим периодом.

По данным Евростата, безработица среди женщин в ЕС была несколько выше по сравнению с безработицей среди мужчин, она составляла 6,6% (у мужчин – 6,1%).

Как отмечено в отчете Еврокомиссии «Занятость, социальные вопросы и интеграция», рынок труда постепенно восстанавливается, хотя занятость в 2021 г. еще не вернулась к докризисному уровню [13].

Рынок труда ЕС постепенно восстанавливается, хотя занятость в 2021 г. еще не вернулась к докризисному уровню.

Рассмотрим основные черты, характерные для современного рынка труда в ЕС.

Серьезно пострадали от кризиса молодые люди (15-24 лет), работники неформального сектора, самозанятые и лица, родившиеся за пределами ЕС. Например, число молодых людей, закончивших учебные заведения и начавших работу в возрасте от 15 до 24 лет, сократилось с 2,4 млн в 2019 г. до 2 млн в 2020 г., в то же время доля молодых людей в возрасте 15-29 лет, не занятых в сфере занятости, образования или обучения, составляла 12,6% в 2019 г.

Растущая нехватка рабочей силы и навыков в некоторых сферах экономики выявляет ключевую важность навыков и образования. Участие в обучении взрослых оставалось низким во многих государствах. В 2016 г. только 37% взрослых ежегодно участвовали в учебных мероприятиях. Для низкоквалифицированных взрослых этот показатель был еще ниже – 18%. Это вызывает беспокойство, учитывая, что навыки, прежде всего цифровые имеют ключевое значение для того, чтобы идти в ногу с быстро меняющимися условиями на рынке труда.

Участие женщин на рынке труда остается нерешенной проблемой. Из-за пандемии COVID-19 женщины столкнулись с более резким сокращением рабочего времени, что связано с гендерными различиями в секторах и профессиях, затронутых кризисом. Кроме того, существенно выросла нагрузка на женщин из-за большой доли обязанностей по уходу за домом и близкими во время распространения вируса.

Системы социальной защиты помогли пережить кризис COVID-19, сохранив располагаемый доход домохозяйств стабильным. Тем не менее риски бедности или социальной изоляции остаются высокими для определенных групп населения, особенно для семей с детьми, лиц с ограниченными возможностями и мигрантов. В 2019 г. около 91 млн человек (из которых 17,9 млн детей в возрасте от 0 до 17 лет) относи-

лись к данной категории населения в ЕС [13]. Для таких людей расходы на жилье и энергию представляют собой особую проблему. От энергетической бедности страдают почти 34 млн европейцев, которые не в состоянии позволить себе содержать свои дома в тепле, при этом многие семьи указывают на отсутствие доступа к недорогому качественному жилью.

Государства ЕС стремятся выработать эффективную единую стратегию с целью решения выявленных проблем в сферах занятости, навыков и социальной политики, в полной мере используя широкие возможности финансирования для поддержки реформ и инвестиций, такие как бюджет ЕС, NextGenerationEU, Европейский социальный фонд плюс и другие.

Основными задачами, стоящими перед правительствами стран ЕС, остаются создание новых рабочих мест, облегчение перехода от безработицы к занятости и перетока рабочих мест между секторами, укрепление экономической и социальной устойчивости, обеспечение эффективного перехода к «зеленым» и цифровым технологиям.

В марте 2021 г. появился Европейский план действий по обеспечению социальных прав. В нем сформулированы следующие три амбициозные цели, которые ЕС намерен достичь к 2030 г. [13].

- как минимум 78% населения в возрасте от 20 до 64 лет должно быть трудоустроено к 2030 г.; кризис, вызванный коронавирусом, остановил шестилетний позитивный прогресс в сфере занятости: к третьему кварталу 2020 г. уровень занятости составил 72,4%;
- как минимум 60% всех взрослых должны проходить ежегодное обучение, что окажет первостепенное влияние на улучшение возможностей трудоустройства, стимулирование инноваций, обеспечение социальной справедливости и устранение разрыва в цифровых навыках;
- сокращение по крайней мере на 15 млн количества людей, подверженных риску бедности или социальной изоляции, из которых не менее 5 млн составят дети; ориентация на детей позволит не только предоставить им доступ к новым возможностям, но и будет способствовать преодолению процесса перетекания бедности из поколения в поколение.

Основные задачи для стран ЕС – создание новых рабочих мест, облегчение перехода от безработицы к занятости, укрепление экономической и социальной устойчивости, эффективный переход к «зеленым» и цифровым технологиям.

Таким образом, намеченные цели противодействия ЕС кризису, вызванному пандемией коронавируса, позволят утвердить позиции

Евросоюза в глобальном мире как региона с эффективной социальной рыночной экономикой, стремящегося к устойчивой и инклюзивной модели роста с рабочими местами, обеспечивающими достойную жизнь населению и социальную защиту.

Рассмотрим ситуацию на рынке Узбекистана, сложившуюся в период пандемии. По данным Министерства занятости и трудовых отношений, в 2020 г., в разгар пандемии коронавируса, уровень безработицы среди экономически активного населения республики составлял 10,5%, что на 1,5% выше по сравнению с 2019 г. [14]. За первые три квартала 2021 г. уровень безработицы среди экономически активного населения равнялся 9,4%, среди граждан от 16 до 30 лет – 14,9%, среди женщин – 12,8%.

До пандемии большинство людей в Узбекистане, не трудоустроенных в формальном секторе, являлись потенциально уязвимыми к экономическим потрясениям. Согласно статистике Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, в первой половине 2019 г. доля занятости экономически активного населения в неформальном секторе республики составила 53%. Это 7,8 млн неформальных, занятых в основном строительством, торговлей, сельским хозяйством, туризмом и услугами, из которых доминирующая доля приходилась на молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. Согласно данным на конец III квартала 2021 г. количество занятых в неформальном секторе страны снизилось до 5,9 млн человек, одновременно выросло число занятых в формальном секторе до 6,1 млн человек, прирост составил 450,5 тыс., или 7,9% [15]. Неофициально были трудоустроены 5,9 млн работников, что на 4,1% (254 тыс.) меньше, чем в 2020 г. Общее количество нуждающихся в работе было равно 1,4 млн.

До пандемии большинство людей в Узбекистане, не трудоустроенных в формальном секторе, являлись потенциально уязвимыми к экономическим потрясениям. В первой половине 2019 г. доля занятых в неформальном секторе республики составила 53%.

В 2019 г. насчитывалось примерно 2,6 – 3 млн рабочих-мигрантов из Узбекистана. К сентябрю 2021 г. этот показатель снизился до примерно 1,5 млн человек. Однако сохранилось значительное число занятых в неформальном секторе, так как многие трудовые мигранты возвращались на родину, что усугубляло кризисную ситуацию в сфере занятости.

Экономический спад, вызванный пандемией COVID-19, определил серьёзные последствия, препятствующие последовательной реализации Целей в области устойчивого развития как в глобальном масштабе, так и в нашей стране. В Узбекистане реализация пакета антикризисных

Приоритетным направлением политики занятости населения в Узбекистане является обеспечение занятости женщин и молодежи.

мер тесно увязана с Национальными целями и задачами в области устойчивого развития на период до 2030 г., утвержденными Постановлением Кабинета министров № 841 от 20 октября 2018 г. С марта по июнь 2020 г. правительством было принято 14 указов и постановлений, направленных на смягчение влияния пандемии на уровень жизни населения и экономику. В первом квартале 2020 г. принятые меры по поддержке населения, отраслей экономики и субъектов предпринимательства в условиях коронавирусной пандемии были оценены в размере 62,6 млрд сумов (более 6,13 млрд долл. США). Более 500 тыс. субъектов предпринимательства и свыше 8 млн граждан получили льготы и преференции на сумму около 30 трлн сумов. В целях минимизации ущерба для предприятий, в первую очередь малого и среднего бизнеса в период пандемии было предоставлено 2,3 трлн сумов налоговых льгот и выделено из Антикризисного фонда на их поддержку 3,6 трлн сумов.

Особое внимание уделено социально уязвимым категориям граждан. На основе специального обследования были выявлены 583 тыс. «бедных семей», нуждающихся в материальной поддержке, которым, в частности, в рамках общенародного движения «Саҳоват ва кўмак» оказана материальная поддержка в размере свыше 307 млрд сумов. До конца декабря 2021 г. была оказана единовременная материальная помощь в размере 800 тыс. сумов отдельным категориям малообеспеченных семей.

Приоритетным направлением политики занятости населения в стране является обеспечение занятости женщин и молодежи. В 2021 г. была разработана программа содействия трудоустройству, профессиональной подготовке и доступу к источнику дохода 237,3 тыс. безработных, включенных в «Молодежную тетрадь», 167,7 тыс. — в «Женскую тетрадь» [16]. В рамках данной политики с 9 апреля 2021 г. был установлен порядок выделения субсидий по 7 новым направлениям за счет средств Государственного фонда содействия занятости населения. За первые три квартала 2021 г. государство выделило субсидии в размере 66,6 млрд сумов 31,5 тыс. безработным и людям, включенным в «молодежную» и «женскую тетради». Кроме того, безработные молодые люди и женщины в каждом районе смогли принимать участие в общественных делах в качестве «общественного помощника». Профильные министерства и ведомства республики приняли совместное решение по обучению молодежи и женщин профессии и предпринимательству, а также по содействию реализации бизнес-проектов. Согласно данному решению

14 тыс. безработных и незанятых среди молодых людей и женщин в стране получили помощь в трудоустройстве путем обучения предпринимательству и реализации бизнес-проектов [16].

Новыми мерами по трудоустройству молодежи и молодежного предпринимательства стали субсидии на заработную плату для молодежи, проведение производственных практик на предприятиях для студентов профессионального образования и обучения, льготные займы на предпринимательские проекты и инвестиции в молодежные технопарки.

Стабилизация рынка труда в Узбекистане должна включать организацию рабочих мест, стимулирование бизнес-активности населения, в том числе женщин и молодежи, обеспечение равного доступа к высшему образованию и финансовым услугам.

Благодаря принятым мерам Узбекистан отнесен к той небольшой группе стран, где негативные последствия пандемии выразились не в спаде экономики, а только в снижении темпов экономического роста до 1,6%, что гораздо выше, чем в большинстве других стран. Экономическая активность начала восстанавливаться уже во второй половине 2020 г. и продолжилась в 2021 г. По оценке Всемирного банка, рост ВВП Узбекистана в 2021 г. достиг 6,2%, а в 2022 г. прогнозируется на уровне 5,6% [17]. Уровень инфляции впервые за пять лет не превысил 10%, хотя он считается повышенным из-за роста цен на продовольствие и сырьевые товары, что отражает глобальные тенденции.

Ситуация с пандемией в стране постепенно нормализуется. Однако неопределенность остается высокой в связи возможностью появления новых штаммов вируса, что представляет собой большой риск в виде снижения темпов экономического роста и реализации ЦУР №8. Необходимо сохранить темпы вакцинации, чтобы большая часть населения была привита.

На экономику Узбекистана могут также негативно повлиять внешние шоки: замедление темпов роста в странах, которые являются основными торговыми партнерами страны, обострение геополитической и геоэкономической обстановки в мире, особенно с учетом специальной военной операции России на Украине, последствия которой предсказать весьма трудно. Повлиять могут волатильность цен на сырьевые товары и рост мировых цен.

Достижение национальных целей в области устойчивого развития напрямую зависит от соответствия антикризисных мер по защите населения, носящих краткосрочный характер, долгосрочным целям снижения бедности и неравенства, обеспечения социальной справедливости. Необходимо устранить территориальные различия в качестве и доступе

к базовым услугам, особенно в области здравоохранения и образования, повысить эффективность социальной защиты путем реформирования системы социальных пособий и пенсионного обеспечения.

В период восстановления экономики, пострадавшей от пандемии, особое внимание следует уделять оздоровлению рынка труда и наиболее затронутым кризисом группам. Стабилизация рынка труда должна быть обеспечена путем организации рабочих мест и стимулирования бизнес-активности населения, в том числе женщин и молодежи. Важной целью остается обеспечение равного доступа к высшему образованию и финансовым услугам. Создание условий и возможности заработка для малообеспеченного населения позволит увеличить его экономическую активность и снизить уровень бедности.

Стратегической задачей социальной политики Узбекистана остается поддержка работников неформального сектора, в том числе трудовых мигрантов, их включение в систему социальной защиты.

В Узбекистане, как и во всем мире, активно осваивается электронная коммерция, онлайн-обучение, программное обеспечение для удаленной работы; сфера услуг и общепита все больше ориентируются на доставку еды и товаров. Особо актуальна дальнейшая цифровизация экономики, поскольку это направление позволит экономике страны адаптироваться к новым требованиям в условиях пандемии и найти новые возможности для бизнеса и занятости населения в посткоронавирусный период.

Литература

1. Цели в области устойчивого развития. https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/

2. ILOSTAT, ILO modelled estimates, November 2019.

3. «COVID-19 и мир труда» // Обзор Международной организации труда (МОТ), 25 января 2021.

4. «COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. // Записка Международной Организации Труда (МОТ), 18 марта 2020 г.

5. Перспективы занятости и социальной защиты в мире: тенденции 2022. // Доклад МОТ. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-europe/-ro-geneva/-sro-moscow/documents/publication/wcms_834468.pdf

6. Кризис COVID-19 и неформальная экономика. Срочные меры реагирования и политические вызовы. // Справка МОТ, май 2020 г. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_protect/-protrav/-travail/documents/ briefingnote/wcms_745853.pdf

7. МБТ: Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture. Женева, 2018 г.

8. МОТ, 2020 г. // Вестник Международной Организации Труда (МОТ): COVID-19 и сфера труда. 4-й Вып. 27 мая 2020 г.

9. МОТ, 2020 г. // Вестник Международной Организации Труда (МОТ): COVID-19 и сфера труда. 3-й Вып. 29 апреля 2020 г.

10. ILOSTAT, https://ilostat.ilo.org/

11. МОТ, 2020 г. Как защитить трудовых мигрантов в условиях пандемии COVID-19: рекомендации для директивных органов и трехсторонних участников. // Аналитическая записка ООН по вопросу о перемещающихся лицах.

12. https://ec.europa.eu/eurostat/

13. The European Pillar of Social Rights Action Plan. https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-action-plan_en

14. https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market

15. https://mehnat.uz/ru

16. Пресс-служба Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. https://parliament.gov.uz/ru/events/fractions/34782/

17. Перспективы мировой экономики: Европа и Центральная Азия. // Отчет Всемирного Банка, январь 2022 г. https://thedocs.worldbank.org/en/doc/cb15f6d7442eadedf75bb95c4fdec1b3-0350012022/related/Global-Economic-Prospects-January-2022-Regional-Overview-ECA-RU.pdf

Н. Сиражиддинов, Л.М. Ташпулатова, Г.К. Султанова

Трудовая миграция из Узбекистана в Российскую Федерацию: тенденции и перспективы развития

Узбекистан занимает 2-е место среди стран Центральной Азии по объему ВВП (57,7 млрд. долл в 2020 г.) после Казахстана и 1-е место по численности населения (35 млн человек) в Центральной Азии. За 2017-2019 гг. темпы роста экономики Узбекистана составляли 5,3%.

По итогам 2020 г. в Узбекистане несмотря на высокие темпы роста экономики в 1,6%, ВВП на душу населения по текущим ценам составил всего 1685,5 долл. По этому показателю страна входит в группу стран с уровнем доходов ниже среднего, согласно классификации Всемирного Банка. Экономика страны была одной из немногих в регионе Европы и Центральной Азии, где удалость избежать падения ВВП даже в период пандемии. По ВВП на душу населения по ППС (7809 долл. в 2020 г.) Узбекистан в 3,4 раза отстает от Казахстана и в 3,6 раза от России и находится на 121-м месте среди 190 стран мира.

В 2017 г. Узбекистан начал проводить экономические реформы, которые заметно преобразили экономику страны: они выразились в либерализации валютного рынка и внешней торговли, в изменении налоговой системы, взят курс на углубление институциональных реформ и совершенствование экономической политики. Все это заметно улучшило инвестиционный климат, доля прямых иностранных инвестиций в ВВП возросла к 2020 г. до 38,4% (до 6600 млн. долл.).

***Сиражиддинов Н.**, докт. экон. наук, проф., УМЭД.*
***Ташпулатова Л.М.**, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономическая теория» УМЭД.*
***Султанова Г.К.**, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры «Международная экономика» УМЭД.*

Одной из нерешенных проблем экономики Узбекистана остается нехватка рабочих мест и низкий уровень заработной платы, что вынуждает граждан Узбекистана трудоустраиваться за рубежом, в основном в России. Отток трудящихся из Узбекистана достигает 1,6-2,0 млн человек, их денежные переводы в страну обеспечивают около 10% ВВП.

Демографическая ситуация в Узбекистане и состояние рынка труда

Узбекистан, являясь самой большой страной в Центральной Азии по численности населения, демонстрирует довольно быстрый его рост: за 2000 – 2021 гг. она увеличилась на 10,071 млн, или на 41,1%. По данным Госкомитета Республики Узбекистан по статистике, наблюдалось постепенное ускорение среднегодовых темпов роста численности населения: если в 2000-2010 гг. этот показатель составил 1,35%, то в 2010-2021 гг. – 1,93%, а среднегодовые темпы роста достигли 1,65%.[1]

Такое повышение мы объясняем не только ростом коэффициента рождаемости при относительно стабильном уровне коэффициента смертности, но и значительным снижением отрицательного миграционного сальдо населения. Если в 2001–2010 гг. отрицательное миграционное сальдо составило -719 952 человек, то в 2011–2020 гг. этот показатель составил -273 731 чел., т.е., по нашим расчетам, снизился более чем в 2,6 раза (рис. 1).

За исследуемый период (2000–2020 гг.) произошло не только значительное увеличение численности населения Узбекистана, но изменилась и его половозрастная структура. Наблюдалось постепенное снижение доли детей до 14 лет и увеличение доли населения в возрасте от 15 до 59 лет, а также людей старше 60 лет. Такая возрастная структура является оптимальной с точки зрения экономического роста. Большая доля населения продуктивного возраста (63,3% в 2020 г.) в сочетании с низкой долей населения 60 лет и старше (7,8%) и относительно высокой долей детей (28,9%) означают для Узбекистана большой потенциал для получения демографического дивиденда. С этой точки зрения рациональное формирование политики занятости может превратить изобилие рабочей силы из экономического бремени в ценный актив, который обеспечит новые перспективы экономического роста.

Согласно прогнозам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, численность населения Узбекистана будет расти вплоть до 2070 г. и только позже можно ожидать постепенного его уменьше-

[1] Данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography

ния. К 2050 г. численность населения Узбекистана составит 42,9 млн, к 2070 г. – 44,43 млн, а к 2100 г. – 42,3 млн человек (рис. 2).

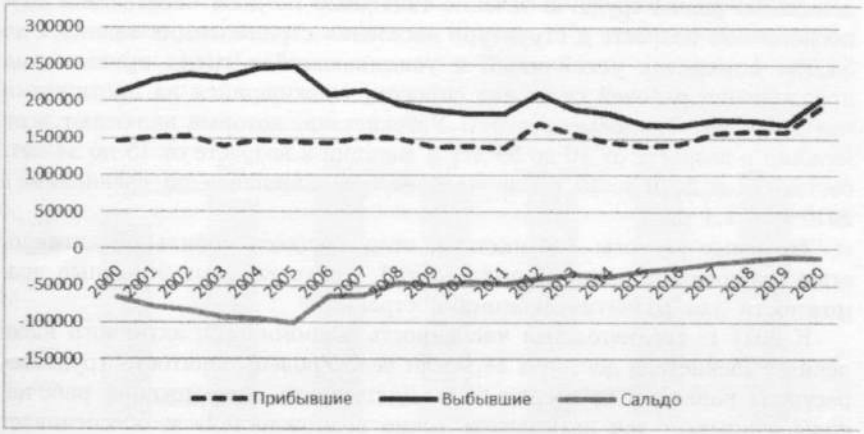

Рисунок 1. Республика Узбекистан: численность прибывших и выбывших, чел. [2] [1]

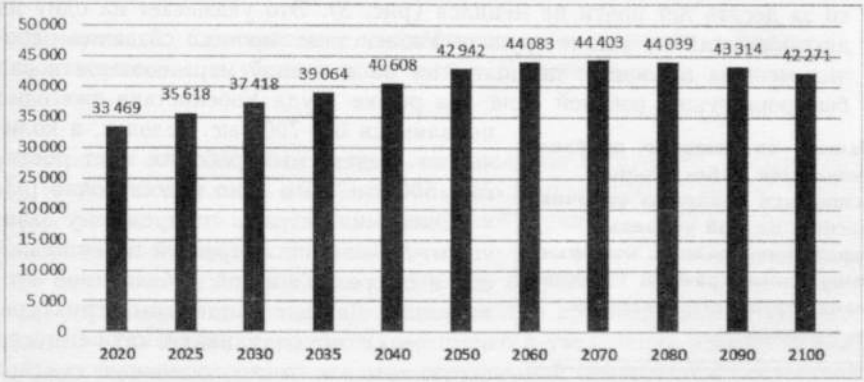

Рисунок 2. Прогноз динамики численности населения Республики Узбекистан до 2100 г. (к 1 июля соответствующего года, тыс. чел.) [3] [2]

[1] Рассчитано с использованием данных Госкомитета Республики Узбекистан по статистике: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography

[2] Данные Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН // https://population.un.org/wpp/Download/Probabilistic/Population/

Изменения в демографической структуре населения характеризуются ростом трудоспособного населения при сокращении доли детей и росте доли пожилого населения, что обуславливает меняющиеся тенденции на рынке труда. В течение 1991–2020 гг. доля населения в трудоспособном возрасте в структуре населения страны возросла с 49,1 до 58,2%, определяя устойчивый и усиливающийся тренд превышения предложения рабочей силы над спросом, сложившийся на протяжении почти 30 лет. Трудовые ресурсы Узбекистана, которые включают всех мужчин в возрасте от 16 до 59 лет и женщин в возрасте от 15 до 54 лет, составили в 2020 г. 19,1 млн человек, увеличившись по сравнению с 2010 г. в 1,1 раза.

Трудовые ресурсы Узбекистана, отличающиеся мобильной активностью и профессиональной подготовкой, предоставляют огромные возможности для развития экономики страны.

К 2021 г. среднегодовая численность экономически активного населения Узбекистана достигла 14,9 млн чел. Уровень занятости трудовых ресурсов равнялся примерно 66%. Доступность предложения рабочей силы открывает так называемое «окно возможностей» и обеспечивает ускоренный рост ВВП, однако при экономическом росте ВВП в среднем на 5% ежегодно и с учетом устойчивой тенденции роста численности экономически активного населения Узбекистана тренд уровня занятости за десять лет почти не менялся (рис. 3). Это указывает на одну из диспропорций на рынке труда в Узбекистане: процесс создания рабочих мест за последние двадцать лет не в полной мере соответствовал быстрорастущей рабочей силе. На рынке труда Узбекистана ежегодно появляются 600-700 тыс. человек, а количество создаваемых рабочих мест достигает 500 тыс., что явно недостаточно [1].

Одними из основных проблем экономики Узбекистана остаются нехватка рабочих мест и низкий уровень заработной платы, которые вынуждают граждан Узбекистана трудоустраиваться за рубежом.

Экономика страны по-прежнему зависит от добывающих отраслей и деятельности в сферах с низкой добавленной стоимостью. Данные тенденции структуры экономики обуславливают особенности структуры занятости, основные сектора которой – сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, в которых занято более четверти населения. В промышленности создается примерно вдвое меньше рабочих мест, в торговле – примерно 1/10 долей занятости.

Рассмотрим такой важный аспект ситуации на рынке труда Узбекистана, как наличие неформального сектора. Численность экономически активного населения, занятого в неформальном секторе, составляет 6,1

млн человек, или 41% рабочей силы. В формальном секторе работает 5,7 млн человек, что составляет лишь 38% рабочей силы. Однако, если учитывать количество выехавших трудовых мигрантов (порядка 1,6 млн чел.), доля занятых в неформальном секторе равна примерно 51% экономически активного населения страны, что составляет около 7,7 млн чел. (см. [2]).[1]

Рисунок 3. Соотношение численности экономически активного населения и уровня занятости в Узбекистане по годам.[2]

Кризис от COVID-19 оказал значительное негативное воздействие на трудовую занятость в Узбекистане. По данным пресс-службы Министерства занятости и трудовых отношений страны, в 2020 г. безработица среди экономически активного населения республики составила 13,2%, что оказалось выше на 4% по сравнению с уровнем 2019 г. В Узбекистане негативные последствия экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, проявляются не только в увеличении уровня циклической безработицы, но и в росте структурной безработицы, связанной с новыми диспропорциями, несоответствиями спроса и предложения на рынке труда.

Наиболее высокие уровни заработной платы наблюдаются в банковской, страховой и финансовой сфере, в предприятиях информации и

[1] По данным Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан на июль 2021 г.
[2] Составлено на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

Трудовые ресурсы Узбекистана, отличающиеся мобильной активностью и профессиональной подготовкой, предоставляют огромные возможности для дальнейшего развития экономики страны.

связи, перевозки и хранения, промышленных отраслях, строительстве. Для данных секторов были характерны и наиболее высокие темпы роста. Однако с 2018 г. благодаря масштабным реформам в системах образования и здравоохранения был обеспечен рост заработной платы в 1,8 раза и в 2,1 раза соответственно. И этот уровень сохранил тенденцию роста до 2021 г.

Экономический спад, вызванный пандемией COVID-19, привел к серьёзным последствиям, препятствующим последовательной реализации целей в области устойчивого развития в глобальном масштабе. В Узбекистане реализация пакета антикризисных мер тесно увязана с Национальными целями и задачами в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Чтобы обеспечить соответствие антикризисных мер по защите населения, носящих краткосрочный характер, и достичь долгосрочных целей по снижению бедности и неравенства, обеспечению социальной справедливости, следует стабилизировать рынок труда. Для этого важно принять меры по организации рабочих мест и стимулированию бизнес-активности населения, в том числе женщин. Создание условий и возможностей заработка для малообеспеченного населения позволит увеличить его экономическую активность и решить проблему бедности.

Приоритетными долгосрочными задачами социальной политики Узбекистана должны стать поддержка работников значительного неформального сектора, в том числе трудовых мигрантов, и их включение в систему социальной защиты.

Трудовая миграция из Узбекистана

Внешняя трудовая миграция стала одним из важных факторов повышения уровня жизни населения Узбекистана, преодоления бедности и смягчения проблемы безработицы. По данным Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан, общая численность трудовых мигрантов из Узбекистана к 1 января 2021 г. составила 1678,4 тыс. чел., из них 481,1 тыс. чел. (28,7%) были женщинами и 993,7 тыс. чел. (59,2%) – лицами моложе 30 лет.

Мигранты из Узбекистана направляются для трудовой деятельности преимущественно в Российскую Федерацию (1192,8 тыс. чел., или 71,1% от общего количества трудовых мигрантов), Казахстан (209,3 тыс. чел.), Республику Корея (62,3 тыс. чел.), Турцию (43,2 тыс. чел.) и ОАЭ (5,2

тыс. чел.). В других странах-реципиентах мигрантов из Узбекистана временно осуществляют трудовую деятельность 165,6 тыс. чел., или 9,9% от общего количества трудовых мигрантов (рис. 4).

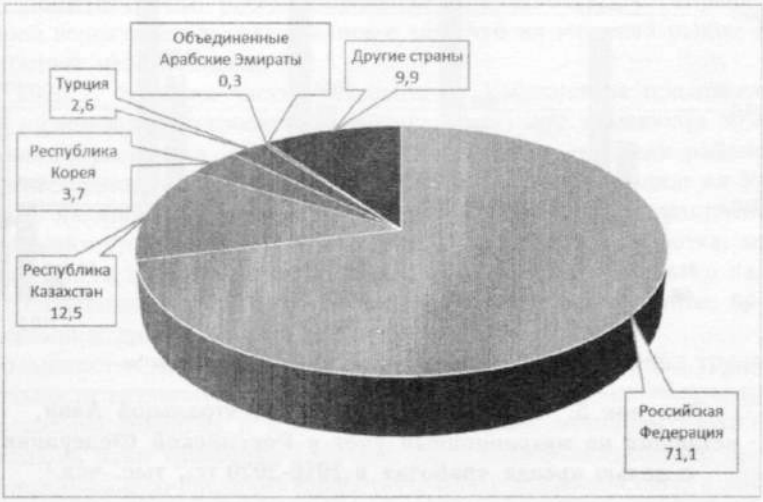

Рисунок 4. Страны-реципиенты граждан Республики Узбекистан, временно осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, % (на 1 января 2021 г.)[1]

По данным МВД РФ, число граждан стран Центральной Азии, вставших на миграционный учет в России с целью въезда «работа», за период 2016-2019 гг. имело устойчивую тенденцию к росту и составило 3881,4 тыс. чел. в 2019 г. Однако в результате негативных социально-экономических последствий пандемии COVID-19 численность трудовых мигрантов из Центральной Азии в 2020 г. сократилась на 54,3% по сравнению с показателем 2019 г. и составила 1772,9 тыс. чел., причем граждане Узбекистана составили 57% всех граждан стран Центральной Азии, вставших на миграционный учет в Российской Федерации с целью въезда «работа» в 2020 г., граждане Таджикистана – 28,6%, граждане Киргизии – 10,7%, граждане Казахстана – 3,4%, а граждане Туркменистана – 0,2%.

[1] Данные Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан.

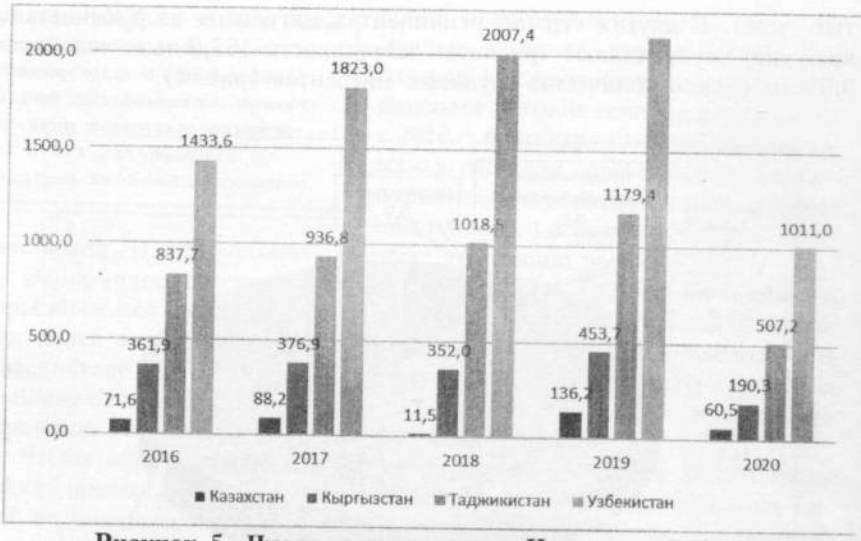

Рисунок 5. Число граждан стран Центральной Азии, вставших на миграционный учет в Российской Федерации с целью въезда «работа» в 2016-2020 гг., тыс. чел.[1]

Изучение результатов обследований домохозяйств позволяет выявить, как менялся профиль мигранта с 2008 г. по 2019 г. Если в 2008 г. для осуществления трудовой деятельности за рубежом в основном выезжали мигранты старше 40 лет, то позже он сократился до 30-33 лет. В 2008 г. доля респондентов с высшим образованием составляла более 30% от общего количества, а более 26% имели среднее специальное образование. В 2013 г. доля респондентов с высшим образованием была намного ниже – 7%, а 40% респондентов имели среднее специальное образование. В 2019 г. уже 60% респондентов имели среднее специальное образование и только 4% – высшее образование. Более 80% уезжавших на заработки составляли мужчины, большей частью семейные. В 2008 г. 86% респондентов осуществляли трудовую деятельность до миграции и только 14% не имели работы, а в 2015 г. доля занятых составила 48%, а доля безработных – 44%.

Согласно результатам обследования L2CU (2019), в домохозяйствах, членами которых являются мигранты, было занято меньшее количество членов по сравнению с домохозяйствами, не включающи-

[1] Статистические сведения по миграционной ситуации, сайт МВД РФ https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya

ми мигрантов, и меньше членов, ищущих работу. Домохозяйства с мигрантами в среднем имели более высокий доход, чем домохозяйства, которые рассматривали возможность отправки мигранта. Респонденты из домохозяйств, членами которых были мигранты, так же, как и домохозяйства, рассматривающие возможность его отправки, с большей вероятностью соглашались с тем, что их местный рынок труда работает неэффективно [2].

К 2020 г. большая часть мигрантов из Узбекистана представляла собой низкоквалифицированную рабочую силу, при этом более 80% из них были мужчинами, происходящими из бедных сельских районов.

Существенными факторами, обусловливающими миграцию из Узбекистана, являются низкая эффективность рынка труда, ограниченные возможности трудоустройства и получения достойного заработка, недостаток средств для повышения уровня жизни, шоки различного характера (проблемы со здоровьем членов семьи, получение кредита, продажа активов и др.).

Большинство мигрантов едут за рубеж для осуществления трудовой деятельности только из-за значительной разницы в уровне оплаты труда в странах-реципиентах и Узбекистане. Средняя величина денежного перевода за один трансферт (300-400 долл. США) значительно превышает номинальную среднюю заработную плату в Узбекистане, в 2020 г. она составила 2 667,6 тыс. сумов, или 265 долл. США.

Российская Федерация является основной страной-реципиентом трудовых мигрантов из Узбекистана. Это обусловлено тем, что действует безвизовый режим, имеются прочные родственные и культурные связи населения стран, создана общая транспортно-коммуникационная система, а также общность языка. К способствующим миграции факторам также относятся схожие образовательные системы и взаимодополняемость рынков труда (избыток низкоквалифицированной рабочей силы в Узбекистане и ее недостаток в России), общие культурные ценности и модели поведения.

Внешняя трудовая миграция является одним из важных факторов повышения уровня жизни населения Узбекистана, преодоления бедности и смягчения проблемы безработицы.

Немаловажным фактором, побуждающим к миграции, следует назвать наличие обширной узбекской диаспоры в России. Ее представители помогают землякам адаптироваться к новым условиям, оказывают им правовую и моральную поддержку. Важное значение также имеет наличие значительного ресурса миграционных сетей, которые мигранты используют при поиске жилья, работы и решении других насущных проблем [3].

Денежные переводы трудовых мигрантов в Узбекистан

После обретения независимости Узбекистан постепенно стал активным участником на мировом рынке денежных переводов. Основным фактором, формирующим масштабы и динамику денежных переводов в Узбекистане, стал внешний трудовой миграционный поток.

В 2020 г., несмотря на ограничения, возникшие в международной миграции рабочей силы в связи с пандемией, денежные переводы физических лиц из-за границы в Узбекистан составили 6027,1 млн долл. США, что оказалось на 0,3% больше, чем в 2019 г., и на 17,8% больше, чем в 2018 г.

Если отношение суммы полученных резидентами денежных переводов к ВВП в 2016 г. составила 5%, а в 2017 г. – 8%, то в 2018-2020 гг. – 10% (рис. 6). Удвоение этого показателя за последние 5 лет объясняется главным образом двукратным снижением обменного курса национальной валюты в результате либерализации рынка иностранной валюты в сентябре 2017 г. Так, в 2020 г. 94,6% денежных переводов поступили из 7 стран: России (71,1%), Казахстана (6,4%), США (5,7%), Южной Кореи (4,3%), Турции (3,3%), Израиля (2,2%) и Швеции (0,7%).

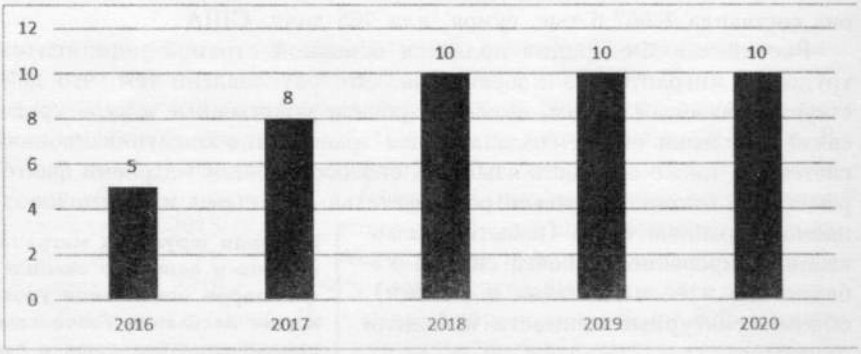

Рисунок 6. Отношение полученных трансграничных денежных переводов к ВВП Узбекистана в 2016-2020 гг., %

Положительное сальдо денежных переводов Узбекистана в 2020 г. составило 4829,6 млн долл. США, в том числе со странами СНГ на сумму 4235,2 млн долл. США и со странами дальнего зарубежья – 594,4 млн долл. США. Наша страна в 2020 г. имела наибольшее положитель-

ное сальдо денежных переводов с Российской Федерацией (4 034,4 млн долл. США), США (330,1 млн долл. США), Казахстаном (278,1 млн долл. США) и Южной Кореей (212,4 млн долл. США).

Можно утверждать, что денежные переводы от мигрантов из-за рубежа играют чрезвычайно важную роль в достижении сбалансированности платежного баланса Узбекистана. Полученные резидентами Узбекистана трансграничные денежные переводы по итогам 2020 г. составляли 10% к ВВП, 40,7% к экспорту товаров и услуг. Их сумма превышала объем поступающих чистых прямых иностранных инвестиций в 3,5 раза, а чистых портфельных иностранных инвестиций – в 4,2 раза. В условиях структурной перестройки экономики Узбекистана и нехватки рабочих мест на внутреннем рынке труда трудовая миграция и денежные переводы стали одним из способов преодоления бедности и снижения социального напряжения среди уязвимых слоев населения, поскольку обеспечивали дополнительный источник доходов.

Государственное регулирование внешней трудовой миграции

В Республике Узбекистан регулирование процессов внешней трудовой миграции и решение вопросов по обеспечению трудоустройства граждан Республики Узбекистан за рубежом и иностранных граждан в Республике Узбекистан возложено на Агентство по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений.

Агентство реализует меры по правовой и социальной защите, материальной поддержке граждан, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, в том числе посредством взаимодействия с Фондом поддержки и защиты прав и интересов граждан, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан, а также благодаря дипломатическим миссиям Республики Узбекистан в иностранных государствах [4].

Помимо Агентства по внешней трудовой миграции трудоустройством граждан Республики Узбекистан за пределами страны вправе заниматься юридические лица на основании лицензий, выдаваемых Министерством занятости и трудовых отношений. На основании лицензий в стране действуют 18 частных агентств занятости. В 2020 г. частными агентствами занятости трудоустроено 714 граждан за рубежом (Российская Федерация, Литва и др.) [5].

Кроме Фонда поддержки и защиты прав и интересов граждан, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, в структуре Каби-

нета Министров Республики Узбекистан был создан Департамент по вопросам защиты прав граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и международного экономического сотрудничества. Кроме того, была создана Республиканская комиссия по вопросам внешней трудовой миграции, состоящая из руководителей министерств и ведомств Республики Узбекистан, председателем которой является премьер-министр Республики Узбекистан [6].

Узбекистан активно развивает сотрудничество с зарубежными странами в области трудовой миграции. Еще в апреле 2017 г. правительства Российской Федерации и Узбекистана подписали «Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации», в котором предусмотрены меры по защите прав трудовых мигрантов. Также было подписано Соглашение между правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации «О взаимном учреждении представительств компетентных органов в сфере миграции», в соответствие с которым в Российской Федерации было открыто представительство Министерства занятости и трудовых отношений и Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, а в Узбекистане – представительство Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Негосударственными участниками, содействующими миграционным процессам в Узбекистане, являются профсоюзы, частные миграционные агентства, бизнес-сообщества и общественные организации.

Проблемы и перспективы развития трудовой миграции из Узбекистана в рамках ЕАЭС

Объемный рынок труда, более диверсифицированная экономика, потребность в квалифицированных рабочих, более высокий уровень заработной платы, лучшее качество жизни в России и Казахстане стали притягивающими факторами для рабочей силы из Узбекистана. Главной причиной устойчивой ориентации трудящихся-мигрантов из Узбекистана на страны ЕАЭС, особенно на Россию и Казахстан, стало наличие конкурентных преимуществ их рынков труда по сравнению с рынками труда других стран. К началу 2021 г. проявилась тенденция постепенного увеличения численности трудовых мигрантов из Узбекистана в Южную Корею (62,3 тыс. человек), Турцию (43,2 тыс. человек), ОАЭ

(5,2 тыс. человек) и другие страны дальнего зарубежья, при этом даже более высокий уровень заработной платы в этих странах пока не может перекрыть значительные социально-экономические издержки мигрирующего населения, связанные с жесткими требованиями к качеству выполняемой работы, сложностью получения рабочей визы, необходимостью знания и сложностью изучения языка, жестким отношением работодателей и др.

Среди главных факторов привлекательности рынков труда стран ЕАЭС стали формирование Евразийской миграционной подсистемы, основанной на исторических социально-экономических связях между странами бывшего СССР, и широкое распространение русского языка как основного средства общения. Знание русского языка и понимание менталитета населения, возможность безвизовой поездки существенно повышают шансы трудовых мигрантов из Узбекистана в странах ЕАЭС. Важную роль играет и то обстоятельство, что Узбекистан в транспортном отношении значительно плотнее связан со странами ЕАЭС, чем со странами дальнего зарубежья.

Главными причинами устойчивой ориентации трудящихся-мигрантов из Узбекистана на страны ЕАЭС, особенно на Россию и Казахстан, является наличие конкурентных преимуществ их рынков труда по сравнению с рынками труда других стран.

При выборе направления миграции за границу жители Узбекистана ориентируются в основном на страны ЕАЭС, прежде всего на Россию и Казахстан. Формирование ЕАЭС, способствуя развитию внешнеэкономических связей между его членами и ускорению темпов их экономического роста, увеличивает спрос на рабочую силу, что благоприятно сказывается на возможностях устроиться на работу в странах ЕАЭС рабочим мигрантам из Узбекистана. Одновременно принимаются меры по формированию единого рынка труда в рамках ЕАЭС, происходит ужесточение условий пребывания трудящихся-мигрантов из третьих стран на рынке труда России. Эти процессы значительно усложняют получение допуска к осуществлению трудовой деятельности мигрантов на рынке труда в России, что снижает конкурентоспособность рабочих мигрантов из Узбекистана по сравнению с мигрантами из стран-членов ЕАЭС и ведет к уменьшению потоков трудовых мигрантов из Узбекистана в Россию. По подсчетам специалистов из Евразийского Банка развития, в случае присоединения Узбекистана к ЕАЭС дополнительный приток в страну денежных поступлений от трудовых мигрантов составит 1,5–2 млрд долл. в среднем в год. Это даст дополнительный импульс в ежегодному приросту ВВП Узбекистана в размере 0,3–0,4 п.п. [7].

Влияние пандемии коронавируса и отъезд большого количества мигрантов на родину создали дефицит низкоквалифицированных работников в отдельных отраслях экономики России. Существенная нехватка работников наблюдается в сфере ЖКХ, строительства, сельского хозяйства, розничной торговли, общепита, сферы бытовых услуг, службы такси и доставки.

Пандемия показала, что рынок труда в Российской Федерации в определенной степени зависит от мигрантов во многих сегментах экономики. В России сложился дефицит низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, который компенсировался за счет трудящихся-мигрантов. Мигранты также играют роль буфера на российском рынке труда, поскольку при ухудшении экономической ситуации и сокращении спроса на рабочую силу в первую очередь увольняют трудящихся-мигрантов.

Миграция рабочей силы является объективной необходимостью как для развития экономики Узбекистана, так и экономики России. В этой связи правительства двух стран должны развивать тесное сотрудничество в данной сфере с целью создания благоприятных условий для осуществления временной трудовой деятельности граждан Узбекистана на территории России в рамках правового механизма.

Большая востребованность трудящихся-мигрантов в различных секторах экономики России обусловлена прежде всего низкими издержками работодателей на оплату их труда и социально-бытовых нужд. Многие работодатели платят мигрантам более низкую заработную плату по сравнению с местными работниками, не предоставляют медицинских страховок, не обеспечивают нормальных условий проживания и охраны труда. В некоторых случаях мигрант работает без оформления письменного трудового контракта, поэтому если в какой-то сфере деятельности между мигрантом и местным работником все же существует конкуренция, то издержки работодателя на оплату труда мигранта будут существенно ниже.

Российская Федерация долгое время находится в состоянии демографического кризиса. Миграционный прирост в значительной степени компенсировал постоянно убывающее население России. За 1991-2017 гг. за счет миграционного прироста страна получила 9,5 млн человек, что компенсировало 72% естественной убыли населения [8]. Мигранты трудоспособного возраста пополняют трудовые ресурсы России и сокращают социальную нагрузку на работающих. Вследствие убыли населения в трудоспособном возрасте экономика России будет все больше зависеть от привлечения иностранных работников.

Пополняя трудовые ресурсы России, трудящиеся-мигранты способствуют увеличению добавленной стоимости многих отраслей экономики. Трудящиеся-мигранты также увеличивают доходы государственного бюджета за счет покупки патентов на трудовую деятельность в случае занятости в официальном секторе экономики, а также приобретения товаров и услуг, в составе стоимости которых имеются различные налоги.

По мнению экспертов, значительная часть мигрантов работает на условиях неформальной занятости, что приводит к неуплате налогов и прямым финансовым потерям для государственного бюджета. Основными причинами незаконного найма иностранных работников является возможность платить им меньше, экономить на отчислениях и налогах. Затруднительность процесса официального оформления мигрантов ведет к практическому бесправию нелегально работающих мигрантов [9]. В случае нелегальной занятости возможна ситуация чрезмерной эксплуатации мигранта работодателем.

Одно из негативных последствий притока мигрантов в экономику России – возникновение социальных трений между местным населением и мигрантами. Несмотря на все риски, связанные с негативными социально-экономическими последствиями миграции, экономическое благосостояние России в краткосрочном и среднесрочном периоде во многом будет зависеть от привлечения приезжих трудящихся.

Проблемы у трудовых мигрантов из Узбекистана в России усугубляются следующими факторами: а) низкая квалификация и отсутствие у большинства мигрантов навыков, необходимых работодателю в принимающей стране, б) отсутствие у мигрантов свободы действий в вопросах внутренней мобильности и выборе работы в принимающей стране, в) отсутствие у большинства трудовых мигрантов достойных условий для проживания в принимающей стране, г) двойственная позиция российского общества по поводу отношений с мигрантами и др.

Миграция рабочей силы остается объективной необходимостью для развития экономики как Узбекистана, так и России, поэтому правительства двух стран должны развивать тесное сотрудничество в данной сфере с целью создания благоприятных условий для осуществления временной трудовой деятельности граждан Узбекистана на территории России в рамках правового механизма. Это требует дальнейшего укрепления, координации и принятия комплекса мер, направленных на повышение квалификации, мобильности и свободы действий трудящихся-мигрантов, улучшение их бытовых условий, экономического и социального положения.

На государственном уровне должно быть сформировано стратегическое видение позитивной роли миграционного ресурса для демографического и экономического развития России. Важно обеспечить создание эффективной модели привлечения иностранной рабочей силы, которая отвечала бы реальным потребностям российского рынка труда, не ущемляя прав российских работников, и при этом гарантировала права трудовых мигрантов.

Важнейшими мерами, направленными на повышение эффективности миграционной политики России, могут стать следующие: а) определение реального дефицита кадров на российском рынке труда и потребности в привлечении иностранной рабочей силы; б) упрощение процедуры получения миграционных документов для граждан, направляющихся на постоянное место жительства в районы нового освоения; в) экономическое стимулирование мигрантов, прибывающих в новые регионы посредством введения финансовых надбавок и налоговых льгот; г) разработка новых подходов к профессиональной подготовке трудовых мигрантов, включая организацию на кредитной основе системы профессионального обучения с условием последующей отработки суммы кредита в России; д) совершенствование политики адаптации и интеграции трудовых мигрантов, включая разработку мер, обеспечивающих права мигрантов, противодействие их маргинализации, социальной исключенности, принудительного труда и теневой занятости; е) расширение сотрудничества между странами по организационному (целевому) набору мигрантов для наиболее востребованных направлений.

Литература

1. *Кудбиев Ш.Д.* Оценка развития рынка труда и занятости населения // Iqtisodiyot va innovatsion texnologiylar. Ilmiy elektron jurnali. 2020, №6. – С. 28-34.

2. *Seitz W. H.* International migration and household well-being: Evidence from Uzbekistan //World Bank Policy Research Working Paper. – 2019. – №. 8910. P. 17. http://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/International-Migration-and-Household-Well-Being-Evidence-from-Uzbekistan.pdf

3. *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 222. - М., ИЭА РАН, 2010. - С. 6. http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/222-Zotova.pdf

4. Положение об Агентстве по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. Приложение № 4 к Постановлению Кабинета Министров от 12 сентября 2018 г. № 725. https://www.lex.uz/acts/3903309

5. Пресс-служба Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. https://parliament.gov.uz/ru/events/chamber/34037/

6. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и членов их семей» №УП-5785 от 20.08.2019 г. https://lex.uz/docs/4482657

7. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции// Доклады и рабочие документы 21/2. Центр интеграционных исследований, М., 2021. – С. 54.

8. *Рязанцев С.В.* Трудовая иммиграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. №4. С. 718–729. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729

9. *Йонцев В., Ивахнюк И.* Аналитический доклад по проекту на тему: Роль международной трудовой миграции для экономического развития России // CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012, С. 28.

Р. Махмудов

США и Китай на пороге схватки за лидерство в Четвертой промышленной революции

Введение

Современная эпоха развития международных отношений характеризуется ускоряющейся технологической гонкой, которая приводит к очередному парадигматическому сдвигу в области экономики, финансов, науки, образования и человеческой среды обитания.

В основе этой гонки лежит серия научных прорывов, породивших т.н. «Четвертую промышленную революцию» (ЧПР) с ее цифровизацией, роботизацией, 3D-печатью, искусственным интеллектом, умными фабриками и умными электрическими сетями, альтернативной энергетикой, военными технологиями нового поколения, квантовыми и нано-технологиями, исследованиями генома человека, животных и растений, универсализацией принципов блокчейн и т.п. Согласно Клаусу Швабу, все эти прорывы представляют собой «мегатренды» [1].

ЧПР также становится вызовом для таких ключевых акторов современной системы международных отношений, как государства и транснациональные корпорации и проверкой их способности к тому, что Йозеф Шумпетер назвал «созидательным разрушением» [2].

Между тем, как показывает история, новые промышленные революции создают новые технологические зоны, которые вступают в конкуренцию между собой за лидерство, дающее возможность доступа к пла-

Махмудов Р., *доцент кафедры «Прикладной анализ международных проблем» факультета Международных отношений УМЭД.*

тежеспособным рынкам сбыта и стратегически важным видам сырья, и почти всегда эта конкуренция проходит в очень жесткой форме. Четвертая промышленная революция не является исключением и также создает предпосылки для подобной конкуренции между США, имеющими свою глобальную технологическую зону, и Китаем, который находится в фазе ее формирования.

Возрождение геополитики технологических зон

Согласно российским экономистам Олегу Григорьеву и Михаилу Хазину, современная мировая история, начиная с XVIII в., фактически представляет собой продукт технологического развития в виде конкуренции и борьбы за выживание между технологическими зонами. Они указывают, что первая технологическая зона возникла в конце XVIII в. с центром на Британских островах (Британская технологическая зона), в которую по итогам Наполеоновских войн вошла Франция. По сути, Первая промышленная революция была эпохальным событием для всего человечества, изменившим многие традиционные представления в области политики, экономики и социального развития.

Сэмюель Хантингтон по этому поводу писал: «Политические теоретики XVIII в. утверждали, что богатые страны скорее способны быть монархиями, а бедные – республиками или демократиями. Для аграрных обществ это была правдоподобная гипотеза. Однако индустриализация перевернула соотношение между уровнем богатства и формой правления, и в XIX в. возникла положительная корреляция богатства и демократии. Она так и осталась в силе. Большинство богатых стран являются демократическими, и большинство демократических стран – Индия представляет собой драматическое исключение – богаты» [3].

Новые промышленные революции создают новые технологические зоны, которые вступают в конкуренцию между собой за лидерство, дающее возможность доступа к платежеспособным рынкам сбыта и стратегически важным видам сырья, и почти всегда эта конкуренция проходит в очень жесткой форме. Четвертая промышленная революция создает предпосылки для конкуренции между США, имеющими свою глобальную технологическую зону, и Китаем, который находится в фазе ее формирования.

Вторая технологическая зона возникла в Германии Бисмарка во второй половине XIX в. и включала в себя также Австро-Венгерскую и Российскую империи. Третья технологическая зона появилась в США в конце XIX в. (Американская технологическая зона) и была тесно финансово связана с Британской зоной. В конце XIX в. воз-

никла первая в истории технологическая зона в Азии. Ее создала Япония по итогам революции Мэйдзи (1868-1889).

Именно эти четыре технологические зоны стали участниками первого глобального конфликта в мировой истории – Первой мировой войны. Ее причиной, как полагают М.Хазин, стало исчерпание внутренних возможностей технологических зон из-за падения эффективности капитала (ПЭК-кризис). Стимулировать дальнейший экономический и технологический рост можно было лишь посредством расширения рынков за счет конкурентных технологических зон.

Вашингтон, как считают некоторые американские специалисты по Китаю, своими собственными руками сотворил «китайское чудо», которое в настоящее время бросает вызов США по 4 параметрам мощи – военной, экономической, технологической и культурной.

Как известно, Первая мировая война закончилась поражением Германии. Тем не менее, проблема конкуренции технологических зон в Европе не была на тот момент решена окончательно и потребовалась Вторая мировая война. В ее основе лежало стремление Германии восстановить свою технологическую зону в прежних довоенных пределах (ресурсы и рынки сбыта). В период между Первой и Второй мировыми война появилась Советская технологическая зона, выделившаяся из германской в 1929 году [4].

По итогам Второй мировой войны остались лишь 2 технологические зоны – Американская, вобравшая в себя бывшие технологические зоны Германии, Японии и Великобритании, и Советская технологическая зона, в которую вошла Восточная Германия. Именно конкуренция этих двух технологических зон стала одной из сущностных основ Холодной войны, закончившейся победой Американской технологической зоны, что ознаменовало собой установление с 1991 г. однополярного мира и американской технологической гегемонии, на интеллектуальном уровне возродившим в западном интеллектуальном пространстве представления об историческом финализме. Символом этой эпохи можно считать эссе Френсиса Фукуямы «Конец истории?» (1989 г.), в которой либерализм объявляется завершением интеллектуальной социально-политической эволюции человечества, а также идеологией постисторического государства [5].

Гегемония американской технологической зоны продержалась примерно тридцать лет и в последние годы эксперты и аналитики стали все чаще говорить о возрождении геополитики технологических зон, поскольку появилось несколько глобальных игроков, обладающих растущим технологическим потенциалом и претендующих на создание или восстановление своих зон влияния.

Примерно с начала 2000-х годов начинает давать знать о себе ряд зарождающихся трендов, которые стали актуализировать риски для американской гегемонии. Примечательно, что многие из них были порождены самой моделью обеспечения американцами общественных благ на глобальном уровне, одним из базовых компонентов которой была американоцентричная экономическая глобализация. Именно она дала мощный стимул подъему Китая и последующему его превращению в ведущую индустриальную экономику мира.

По большому счету, Вашингтон, как считают некоторые американские специалисты по Китаю, своими собственными руками сотворил «китайское чудо», которое в настоящее время бросает вызов США по 4 параметрам мощи – военной, экономической, технологической и культурной.

Как отмечает Орвилл Шелл, известный американский журналист и специалист по Китаю, «Восемь американских президентов один за другим проводили политику сотрудничества с Пекином, если не считать нескольких ухабов и кочек на этом пути. Это невероятная демонстрация преемственности». Зачинателем процесса был президент Ричард Никсон, который в 1972 г. вместе со своим советником по национальной безопасности Генри Киссинджером отправился в Пекин, где предложил положить конец вражде США и КНР и вместе выступить против Советского Союза.

Если правильно интерпретировать оценку Орвилла Шелла касательно американского подхода в отношении Китая, то становится очевидным, что за помощью США в экономическом подъеме Китая стоит стратегическая ошибка, выраженная в догматической вере в универсальность и безальтернативность американской модели социально-экономического и политического развития, и верой в то, что Пекин, в конце концов, станет частью свободного мира благодаря позитивному воздействию экономических реформ.

Сила догматической веры и надежд на изменение «природы» Китая была такова, что она даже заставляла замалчивать противоречия между ценностями и политическими системами Китая и демократического мира. Характеризуя логику Билла Клинтона в его политике в отношении КНР, О.Шелл отмечает: «Он надеялся, что, когда Китай получит инъекцию капитализма, демократия придет туда естественным образом».

Американский специалист особо подчеркивает, что консенсус вокруг необходимости американо-китайского сотрудничества не смогли поколебать даже события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и распад СССР, противодействие которому было одним из стимулов американского сближения с Китаем. В немалой степени проведению подобной

политики способствовали интересы американских корпораций и потребителей. Орвилл Шелл указывает, что никто тогда даже не мог предположить, что Китай спустя несколько десятилетий попытается изменить правила игры [6].

Наглядный эффект «дружественной» политики США для экономики КНР показывают данные роста ее показателей после вступления в ВТО в 2001 г. Номинальный ВВП вырос с $1,34 трлн. в 2001 г. до $14,72 трлн. в 2020 г. [7]. Рост объемов внешней торговли составил с $0,5 трлн. в 2001 г. до $4,97 трлн. в 2020 г. [8]. Золотовалютные резервы страны выросли с $200 млрд. до $3,1 трлн. в 2020 г. [9].

Опираясь на свои возросшие финансовые, промышленные, научные и технологические возможности, Пекин стал разрабатывать и реализовывать масштабные планы, которые должны были вывести его в мировые лидеры по параметрам военной и технологической мощи. Стала проводиться коренная модернизация китайской армии и флота по параметрам сетецентрической войны [10].

После прихода к власти Си Цзиньпиня в 2011 г. Китай приступил к реализации нескольких долгосрочных программ, вызвавших обеспокоенность в США. Одной из них является запущенная в 2015 г. программа «Made in China 2025» (MIC2025), нацеленная на вывод китайской промышленности на качественно новый уровень развития и усиление ее позиций в начавшейся гонке за лидерство в Четвертой промышленной революции в таких сферах как робототехника, информационные технологии (Интернет вещей, искусственный интеллект, умные приложения), аэрокосмическое и морское оборудование, высокотехнологичные корабли, железнодорожный транспорт, зеленая энергетика и зеленые транспортные средства, новые материалы и т.д. MIC2025 можно рассматривать как один из этапов стратегии превращения страны в развитый технологический центр глобального уровня к столетию создания КНР в 2049 г. Одновременно Пекин начал создавать базу под свою технологическую зону посредством запуска Одного пояса, Одного пути в 2013 г., что можно считать вызовом для США и их доминирующей американской технологической зоне.

Структура и потенциал технологических зон США и Китая

Вместе с тем, говоря о начале геополитического соперничества США и Китая в области технологического доминирования, представляется актуальным применение структурного подхода для детального анализа имеющихся потенциалов сторон и перспектив их конкурентоспособности. В качестве сравнительной модели можно использовать модель тех-

нологической зоны, включающую в себя три компонента: 1. Независимая технологическая метрополия (НТМ); 2. Наличие у метрополии устойчивых рынков сбыта; 3. Наличие у метрополии средств принуждения.

Компонент 1. «Независимая технологическая метрополия». НТМ представляет собой сердце технологической зоны и характеризуется наличием всей цепочки создания технологий, начиная от системы образования, генерации идей и независимой финансовой системы и заканчивая цепочками добавленной стоимости в технологических отраслях и развитым потребительским рынком. Сравним некоторые из параметров НТМ у США и Китая.

1. Top-50 лучших университетов мира по QS World University Rankings 2021/2022. Лучшие университеты в этом рейтинге определяются по шести критериям: научная репутация, репутация вуза среди работодателей, соотношения ППС к числу студентов, индекс цитируемости научных публикаций, доля иностранных студентов и доля иностранных преподавателей. В Top-50 вошли 17 университетов США и 8 университетов КНР и Гонконга.

Таблица 1.

Лучшие университеты США и КНР в Top-50 QS World University Rankings 2022

Позиция в рейтинге	Название университета	Сводный индекс	Научная репутация
1.	Массачусетский технологический университет (США)	100	100
3.	Стэндфордский университет (США)	98,7	100
5.	Гарвардский университет (США)	98	100
6.	Калифорнийский технологический университет (США)	97,4	96,7
10.	Чикагский университет (США)	94,5	99,2
13.	Пенсильванский университет (США)	90,7	96,2
14.	Йельский университет (США)	90,2	99,9
17.	Университет Цинхуа (КНР)	89	98,6
18.	Пекинский университет (КНР)	88,8	99,4
19.	Колумбийский университет (США)	88,7	99,6
20.	Принстонский университет (США)	88,6	99,9
21.	Корнелльский университет (США)	88,3	98,4

Позиция в рейтинге	Название университета	Сводный индекс	Научная репутация
22.	Гонконгский университет (КНР/Гонконг)	86,3	97,9
23.	Мичиганский университет (США)	86,2	98,6
24.	Университет Джона Хопкинса (США)	85,9	87,6
30.	Северо-Западный университет (США)	82,8	84,4
31.	Фуданьский университет (КНР)	82,6	84,8
32.	Калифорнийский университет в Беркли (США)	82,5	100
34.	Гонконгский научно-технологический университет (КНР/Гонконг)	82,2	84,2
39.	Китайский университет Гонконга (КНГ/Гонконг)	80,3	88,8
40.	Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (США)	79,7	100
42.	Нью-Йоркский университет (США)	78,9	95,9
45.	Чжецзянский университет (КНР)	77,4	71,2
48.	Калифорнийский университет в Сан-Диего (США)	76,1	91
50.	Шанхайский университет Цзяо Тун (КНР)	75,6	83,4

Источник: QS World University Rankings 2022 [11].

В то же время, если говорить о лучших университетах мира в области машиностроения и технологий, то QS World University Rankings by Subject 2020: Engineering and Technology также указывает на лидирующие позиции вузов США. В Top-10 входят Массачусетский технологический университет (1), Стэндфордский университет (2), Калифорнийский университет в Беркли (5). Из китайских вузов в десять лучших входит только Университет Цинхуа (9). Что касается Top-50, то в нем представлены 14 университетов США и 7 из Китая и Гонконга [12].

Однако другой известный рейтинг U.S. News Best Global Universities for Engineering дает совершенно другую картину мировых университетов-лидеров в области машиностроения. В нем в Top-50 представлены 23 китайских университета и лишь 8 американских. https://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering

Таблица 2.

U.S. News Best Global Universities for Engineering (U.S. and Chinese universities in Top-50)

Rank	University	Subject score	Enrollment
1.	Tsinghua University (China)	100	38,221
3.	Massachusetts Institute of Technology (United States)	91	11,459
5.	Harbin Institute of Technology (China)	90.3	31,208
6.	Stanford University (United States)	89.3	16,319
7.	University of California-Berkeley (United States)	88.2	40,306
9.	Huazhong University of Science and Technology (China)	87	56,709
10.	Shanghai Jiao Tong University (China)	86.7	36,638
11.	Hong Kong Polytechnic University (China/Hong Kong)	86.5	21,979
11.	Zhejiang University (China)	86.5	40,352
13.	Southeast University (China)	84.3	35,211
15.	Tongji University (China)	83	30,525
16.	Xi'an Jiaotong University (China)	82.7	38,879
18.	Georgia Institute of Technology (United States)	81.8	27,838
19.	City University Hong Kong (China)	81.7	9,506
21.	University of Michigan-Ann Arbor (United States)	80,4	44,663
22.	Central South University (China)	79.9	54,903
24.	Beihang University (China)	79.3	30,837
25.	Harvard University (United States)	79.2	21,575
29.	Hunan University (China)	78.5	40,198
31.	Hong Kong University of Science and Technology (China/Hong Kong)	78.2	10,147
31.	Peking University (China)	78.2	31,606
33.	University of Science & Technology of China, CAS (China)	78.1	16,718
35.	University of Hong Kong (China/Hong Kong)	77.8	18,307
36.	South China University of Technology (China)	77.6	41,095
37.	Beijing Institute of Technology (China)	77.3	33,771
38.	Tianjin University (China)	77.1	-
42.	University of Electronic Science and Technology of China (China)	76.5	36,595
46.	Dalian University of Technology (China)	74.8	40,469
46.	University of Illinois--Urbana-Champaign (United States)	74.8	47,202
48.	University of Chicago (United States)	74.6	47,202
49.	Chongqing University (China)	74.4	40,613

Источник: U.S. News Best Global Universities for Engineering [13]

2. Расходы на Research & Development (R&D) и количество ученых на 1 млн. населения. По расходам на R&D США и Китай занимают первое и второе место соответственно. Согласно данным ЮНЕСКО по состоянию на начало 2022 г., США направляют на Research and Development средства в размере 2,7% своего ВВП. В пересчете на ППС это составляет $476,459 млрд. Из них $340,728 млрд. приходится на бизнес, $54,106 млрд. – правительственные расходы, $62,349 млрд. – университеты, $19,275млрд. – неправительственные структуры.

Расходы Китая на исследования и развитие составляют 2% ВВП или $346,266 млрд. по ППС. На бизнес из них пришлось $267,652 млрд., правительство – $54,720 млрд., университеты – $23,894 млрд. США и Китай намного опережают идущую третьей Японию с ее инвестициями в $169,554 млрд. по ППС (3,4% ВВП) [14].

Нужно отметить, что до пандемии коронавируса 2020 г. наибольшие темпы прироста инвестиций в науку демонстрировал Китай. Он обеспечил 44% глобального прироста в период 2014-2018 гг., а его доля в глобальных инвестициях в R&D выросла с 21,2% в 2014 г. до 24,5% в 2018 г. В этот же период КНР вышла на первое место в мире по регистрации международных патентов (31,7%), опередив США (21,7%), Японию (20%) и ЕС (13,9%) [15].

Вместе с тем по количеству ученых и исследователей на 1 млн. человек населения США значительно опережают Китай – 4205 и 1089 человек соответственно. Однако, обе страны уступают Японии с ее показателем 5328 человек на 1 млн. населения [16].

Исторически переход от одной промышленной революции к другой и сопровождавшееся им перераспределение мирового богатства и геополитического влияния никогда не происходило мирно. В этой связи можно предполагать, что переход от Третьей и Четвертой промышленной революции может также сопровождаться ростом напряженности между США и КНР.

3. Независимая финансовая система и венчурное финансирование. США являются системообразующей страной для глобальной финансовой системы благодаря лидирующей роли доллара. По показателям доли доллара в мировых валютных резервах центральных банков и использования его в глобальной торговле, американская валюта значительно опережает китайский юань. В четвертом квартале 2021 г. доля доллара в валютных резервах составила 59,02%, в то время как юаня – 2,25% [17]. Что касается международных сделок, то на американский доллар пришлось 40,51%, а на юань – 2,7% [18].

По параметру венчурного финансирования США почти в 2 раза опережают Китай. По данным Bloomberg, в 2021 г. американские стар-

тапы привлекли рекордные $296,6 млрд. Но и китайские стартапы поставили рекорд – они привлекли $131,6 млрд. венчурного финансирования, это примерно на 50% больше, чем показатель 2020 г.

Уже при президенте Бараке Обаме все громче стали звучать голоса, что США может уступить лидерство Китаю в экономической и технологической гонке нового поколения и с этим нужно что-то делать. Однако, по-настоящему реальные шаги стали предприниматься после избрания президентом Дональда Трампа в 2016 г., а также президента Джо Байдена в 2020 г.

Хотя Китай и отстает от США, но западные эксперты отмечают качественный разворот китайских компаний от инвестирования в Интернет-торговлю и онлайн-обучение в сторону новых технологических разработок. Говоря другим словами, Китай диверсифицирует свою технологическую экосистему. Китайские компании удвоили инвестиции в ключевые технологические сектора, такие как чипы, робототехника и продукты SaaS (software as a service – программное обеспечение как услуга).

В нескольких ключевых областях, где китайцы и американцы конкурируют за инновации и ресурсы, Китай превзошел США по объему венчурных инвестиций. Согласно данным Preqin, китайские производители и разработчики полупроводников и интегральных схем получили от венчурных инвесторов $8,8 млрд., что значительно больше, чем $1,3 млрд, которые их американские коллеги привлекли за тот же год [19].

4. Уровень роботизации. По показателю количества индустриальных роботов (robot density) на 10,000 работников (employees), США и Китай находятся очень близко. Количество роботов на 10 000 тыс. работников в США выросло со 176 единиц в 2015 г. до 255 единиц в 2020 г. (7-е место в мире). В свою очередь в Китае повышение уровня роботизации является самым динамичным в мире: из-за значительного роста количества роботов показатель плотности вырос с 49 единиц в 2015 г. до 246 единиц в 2020 г. Сегодня по количеству роботов Китай занимает 9-е место в мире; для сравнения – оно было 25-м всего пять лет назад.

Первую тройку мировых лидеров в области промышленной роботизации занимают страны Азии. Южная Корея – это мировой лидер с 2010 г. Плотность роботов в стране в семь раз превышает среднемировой показатель (932 единицы на 10 000 работающих). Сингапур занимает второе место с показателем 605 роботов на 10 000 работников в 2020 г. Япония занимает третье место в мире – 390 роботов на 10 000 работников. Япония является ведущим производителем и экспортером про-

Давление на китайский экспорт в США было начато при президенте Дональде Трампе и одной из его целей было ограничить валютные возможности Пекина финансировать свои технологические разработки.

мышленных роботов в мире – 174 000 единиц в 2020 г. Сегодня японские производители обеспечивают 45% от мировых поставок роботов. [20].

5. Наличие стратегически важных видов сырья. Говоря о технологических метрополиях США и КНР, необходимо отметить такой фактор, как наличие у Пекина серьезного преимущества в виде больших запасов редкоземельных металлов (РЗМ), которые представляют собой ключевой сырьевой компонент 4ПР. В 2017 г. на КНР пришлось 80% мирового производства редкоземельных металлов, что дало ей мощный рычаг влияния на западные высокотехнологические компании, а также усилило геополитические возможности Пекина в его соперничестве с США.

Еще в 1992 г. Дэн Сяопин при посещении при посещении Внутренней Монголии, где находятся крупнейшие запасы китайских РЗМ, заявил: *«На Ближнем Востоке есть нефть, а в Китае – редкоземельные металлы: на долю редкоземельных месторождений Китая приходится 80% выявленных мировых запасов, что можно сравнить с запасами нефти на Ближнем Востоке. Это имеет чрезвычайно важное стратегическое значение. Мы должны быть уверены в том, что используем редкоземельные элементы надлежащим образом и в полной мере воспользуемся преимуществами, которыми мы обладаем благодаря редкоземельным ресурсам»* [21].

В последние годы китайское руководство предпринимает усилия по консолидации отрасли по добыче редкоземельных металлов в условиях обостряющейся глобальной технологической гонки. В декабре 2021 г. Пекин одобрил слияние трех крупнейших китайских государственных предприятий по добыче редкоземельных металлов (ГП) Китая. Minmetals Rare Earth, Chinalco Rare Earth & Metals и China Southern Rare Earth Group – вместе с двумя другими компаниями – Ganzhou Zhonglan Rare Earth New Material Technology и Jiangxi Ganzhou Rare Metal Exchange. В результате слияния был создан второй по величине производитель редкоземельных элементов в мире компания China Rare Earth Group, на долю которого приходится 30% производства редкоземельных металлов в Китае и 60-70% производства тяжелых редкоземельных металлов.

В свою очередь Вашингтон стремится снизить свою зависимость от КНР в этой сфере. В 2018 г. вновь открылась ранее закрытая шахта по добыче редкоземельных элементов в Калифорнии, были начаты работы

на месторождениях РЗМ в Техасе и на Аляске. Министерство обороны США предоставило австралийской компании Lynas Rare Earths грант на строительство завода по переработке легких РЗМ в Техасе.

В результате общего роста инвестиций в разработку РЗМ за пределами КНР китайская доля в их добыче снизилась до 60% в 2021 г., как следует из данных Геологической службы США [22].

Компоненты 2 и 3. «Доступ на экспортные рынки с развитым средним классом, наличие у метрополии средств принуждения». Китай за последние десятилетия существенно расширил географию своего экспорта, став крупнейшим мировым экспортером. Стоимость китайского экспорта составила почти $2.6 трлн. в 2020 г. В структуре экспорта $1,2 трлн. пришлось на экспорт машин и транспортного оборудования, что является индикатором технологического развития страны. В свою очередь стоимость экспорта США в 2020 г. составила $1,43 трлн. [23].

Таблица 3.

The 10 Biggest Exporting Industries in China in the United States (2022)

№	China (industry and value)	The United States (industry and value)
1.	Mobile Phone Manufacturing ($134.2B)	Oil Drilling & Gas Extraction ($101.9B)
2.	Integrated Circuit Manufacturing ($123.3B)	Petroleum Refining ($88.4B)
3.	Smart Phone Manufacturing ($118.7B)	Aircraft, Engine & Parts Manufacturing ($63.2B)
4.	Computer Manufacturing ($107.5B)	Car & Automobile Manufacturing ($44.6B)
5.	Computer Peripheral Manufacturing ($78.3B)	Brand Name Pharmaceutical Manufacturing ($43.2B)
6.	Building Construction ($54.2B)	Organic Chemical Manufacturing ($41.0B)
7.	Software Development ($51.3B)	Plastic & Resin Manufacturing ($37.6B)
8.	Apparel Manufacturing ($50.9B)	Natural Gas Liquid Processing ($32.5B)
9.	Steel Rolling ($50.2B)	Semiconductor & Circuit Manufacturing ($30.3B)
10.	Computer Tablet Manufacturing ($42.6B)	Navigational Instrument Manufacturing ($28.4B)

Источник: www.ibisworld.com [24], [25]

Таблица показывает, что ведущими экспортными отраслями Китая являются отрасли, экспортирующие технологическую продукцию, такие как мобильные телефоны и интегральные схемы, в то время как для США это добыча природного газа и нефтепереработка. Если посмотреть в целом, то среди 10-ти ведущих экспортных отраслей Китая в сравнении с отраслями США преобладают отрасли, связанные с 4ПР.

С позиций доступа на рынки сбыта с развитым средним классом ситуация обстоит следующим образом:

Таблица 4.

China and the U.S. exports by country

№	China (value, 2020)	The United States (value, 2021)
1.	United States ($452.58 B)	Canada($306.93B)
2.	Hong Kong (272.65B)	Mexico($276.46B)
3.	Japan ($142.64B)	China ($151.07B)
4.	Vietnam ($113.81B)	Japan ($74.96B)
5.	South Korea (112.50B)	South Korea ($65.77B)
6.	Germany ($86.82B)	Germany ($64.81B)
7.	Netherlands ($79.01B)	United Kingdom ($61.43B)
8.	United Kingdom ($72.61)	Netherlands ($53.57B)
9.	India ($66.73B)	Brazil ($46.88B)
10.	Singapore ($57.54B)	India ($40.13B)

Источник: Trading economics [26], [27]

Согласно данным в Таблице 4, США является крупнейшим экспортным направлением для Китая, в то время как для Вашингтона Пекин – третье по значимости направление экспорта товаров и услуг. США и КНР обладают самым многочисленным средним классом в мире в связи с чем они представляют друг для друга важные рынки сбыта. Нужно также отметить, что как для американских, так и китайских экспортеров в число топ-10 экспортных направлений входят 5 стран Большого Запада – Япония, Южная Корея, Германия, Нидерланды и Великобритания. Это очень важный фактор с точки зрения способности сторон удерживать рынки сбыта в случае прямого геополитического столкновения и торговых войн. Очевидно, что эти рынки с культурно-политической точки зрения больше ориентированы на США.

Что касается наличия у США и КНР как технологических метрополий средств принуждения для удержания стран и рынков в зоне своего влияния, то Вашингтон пока остается лидером. Американский военный бюджет на 2022 финансовый год составил $778 млрд. [28].

В свою очередь оборонный бюджет КНР с 1,35 трлн. юаней ($209 млрд., рост в 6,8%) в 2021 г. занял второе место в мире. Как указывает Джаганнатх Панда, глава Стокгольмского центра по Южной Азии и Индо-Тихоокеанскому региону (SCSA-IPA), Пекин стремится преобразовать свою армию в «вооруженные силы мирового класса к середине XXI века» [29].

По высокотехнологическим параметрам вооруженных сил США по ряду компонентов обходят КНР. Так, по количеству ядерных боеголовок США значительно опережают Китай – 5550 против 350. Мировым лидером является Россия – 6257 боеголовок [30].

По количеству авианосцев и вертолетоносцев также впереди США – 20 (11 авианосцев и 9 вертолетоносцев) против 3 (2 авианосца, 1 вертолетоносец) у Китая, который к тому же отстает от Франции – 4 (1 авианосец, 3 вертолетоносца) и Японии – 4 вертолетоносца (два из которых переоборудуются в легкие авианосцы) [31].

Пекин нацелился на усиление своих позиций в военно-морском компоненте, о чем говорит опубликованная еще в 2015 г. на сайте военного ведомства КНР «Белая книга» по вопросам обороны. Согласно ей, военно-морские силы НОАК будут постепенно переходить от защиты прибрежных вод на стратегию «защиты открытых морей». Говоря другими словами, речь идет об использовании ВМФ в Мировом океане, это то, что сегодня делают США. Это, соответственно, будет требовать создания большего количества авианосных групп [32].

В области развития гиперзвуковых ракетных технологий Китай опережает США, что делает последние очень уязвимыми, поскольку нынешние американские системы ПРО неспособны перехватывать гиперзвуковые ракеты. Два испытания гиперзвуковых ракет, проведенных КНР в 2021 г., вызвали серьезную обеспокоенность у американских военных, некоторые из которых стали говорить о разворачивании гиперзвуковой гонки вооружений между двумя странами.

В рамках ограничения Китая администрация Джо Байдена приступила к формированию новых военных альянсов. Речь идет создании 15 сентября 2021 г. тройственного союза AUKUS в составе США, Великобритании и Австралии для сдерживания Пекина в АТР и Южно-Китайском море. При этом Вашингтон подписал контракт с Канберрой о строительстве не менее восьми современных атомных подводных лодок, что изменит баланс сил в регионе в пользу западных держав.

Важным инструментом удержания стран в орбите своей технологической зоны являются военные базы. В данном компоненте США намного опережают Китай. В настоящее время в 80 странах мира располагается примерно 750 американских военных баз США, в то время как у Пекина их всего пять [33].

США и КНР: подготовка к технологической конкуренции

Как уже отмечалось, исторически переход от одной промышленной революции к другой и сопровождавшееся им перераспределение мирового богатства и геополитического влияния никогда не происходило мирно. В этой связи можно предполагать, что переход от Третьей и Четвертой промышленной революции может также сопровождаться ростом напряженности между США и КНР. Очевидно, что Вашингтон просто так не допустит создания глобальной китайской технологической зоны, и события, которые наблюдаются в последнее десятилетие, показывают, что американские политики настроены довольно решительно. Однако не менее решительно настроен и Пекин.

Уже при президенте Бараке Обаме все громче стали звучать голоса, что США может уступить лидерство Китаю в экономической и технологической гонке нового поколения и с этим нужно что-то делать. Однако, по-настоящему реальные шаги стали предприниматься после избрания президентом Дональда Трампа в 2016 г., а также президента Джо Байдена в 2020 г.

Именно при этих двух президентах стали оформляться контуры американской политики в отношении ограничения конкурентного потенциала Китая. Они включают в себя три компонента: 1) давление на китайский экспорт в США; 2) ограничение доступа ведущих китайских технологических корпораций к западным технологиям, знаниям и рынкам сбыта; 3) формирование военно-политических союзов для сдерживания КНР.

Давление на китайский экспорт в США было начато при президенте Дональде Трампе и одной из его целей было ограничить валютные возможности Пекина в финансировании своих технологических разработок. В июле 2018 г. Дональд Трамп ввел 25% пошлины на китайский импорт объемом $50 млрд., а в сентябре обложил 10%-ми пошлинами еще $200 млрд. импорта.

После того как Дональд Трамп заявил о провале переговоров с Китаем по заключению нового торгового соглашения, во второй половине мая 2019 г. он пошел на дальнейшее обострение торговой войны. Были подняты пошлины на $200 млрд. китайского экспорта в США с 10 до

25% и началась подготовка к введению 25-процентных пошлин на оставшиеся $325 млрд. китайского экспорта [34]. Китай в свою очередь объявил о введении ввозных пошлин на американские товары в размере $60 млрд.

Стало очевидно, что дальнейшее расширение торговой войны может обрушить мировую экономику, а также нанести непоправимый ущерб обоим странам, поскольку их торговые связи настолько переплетены, что они давно превратились в торговую Chemirica. В результате компромисс был найден. 15 января 2020 г. Китай и США подписали первую фазу торгового соглашения.

Согласно ему, Вашингтон согласился вдвое снизить введенные ранее 15-процентные пошлины на китайский импорт в $120 млрд. и снял с Китая статус валютного манипулятора, который он присвоил ему в августе 2019 г. из-за ослабления юаня во время торговой войны. Пекин, в свою очередь, обязался увеличить импорт американских сельскохозяйственных и промышленных товаров, энергоресурсов и услуг на $200 млрд по сравнению с 2017 г. Также он пообещал сделать свой финансовый сектор более открытым, не девальвировать юань и лучше защищать интеллектуальную собственность американских компаний [35].

Как показывают данные по двусторонней торговле, благодаря первой фазе торговой сделки американский экспорт в Китай вырос на 32,7% до $179,53 млрд. в 2021 г. Однако и китайский экспорт в США вырос на 27,5% и составил $576,07 млрд. Общий же объем американо-китайской торговли также вырос на 28,7%, достигнув $755,6 млрд долларов. Внешнеторговый профицит Китая составил $396,54 млрд. [36]. Таким образом, можно констатировать, что Белому дому пока не удается ограничить валютные доходы КНР, получаемые из экспорта на американский рынок.

В области геополитики Китай все больше сближается с Россией, которая находится в стадии острейшего экономического и военно-политического противостояния с коллективным Западом из-за проблем Украины и расширения НАТО на восток. Во многом противостояние Москвы с США и Европой имеет для Пекина судьбоносное значение, поскольку поражение России будет означать перенос вектора давления Запада на него.

При Дональде Трампе также началось ограничение доступа ведущих китайских технологических корпораций к западным технологиям, знаниям и рынкам сбыта. Под особое давление попала компания Huawei – мировой лидер в технологиях 5G. Президент Трамп 16 мая 2019 г. подписал указ о запрете использования оборудования, представляющего угрозу национальной безопасности США. В соответствие с указом, компания Google должна была полностью прекратить сотрудничество с

Huawei и аннулировалось право китайской компании использовать Android на смартфонах Huawei.

Кроме того, президент Трамп подписал указ, запрещающий с 11 января 2021 г. физическим и юридическим лицам из США покупку ценных бумаг компаний, связанных с китайскими военными, поскольку это позволяет Китаю укреплять свою обороноспособность и «напрямую угрожать США ... разрабатывая и разворачивая оружие массового поражения, современное неядерное оружие, а также проводя злонамеренные кибероперации против США и американского народа» [37].

Технологическая гонка между США и Китаем по многим параметрам станет осевым трендом наступающей эпохи Четвертой промышленной революции. Размеры экономик этих стран, их финансовые и научно-технологические ресурсы выводят их на первый план в числе стран, которые должны будут изменить технологический ландшафт мира и создать новую архитектуру технологических зон.

Президент Джо Байден продолжил политику давления на китайские высокотехнологические компании. 2 августа 2021 г. вступил в силу подписанный им указ, запрещающий американцам инвестировать в 59 китайских технологических компаний из соображений национальной безопасности. В черный список попали такие крупнейшие технологические компании КНР как Huawei Technologies Co., Ltd, компания по производству микроэлектроники Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC), производитель авиатехники Aviation Industry Corporation of China (AVIC), телекоммуникационные компании China Mobile Communications Group Co., Ltd., China Telecommunications Corporation, China United Network Communications Group Co., Ltd., строительная компания China Railway Construction Corporation (CRCC) и другие [38].

В рамках ограничения Китая администрация Джо Байдена приступила к формированию новых военных альянсов. Речь идет создании 15 сентября 2021 г. тройственного союза AUKUS в составе США, Великобритании и Австралии для сдерживания Пекина в АТР и Южно-Китайском море. При этом Вашингтон подписал контракт с Канберрой о строительстве не менее восьми современных атомных подводных лодок, что изменит баланс сил в регионе в пользу западных держав. Значимость этого соглашения для американской политики сдерживания Китая видна по тому, что США лишь во второй раз в своей истории согласились поделиться с другим государством сверхсекретной технологией создания АПЛ. В первый раз Вашингтон предоставил стране-союзнице в лице Великобритании атомные технологии в 1958 г. [39].

В свою очередь Китай также готовится к противостоянию и реализует собственные меры стратегического характера. В частности, китайцы полагаются на свой постоянно растущий потребительский рынок, к которому все больше привязываются поставщики из стран, входящих в американскую технологическую зону. Введение санкций против западных и азиатских компаний может нанести мощный удар по их финансовым интересам и цепочкам создания добавленной стоимости и поставок.

Особую ставку Пекин делает на свои крупнейшие в мире запасы редкоземельных металлов, ограничение экспорта которых будет означать очень серьезный удар по западному высокотехнологическому сектору. Кроме того, он пытается усилить позиции юаня в мировых торговых сделках, а именно, перевести торговлю нефтью с Саудовской Аравией с доллара США на юань.

В области геополитики Китай все больше сближается с Россией, которая находится в стадии острейшего экономического и военно-политического противостояния с коллективным Западом из-за проблем Украины и расширения НАТО на восток. Во многом противостояние Москвы с США и Европой имеет для Пекина судьбоносное значение, поскольку поражение России будет означать перенос вектора давления Запада на него.

Принимая во внимание уязвимость китайской экономики в вопросе сырьевой безопасности и уязвимость морских торговых путей, по которым поставляются углеводородное сырье, металлы и продовольственные товары в КНР и экспортируются китайские промышленные товары, применение в отношении Пекина пакетов санкций, аналогичных тем, что уже приняты в отношении Москвы, может поставить его сложнейшее положение.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что технологическая гонка между США и Китаем по многим параметрам станет осевым трендом наступающей эпохи Четвертой промышленной революции. Размеры экономик этих стран, их финансовые и научно-технологические ресурсы выводят их на первый план в числе стран, которые должны будут изменить технологический ландшафт мира и создать новую архитектуру технологических зон.

Вместе с тем, исторический опыт показывает, что геополитика всегда есть одно из измерений технологических процессов, протекающих в рамках промышленных революций, и, учитывая это, технологичес-

кая гонка между США и КНР неизбежно примет характер геополитического соперничества, что в принципе уже и наблюдается. Происходящая мобилизация ресурсов данными акторами показывает, что конкуренция ожидается весьма жесткая и она будет определять сущность глобальной политики и экономики в ближайшие десятилетия, внося коррективы в стратегии средних и малых акторов, которые вынуждены будут лавировать между политико-технологическими центрами силы, параллельно стремясь получить доступ к новым технологиям и знаниям XXI века.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. - «Эксмо», 2016, С. 17-23.
2. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. - Москва: Экономика, 1995.
3. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – Москва: РОССПЭН, 2003. С. 71-72.
4. Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. – Рипол Классик, 2019.
5. Francis Fukuyama. The End of History? The National Interest, 1989.
6. Шелл О. (США): неприглядная кончина Кимерики // Foreign Policy, 08.04.2020. https://inosmi.ru/politic/20200408/247211708.html
7. Gross domestic product (GDP) at current prices in China from 1985 to 2020 with forecasts until 2026 // Statista.com. https://www.statista.com/statistics/263770/gross-domestic-product-gdp-of-china/#:~:text=In%202020%2C%20the%20gross%20domestic,reached%20around%2010%2C484%20U.S.%20dollars.
8. Facts & Figures: China's foreign trade in 2020 // Xinhuanet.com, 14.01.2021. http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667906.htm#:~:text=%2D%2D%20China's%20total%20imports%20and,imports%20went%20down%200.7%20percent
9. Чэнь Вэйхуа. Это была хорошая идея. Вступление Китая в ВТО стало фактором мирового экономического роста // Российская газета - Спецвыпуск № 218(7976), 29.09.2019. https://rg.ru/2019/09/29/vstuplenie-kitaia-v-vto-stalo-faktorom-mirovogo-ekonomicheskogo-rosta.html
10. Countries with the highest military spending worldwide in 2020 // Statista.com, 2020. https://www.statista.com/statistics/262742/countries-with-the-highest-military-spending/
11. QS World University Rankings 2022 // Topuniversities.com, 2022. https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022
12. QS World University Rankings by Subject 2020: Engineering and Technology // Topuniversities.com, 2020. https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2020/engineering-technology
13. Best Global Universities for Engineering // USNEWS.com //https://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering

14. How much does your country invest in R&D? // UNESCO Institute for statistics. http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/

15. Увлеченные цифрой и экологией // КоммерсантЪ, 16.06.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4857449

16. How much does your country invest in R&D? // UNESCO Institute for statistics. http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/

17. Доля доллара в валютных резервах мира упала до минимума за 25 лет // Vesti.ru, 01.04.2021. https://www.vesti.ru/finance/article/2544833

18. Most active currency for international payments in 2021, based on transaction value // Statista.com, 2021. https://www.statista.com/statistics/1189498/share-of-global-payments-by-currency/

19. Shen Lu. China's tech startups raised a record $131B in 2021 despite crackdown // Protocol.com, January 10, 2022. https://www.protocol.com/bulletins/china-tech-startups-2021

20. Robot Density nearly doubled globally // International Federation of Robotics, Dec 14, 2021. https://ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-density-nearly-doubled-globally

21. Белов А. Strategist: КНР знает цену господства в редкоземельной промышленности // Регнум, 01.11.2019. https://regnum.ru/news/polit/2765624.html

22. Felix K. Chang. China's Rare Earth Metals Consolidation and Market Power // Foreign policy research institute, March 2, 2022. https://www.fpri.org/article/2022/03/chinas-rare-earth-metals-consolidation-and-market-power/#:~:text=%5B1%5D%20The%2017%20elements%20are,2016%E2%80%932020%20(2016).

23. Leading export countries worldwide in 2020. // Statista.com, 2020. https://www.statista.com/statistics/264623/leading-export-countries-worldwide/

24. Biggest Exporting Industries in China in 2022 // IBIS World.com, 2022. https://www.ibisworld.com/china/industry-trends/biggest-exporting-industries/

25. Biggest Exporting Industries in the US in 2022 // IBIS World.com, 2022. https://www.ibisworld.com/united-states/industry-trends/biggest-exporting-industries

26. China Exports by Country 2020 // Trading Economics, 2020. https://tradingeconomics.com/china/exports-by-country

27. United States Exports By Country 2021 // Trading Economics, 2021. https://tradingeconomics.com/united-states/exports-by-country

28. Panda J. China's Military Budget Keeps Growing: Why the World Should Worry // National Interest, March 8, 2021. https://nationalinterest.org/blog/buzz/chinas-military-budget-keeps-growing-why-world-should-worry-179573

29. Ibidem

30. Nuclear Weapons by Country 2022 // Worldpopulationreview.com, 2022. https://worldpopulationreview.com/country-rankings/nuclear-weapons-by-country

31. Aircraft Carriers by Country 2022 // Worldpopulationreview.com, 2022. https://worldpopulationreview.com/country-rankings/aircraft-carriers-by-country

32. Никольский А. Китай впервые в истории делает заявку на океанский флот. // Ведомости, 26.05.2015. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/05/27/593827-kitai-vpervie-v-istorii-delaet-zayavku-na-okeanskii-flot

33. Bledsoe E. How Many US Military Bases Are There in the World? // April 2, 2022. https://www.thesoldiersproject.org/how-many-us-military-bases-are-there-in-the-world/

34. Махмудов Р. Тонкости «ловушки Фукидида» // Review.uz, 30.05.2019. https://review.uz/post/tonkosti-lovushki-fukidida

35. Невельский А. Что дает предварительное торговое соглашение США и Китая // Ведомости, 15.01.2020. https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/14/820603-soglashenie-ssha-kitaya

36. Shen Weiduo, Chu Daye. US' trade with China surges 28.7% in 2021, but widening deficit proves tariffs 'a failure' // Jan 14, 2022. https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245953.shtml

37. Трамп запретил инвестиции в компании, связанные с военными КНР // Interfax.ru, 13.11.2020. https://www.interfax.ru/world/736903

38. Байден внес в черный список 59 китайских компаний, включая Huawei и SMIC // Interfax.ru, 03.06.2021.https://www.interfax.ru/world/770445

39. США, Австралия и Великобритания подписали соглашение об атомных подлодках // Deutsche Welle, 22.11.2021. https://www.dw.com/ru/avstralija-podpisala-soglashenie-ob-atomnykh-podlodkakh-s-aukus/a-59896316

Ш.М. Абдуллаев

О методологическом кризисе современной международной науки*

Серьёзная трансформация в деятельности нашего университета, которую генерирует его нынешнее руководство, исходя из задач, поставленных Президентом страны перед УМЭД, требует, прежде всего, глубокого анализа состояния современной международной науки, её способности осмыслить сложнейшие процессы, когда (по выражению известного американского международника Ричарда Хааса) «Мир идёт в разнос во всех направлениях, и даже могущественные державы процесс не контролируют». Имеет место кризис идей. Среди политических элит, в особенности на пространстве Большого западного мира (включая и Россию), отсутствует понимание куда двигаться, это маскируют ситуативным реагированием и поиском внешних врагов.

Текущий мировой кризис – при всех возможных параллелях с предыдущими – уникален. Совпало несколько явлений: а) экономическое цунами, подстёгнутое пандемией; б) глубокий кризис международного экономического и политического порядка, сложившегося после Второй мировой войны; в) элементы цивилизационного кризиса Большого Запада, доминировавшего в мире на протяжении столетий; г) быстрое снижение международной политической и стратегической стабильности; д) ослабление убедительности традиционных, международно-политических и интеллектуальных концепций. **Складывается картина все-**

***Абдуллаев Ш.М.**, Директор Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД, доктор исторических наук, проф.*

* В основу статьи положен доклад автора на Методологическом семинаре УМЭД 31 декабря 2021 года.

объемлющего, системного и многоуровневого кризиса с ожидаемо непредсказуемыми последствиями. Из-за необходимости концентрации на внутренних проблемах большинство ведущих стран мира останутся в среднесрочной перспективе нестабильными партнёрами. Это относится и к США, и к большинству стран Европы. Усилится конфронтация между основными внешнеполитическими партнёрами Узбекистана: РФ – США, КНР – США, ЕС – РФ, Турция – Запад, Исламский мир – Запад, Индия – Китай, Индия – Пакистан, Иран – Саудовская Аравия и т.д. Усиливается непредсказуемость на южном векторе нашей внешней политики, связанная с последними изменениями в Афганистане.

Текущий мировой кризис уникален. Совпало несколько явлений: а) экономическое цунами, подстёгнутое пандемией; б) глубокий кризис международного экономического и политического порядка, сложившегося после Второй мировой войны; в) элементы цивилизационного кризиса Большого Запада, доминировавшего в мире на протяжении столетий; г) быстрое снижение международной политической и стратегической стабильности; д) ослабление убедительности традиционных, международно-политических и интеллектуальных концепций.

Сегодня противоречие между глобализацией мира и деглобализацией управления создаёт вакуум управляемости. Как подчёркивает выдающийся представитель западной социологической мысли Зигмунд Бауман: «Неопределённость – единственная определённость». Сегодня царит неразбериха в международном политическом сознании: чем сложнее процессы, тем острее желание политиков и исследователей впихнуть их в простые схемы. Идёт поток, он включает в себя всё: события, их оценку, попытки влияния. Этот поток из-за информационной тотальности настолько гигантский, что в одночасье его русло изменить невозможно. Отсутствует интеллектуальный мейнстрим, который в прежние времена определял направление. Вспомните, ещё относительно недавно Ф. Фукуяма написал про конец истории. С этим соглашались или нет, но существовал лейтмотив эпохи. Сейчас много чего выходит, но теряется – лейтмотива нет. Ну а эксперты, они понимают ли, что происходит? Не очевидно. Мне кажется, экспертная и научная среда, которая, как говориться, «без гнева и пристрастия» должна осмыслять происходящее, сама находится в кризисе.

В тоже время, есть более масштабные проблемы, связанные с кризисом общих теорий в международных отношениях, теорий, призванных давать системный ответ на самые фундаментальные, базовые вопросы об объекте, целях и возможностях науки о международных отношениях. На эту проблему рано или поздно наталкивается любое частно-научное

исследование, когда речь заходит о выходе на более широкие обобщения: это проблема объясняет значительную часть трудностей, связанных с попытками построения международно-политических прогнозов.

Каковы на наш взгляд перспективы дальнейших поисков научных оснований международных исследований? В своё время Фарид Закария (американский политический аналитик) предполагал, что мир переживает процесс перехода власти от одной группы стран к другой, так называемый «подъём остальных». Это действительно так. Но такова только часть более масштабной трансмутации власти, которая затрагивает природу и распределение сил в глобальной системе. Важнейший аспект процесса – не подъём остальных, а подъём многих и рост асимметричности сил в международных отношениях. С этой точки зрения власть не переходит от одних к другим, а скорее распыляется, всё больше акторов могут влиять на ход истории, но всё в меньшей степени.

Это касается и наиболее влиятельных акторов – современных великих держав, включая США и Китай. Несмотря на всю мощь, ни Советский Союз, ни Соединённые Штаты не смогли навести порядок в Афганистане, а руководству КНДР на протяжении 20 лет удавалось манипулировать участниками шестисторонних переговоров. Ограниченная мощь национальных государств, даже нынешних великих держав, обусловлена радикальным усложнением современного мира. Одно из следствий усложнения – уязвимость, когда имеющиеся силы становится проще мобилизовать ради деструктивных целей. В то же время, невероятно сложна мобилизация в конструктивных целях. (Проблема борьбы с глобальной пандемией). Поэтому упадок Запада и крах либерального международного порядка вряд ли приведёт к «подъёму остальных», скорее он вызовет распространение беспорядка.

США – при всём своём невероятном могуществе пытаются приспособиться к хаотичному развитию событий. Что бы не думали про США и их конкретных руководителей, сегодня и в перспективе, которую мы можем охватить глазом, Соединённые Штаты есть и останутся страной, обладающей несопоставимыми ни с кем возможностями воздействия на весь мир и на каждую страну в отдельности. Роль США в мировой финансовой системе такова, что обойти её не может никто. И то, что сейчас происходит, невероятно интересно. Когда-нибудь об этом времени будут написаны библиотеки: как США, стремясь переустроить мир под свои новые задачи и интересы, ставят на кон собственное доминирование.

Китай – за последние годы впервые показал, что в монолите есть трещины. КНР основательно ощущает, насколько сегодня переплетены внутренние и внешние факторы. Как Китай воспринимает новый тре-

вожный феномен? Исторически существовали две теории «неизбежности». С одной стороны – теория неизбежности интеграции в либеральный мировой порядок, предполагающая, что Китай в конце концов окажется вовлечённым в этот порядок благодаря глобализации. С другой стороны, существует теория неизбежности того, что Пекин бросит вызов существующему международному порядку. Однако Китай может пойти по совершенно иному пути. У него нет оснований для разрушения нынешнего мирового порядка, но он готов изменить некоторые правила игры в соответствии с национальными традициями, культурой и интересами. Кстати, вероятность конфликта с Западом возрастёт, если мировоззрение Китая будет полностью «вестернизировано». Демократия не препятствует экспансионизму (как показала в своё время молодая американская республика). **Вестернизированный Китай с активной территориальной повесткой обязательно вступит в конфликт с Соединёнными Штатами по геополитическим причинам.**

Европа – сегодня принципиально старается не делать никаких масштабных шагов, стремясь удержать статус-кво. Она теряет инновационную силу и волю к переменам. Сейчас мир видит внутреннюю эрозию Европейского Союза. Это не значит, что ЕС развалится и исчезнет, такое никому не выгодно, а для европейских стран попросту катастрофично. Но то, что он будет радикально меняться, – в этом сомнений нет. Процесс внутреннего переустройства в ближайшие годы будет настолько поглощать Европу, что вряд ли у неё останется энергия на мощное позиционирование в мире.

Россия – находится в поисках нового исторического мифа. У Москвы отсутствуют собственные идеи касательно нового мирового порядка. Россия как великая держава, имеющая собственные интересы в мире, просто отстаивает идеи восстановления исторической памяти и ситуативно реагирует на информационные атаки. Ключевым вопросом для российского будущего является выстраивание политического взаимодействия с Европой и США. Возникшая за последние несколько лет вокруг украинского кризиса сильнейшая политическая турбулентность только обострила проблему стратегического выбора в российской глобальной политике. В ней сегодня представлены диаметрально противоположные тенденции, направленные

Ограниченная мощь национальных государств, даже нынешних великих держав, обусловлена радикальным усложнением современного мира. Одно из следствий усложнения - уязвимость, когда имеющиеся силы становится проще мобилизовать ради деструктивных целей. В то же время, невероятно сложна мобилизация в конструктивных целях.

как на обострение противостояния с западным миром, так и на поиск путей выхода из создавшегося политического тупика.

Стратегически мыслящие российские международники неоднократно высказывались о необходимости преодоления кризисных тенденций и продолжения диалога с западными партнёрами. Отстаивание российских национальных интересов невозможно без модернизации и роста экономики страны, а у неё в условиях внешней изоляции нет реальных шансов вырваться из тисков кризиса. Поэтому для российской внешней политики сегодня нет более актуальной задачи, чем нахождение разумного баланса интересов в отношениях с Европой и Америкой.

Ещё одна сфера в международных отношениях, которая требует нового осмысления со стороны исследователей, – непредсказуемая эволюция региональных стратегических вызовов на фоне стремительного разрушения мирового порядка. Сложилась тупиковая ситуация, и фундаментальные вопросы регионального баланса и соперничества остаются неизученными. Но именно они являются причиной международной напряжённости. Какова роль США, России и ЕС в мирном управлении Европой? Могут ли такие государства, как Украина, служить мостом или буфером между Россией и Евросоюзом? Если да, то как это будет работать? Какую роль должны играть Китай, Индия, Япония, две Кореи, АСЕАН и США в поддержании мира и безопасности в Восточной и Юго-Восточной Азии? Могут ли Иран, Израиль и государства Персидского Залива восстановить баланс сил, который будет сдерживать их соперничество и принесёт всем пользу? Что будет с Афганистаном, с этим «нервным узлом» Большого Ближнего Востока?

В Узбекистане за истёкшие десятилетия в академических международно-политических исследованиях сделаны определённые успехи с точки зрения экстенсивного наращивания потенциала, однако, в плане содержательном делаются только первые шаги. Мы стоим перед сложнейшей проблемой углублённого осмысления международно-политической среды в контексте национальных интересов Узбекистана.

Нынешние стратегические сдвиги в международной системе, если оставить их без внимания, могут привести к катастрофе. Если существующие институты перестанут функционировать, мировому сообществу придётся изобретать новые – на региональном и глобальном уровне. Но для этого потребуется интенсивный диалог между великими державами. В последний раз нечто подобное происходило в XIX веке. При этом Соединённым Штатам, Китаю, России и другим государствам придётся скорректировать свою политику, хотя сейчас никто из них не видит необходимости в этих корректировках.

Одна из причин кризиса международной науки – падение общего интеллектуального и концептуального уровня современного международно-политического мышления. Невежество и компетентность имеют теперь равный вес в политическом дискурсе. Мы имеем кризис в теории международных отношений, который проявляется через: 1) упадок престижа академической университетской экспертизы и тенденции к переносу её к «фабрикам мыслей»; 2) распространение методологического эклектизма в экспертной деятельности; 3) понижение престижа международных региональных исследований в университетах; 4) упадок общегуманитарной культуры исследований.

В Узбекистане за истёкшие десятилетия в академических международно-политических исследованиях сделаны определённые успехи с точки зрения экстенсивного наращивания потенциала, однако, в плане содержательном делаются только первые шаги. Мы стоим перед сложнейшей проблемой углублённого осмысления международно-политической среды в контексте национальных интересов Узбекистана. **При этом, мы должны делать соответствующие выводы из кризисного состояния современной международной науки и рассматривать кризис как возможность к обновлению, выходу на новый уровень развития.**

Какие задачи в этой связи стоят перед исследовательским сообществом Узбекистана?

- Необходим качественный рост методологической и концептуальной культуры наших исследований и экспертиз. (За последние годы мне удалось столкнуться только с двумя работами, где теоретико-методологический уровень был достаточно высокий. Это диссертация Ш.Таджиева, посвящённая мягкой силе во внешней политике Узбекистана, и диссертация З.Пулатходжаева, посвящённая формированию субрегиональной системы международных отношений в Центральной Азии. Остальные работы, в том числе работы, представляемые к защите в УМЭД, в своём большинстве носят описательный характер.)
- Необходим кардинальный пересмотр исследовательских планов с учётом серьёзной трансформации современной международно-политической системы. Это касается, прежде всего, УМЭД, научно-образовательных и академических учреждений традиционного и нового типа, а также и региональных университетов.
- Необходим более пристальный взгляд к вопросам эволюции международного и регионального развития, историческому опыту внешней политики независимого Узбекистана за три десятилетия.
- Существует острая необходимость в создании междисциплинарных исследовательских центров и лабораторий, призванных на современном уровне осуществлять фундаментальные и прикладные исследо-

вания проблем международных отношений и мировой экономики, регионалистики и страноведения.

• Необходима серьёзная концентрация на центральноазиатских исследованиях, с формированием специализированных групп экспертов по региону и отдельным странам. Следует признать, что внимание глобальных и региональных игроков сегодня привлекает не столько огромный ресурсный потенциал Центральной Азии, сколько его место в трансформирующейся архитектуре мировой политики, которую, к сожалению, влиятельные державы современности видят по-разному. Афганский фактор, повышая внимание к региону, в то же время ещё больше обостряет элементы соперничества внешних сил в Центральной Азии.

В данной статье предпринята лишь попытка обозначить в порядке постановки вопроса важные аспекты и нюансы современного состояния международной науки в ведущих странах мира. Автор ни в коей мере не претендует на полноту анализа. Проблема крайне многослойная и злободневная и нуждается в фундированной и разносторонней разработке.

Ш.Ш. Таджиев

Региональный порядок в Центральной Азии в условиях трансформации современной международно-политической системы

В условиях трансформирующейся глобализации и неизбежного роста всесторонней взаимозависимости и взаимоуязвимости поддержание стабильного мирового порядка зависит от устойчивого состояния, мирного функционирования и конструктивного характера региональных порядков. По мнению Г. Киссинджера, «нынешние поиски мирового порядка потребуют логически последовательной стратегии по формированию концепта порядка в рамках различных регионов и взаимосвязи этих региональных порядков друг с другом» [1]. Однако развитие подобных инклюзивных и открытых региональных порядков представляется «критическим вызовом», хотя «в фрагментированном и плюралистическом мире поиск локальных и региональных институтов в дополнение к уже существующим глобальным структурам[1] может стать многообещающим путем строительства мирового порядка в XXI веке» [2].

На современном этапе развитие регионального строительства представляется неким ответом мирового сообщества на новые вызовы и угрозы глобализации. Многие государства, в том числе и великие державы, не в состоянии собственными силами справиться с трансграничны-

***Таджиев Ш.Ш.**, доктор философии (PhD) по политическим наукам.*

[1] Например, создание по китайской инициативе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в 2015 г. в рамках инициативы «Одни пояс, один путь» можно рассматривать как дополнительные к существующим многосторонним финансовым институтам механизмы международного экономического порядка.

ми и общемировыми проблемами, вынуждены искать современные механизмы и формы адаптации к новым системным требованиям, чтобы не потерять свою акторность и по-прежнему участвовать в формировании мирового порядка [3]. Именно развитие интеграционных процессов является эффективным способом такой адаптации.

На качественные изменения природы международных отношений влияют следующие комплексные характеристики, указывающие на эволюцию мировой системы и строительство так называемых «глобальных регионов» национальными государствами [4]:

- *процессы глобализации* выступают мощным инструментом формирования новых мировых пространств [5], которые отличаются «множественностью» и «многомерностью»; под «пространствами» понимаются отличные от «территории» категории, связанные с развитием коммуникаций и мирового социума;
- *мультиакторность* появилась с выходом на мировую арену активных субъектов в виде новых государств и негосударственных субъектов;
- *транснационализация* началась с появлением сетевых и нетрадиционных каналов и инструментов в рамках «транснациональной среды глобального взаимодействия» [6];
- *глобальная регионализация* обусловлена расширением разнообразных интеграционных форм – от субрегиональных организаций до трансграничных структур и взаимодействия на цивилизационном уровне;
- *демократизация мирополитической практики* проявляется в многостороннем подходе к принятию решений на международной арене;
- *информатизация* означает, что в развитии современной мировой экономики и политики все более значимую роль начинают играть не только материальные ресурсы и потенциал, но и информация;
- *глобальные проблемы* привели к появлению в мировой политике новых вызовов и угроз.

«Новый регионализм» основан на том, что «каждый регион имеет свою собственную внутреннюю динамику, но в то же время регионы должны пониматься в глобальной перспективе» [7]. Более того, есть основания полагать, что ввиду роста силы и влияния региональных (субрегиональных, межрегиональных, трансрегиональных) субъектов международной политики (интеграционных группировок, блоков, объединений, альянсов, партнерств, неформальных групп, влиятельных встреч и форумов) выявляется следующее:

во-первых, усиливается их роль в формулировании и формировании глобальной и международной политической и экономической повестки, они выступают в качестве важнейшего балансира и стабилизатора в ходе трансформации устоявшихся в периоды двухполяр-

ности и «момента однополярности» принципов, норм и ценностей мирового порядка;

во-вторых, региональные порядки, представляющие из себя в нынешних условиях сложную и многоярусную конструкцию, становятся одной из ключевых опор современной мировой системы, выступают ее полноправными элементами или подсистемами; постепенно приобретают самостоятельность и позволяют эффективно структурировать отношения в динамичных и утрачивающих прежнюю стабильность пространствах.

Регионализация международного пространства в качестве системной трансформации характеризуется перераспределением регионального влияния, изменением конфигурации региональных структур, что закладывает основу для становления нового мирового порядка. Количественный и качественный рост влияния регионального уровня международного порядка дает основание некоторым ученым говорить о «региональном структурировании мирового пространства, становлении *«мировой системы регионов»* и о складывающемся на наших глазах новом мировом порядке, который может быть охарактеризован уже не только как государственно-центричный, но и как «мировой порядок глобальных регионов»» [8]. Например, А. Ачария указывает на «появление региональной архитектуры мировой политики» [9], а Б. Бузан и О. Уэвер в рамках теории комплексов региональной безопасности (*the regional security complex theory*) рассматривают «мировой порядок сильных регионов» [10].

Многие государства, в том числе и великие державы, не в состоянии собственными силами справиться с трансграничными и общемировыми проблемами, вынуждены искать современные механизмы и формы адаптации к новым системным требованиям, чтобы не потерять свою акторность и по-прежнему участвовать в формировании мирового порядка.

Создание в начале 2000-х годов многопрофильной ШОС в составе государств Центральной Азии и двух великих держав в лице России и Китая, а затем расширение ее состава за счет региональных держав – Индии и Пакистана привели к переформатированию международной среды на обширном евразийском пространстве. ШОС «легализовала» расширенное китайское присутствие в регионе, позволила России, а затем Индии и Пакистану адаптироваться к растущим политико-экономическим амбициям Китая. Вместе с тем, государства Центральная Азия, особенно после вступления в Организацию Ирана, получили бесконфликтную и конструктивную платформу для продвижения собственных интересов в этом обширном макрорегионе. Тем самым общее простран-

ство ШОС можно рассматривать в качестве влиятельного актора в международной системе, хотя степень ее монолитность не сравнима с ЕС или АСЕАН, если принять во внимание застарелые конфликтные оси, к примеру, между Индией и Китаем или Индией и Пакистаном.

Регионализация международного пространства в качестве системной трансформации характеризуется перераспределением регионального влияния, изменением конфигурации региональных структур, что закладывает основу для становления нового мирового порядка.

Можно констатировать зарождение «многоэтажной конструкции» современного регионализма и региональных порядков, в которой наблюдаются пересекающееся членство большого числа государств в различных региональных структурах (трансграничные региональные объединения, субрегиональные союзы, трансрегиональные объединения), дополнение формальных межгосударственных взаимодействий на региональном уровне расширяющимися устойчивыми неформальными и «частными» связями, наконец, активизация прямых отношений между межгосударственными союзами разных регионов [11].

Подобная «многослойная» характеристика свойственна также для регионального позиционирования Центральной Азии в международной среде, а ее по-своему уникальное географическое расположение в центре Евразии и присутствующий значимый культурно-исторический контекст выявляют следующие аспекты:

- обуславливают особенности ее «регионности»;
- определяют постоянные, трудно изменяемые свойства и одновременно динамику установившегося в ней порядка, который за последние тридцать лет подтвердил свою жизнеспособность и устойчивость;
- формируют в целом конструктивные и продуктивные правила и нормы поведения государств региона как между собой, так и в отношениях с внерегиональными акторами;
- фиксируют ценностные установки государств и населения стран региона, которые базируются на общепринятых Вестфальских нормах и на локальных традиционалистских кодексах, морально-этических и восточных когнитивно-философских принципах;
- диктуют упругий внутренний и внешний баланс сил и интересов с вовлечением в этот процесс глобальных и региональных держав, которые, как показывает практика многих лет, воздерживаются от попыток установления собственной гегемонии или безусловного и единоличного доминирования в этой части мира;
- предопределяют уровень вовлеченности (или невовлеченность) расположенных здесь государств в региональные, макрорегиональные

и международные структуры и институты диалога, взаимодействия (сотрудничества), коллективной безопасности и интеграции.

Порядок в регионе имеет *собственную внутреннюю логику и особые характеристики,* сложившиеся в ходе социально-политического и культурно-исторического развития в рамках общего для проживающих здесь народов цивилизационного пространства. Региональный порядок в странах Центральной Азии, базирующийся на определенном своде формальных и неформальных правил и норм, за все годы независимого развития определяет предсказуемость и стабильность в целом позитивных взаимоотношений между государствами и народами региона, представляет им возможность и надежную основу для защиты общих и индивидуальных интересов, обеспечения безопасности и нейтрализации имеющих локальную и внерегиональную этиологию угроз и вызовов.

Региональный порядок в Центральной Азии за все годы независимого развития определяет предсказуемость и стабильность в целом позитивных взаимоотношений между государствами и народами региона, представляет им надежную основу для защиты общих и индивидуальных интересов, обеспечения безопасности и нейтрализации имеющих локальную и внерегиональную этиологию угроз и вызовов.

В то же время региональный порядок в Центральной Азии, как уже сказано, во многом детерминирован ее географическим расположением и, естественно, подвержен влиянию множества факторов с внерегиональными истоками. Положение в регионе продуктивно рассматривать *на макрорегиональном уровне,* имея в виду его континентальную, другими словами, сложную и многоуровневую евразийскую привязку, а также *в международном ракурсе* с учетом очевидного влияния протекающих здесь процессов и в целом его совокупной мощи на глобальную картину мира и, наоборот, серьезными импликациями мировой среды на этот регион. Таким образом, нами предлагается *трёхъярусный подход к анализу регионального порядка в Центральной Азии по схеме: регион – макрорегион – международный уровень*, который более полно и системно отражает баланс сил внутри и вокруг региона, его объективное положение в статике и динамике, а также включает всю гамму национальных и общерегиональных целей, мотивов поведения задействованных игроков и иные аспекты.

Регион. Исходя из положений теории представителя английской школы международных отношений Хедли Булла, в социальном контексте *региональный уровень* порядка в Центральной Азии имеет в основе разделяемые всеми ее государствами *три основные цели*: сохранение

жизни населения, контроль над насилием и выполнение обещаний и соглашений. Без соблюдения этих условий любой порядок становится неустойчивым и его участники «не могут процветать или сформировать осмысленные отношения между собой». Безусловно, интересы сторон могут разниться по типам (безопасность, экономическое развитие или идеологические цели) и по уровню (безопасность может быть более важной, чем экономическое развитие, или наоборот). Однако «вне зависимости от различий и конфликтности целей государств, они едины в признании этих целей как играющих ведущую роль» [12].

Каковы общие цели у государств Центральной Азии через призму сохранения регионального порядка?

Во-первых, пять постсоветских государств поставили перед собой первоочередную цель – *построение суверенных и независимых государств, где равноправие, взаимная выгода и уважение в отношениях превратились в императив их регионального и макрорегионального поведения.* Последнее соотносится с негативно воспринимаемой исторической парадигмой взаимоотношений «Центр – союзные республики» в советские времена. Политико-экономические взаимоотношения в плоскости «республика – республика» не поощрялись Центром и компенсировались лишь неформальными социальными сетями на различных уровнях. Создание в 1994 г. Центральноазиатского союза без должного общерегионального опыта, с одной стороны, было продиктовано коллективной постколониальной реакцией на диктат Центра и стремлением достичь собственных целей через коллективный подход. С другой – было мотивировано всеобщими интеграционными трендами 90-х годов, ярким воплощением которых считались евроинтеграция и успехи АСЕАН. Отсутствие такого опыта, низкий уровень взаимной экономической интегрированности, секьюритизация региональной повестки дня вкупе с неотложными задачами укрепления государственности и национальности идентичности, а также амбиции национальных элит со временем предопределили неуспешность регионализма.

Региональный порядок в Центральной Азии во многом детерминирован ее географическим расположением и естественно подвержен влиянию огромного числа факторов с внерегиональными истоками.

На современном этапе взаимное уважение к суверенитету и независимости остается ключевым элементом в региональном политическом дискурсе и при развитии многосторонних и двусторонних отношений в регионе. Ставка на суверенность и защиту самостоятельности в первые два десятилетия независимого развития оправдала себя в плане консолидации наций. Хотя динамика международных процессов, рост внутренних и

специфических центральноазиатских вызовов, потребности национального роста предопределяли выбор таких государств, как Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, в пользу евразийской интеграции в сферах безопасности и/или экономики, а позже и Узбекистана и Туркменистана – в пользу более всеобъемлющего регионального сотрудничества.

Во-вторых, как отмечает британский ученый Ф.-К. Буранелли, сразу же после обретения независимости *первостепенным императивом стран региона (или их официальных представителей) было предотвращение этнических и территориальных конфликтов* для недопущения здесь «кавказского» или «югославского» сценария и концентрации ими сил на государственном и национальном строительстве *(state- and nation-building)*. Государства Центральной Азии не желали погружаться в возможные конфликты с соседями из-за меньшинств, анклавов, природных ресурсов, границ и прочих причин. Правительства государств региона стремятся к обеспечению гарантий против территориальных претензий и уважения базовых договоренностей по «элементарным правилам сосуществования» [13].

На современном этапе взаимное уважение к суверенитету и независимости остается ключевым элементом в региональном политическом дискурсе и в целом при развитии многосторонних и двусторонних отношений в регионе. При этом ставка на суверенность и защиту самости в первые два десятилетия независимого развития оправдала себя в плане консолидации наций.

Действительно, любое ущемление прав (по мнению соседнего государства или третьих сторон) узбеков, туркмен, казахов, таджиков, кыргызов на сопредельной территории, где они считаются меньшинствами, редко выносится на межгосударственный уровень и не привело (например, после трагических событий на межэтнической почве в Оше и Джалалабаде Кыргызстана в 2010 г.) к военному или иному серьезному конфликту. В частности, узбеки на территории Кыргызстана или Туркменистана рассматриваются в Узбекистане в качестве граждан этих стран. Другим примером улаживания может служить мирный раздел водных ресурсов между Узбекистаном и Туркменистаном, когда стороны неофициально договорились в начале 90-х годов о том, что воды Амударьи будут «делиться между ними поровну». В реальности дела могут обстоять иначе, однако взаимные обязательства о «бесконфликтности» до сих пор остаются актуальными.

В-третьих, в Центральной Азии *государство является единственным признанным и авторитетным источником политической и военной власти*, что исключает любые попытки создать ее альтернативные центры. Идеи пантюркизма, дискурсы о едином «Туркестане», трансгра-

ничном халифате или инкарнации бывшего Советского Союза представляются бесперспективными и наталкиваются на строго оберегаемые принципы суверенности [14]. Размещение в Таджикистане и Кыргызстане военных баз России, а также краткосрочная миротворческая миссия в Казахстане коллективных сил ОДКБ в январе 2022 г. (негативно оцененная на Западе [15]) рассматриваются, помимо регионального антитеррористического контекста, как механизмы или элементы системы поддержания суверенитета и стабильности этих государств, обеспечения национальной и региональной безопасности.

Государства Центральной Азии не желали погружаться в возможные конфликты с соседями из-за меньшинств, анклавов, природных ресурсов, границ и прочих причин. Правительства государств региона стремятся к обеспечению гарантий против территориальных претензий и уважения базовых договоренностей по «элементарным правилам сосуществования».

В-четвертых, государства Центральной Азии объединяет *стремление к повышению собственного международного статуса, признания, престижа и уважения*. Подобная цель обусловлена не только естественным для любого государства желанием укрепить свою силу и влияние во внешней среде, но и рассматривается как очевидное условие для поддержания внутренней легитимности и стабильности. Внешняя среда, в первую очередь в виде авторитетных международных институтов [16], государств Запада и ряда ключевых мировых игроков (Индия, Япония, Южная Корея), в силу различных причин, прежде всего экономических, хотела бы иметь дело не только с каждым государством региона в отдельности, но и с Центральной Азией как коллективным субъектом. Такая постановка вопроса диктует государствам региона необходимость постоянной демонстрации мирного сосуществования и наличия некой конструктивной региональной общности, основанной на формальных и неформальных нормах и правилах устойчивого порядка, их коллективной международной ответственности. В определенной степени данный посыл отражен и в официальном заявлении глав государств региона от 2021 г., где говорится о том, что «совместные инициативы государств Центральной Азии в решении важных глобальных и региональных проблем имеют ощутимые результаты на мировой арене» [17].

Необходимо отметить, что, следуя методологическому подходу Х.Булла, указанные *фундаментальные цели*, необходимые для реализации индивидуальных интересов государств, достигаются через соблюдение и имплементацию *правил*, служащих в качестве нормативных и поведенческих стандартов. Это, в свою очередь, требует уважения *специфи-*

Даже в периоды обострения конфликтов и локальных стычек по территориальным, водным, энергетическим, транспортным и иным причинам государства Центральной Азии строго соблюдают *правила непересечения «красных линий»*, используют политико-дипломатические и иные методы для достижения компромиссов или купирования сложных проблем.

ческих принципов (или набора принципов) для нормального функционирования социальной среды, каким является регион Центральной Азии. Эти «правила возникают как операционные правила, затем становятся устоявшейся практикой, потом приобретают статус морального принципа и в конце инкорпорируются в правовую конвенцию».

В международных отношениях выделяются три наиболее важных типа правил: (i) конституционные правила, согласно которым только суверенные государства являются участниками международного порядка; (ii) правила сосуществования, которые созданы для минимизации насилия, обеспечения максимального уровня предсказуемости и стабильности социального порядка; (iii) комплекс правил, касающихся сотрудничества, «когда достигается консенсус о более широком, чем просто сосуществование, круге целей» (см.: [18]).

В качестве *институтов* в международных отношениях понимается набор прав и обязанностей государств в международной системе, в том числе *международное право, дипломатия, управление порядком мировыми державами (great power management), баланс сил и война* [19]. В соотношении «порядок» и «институты» «мы не обязательно имеем ввиду под институтом организацию или административную машину, а больше набор привычек и практик, нацеленных на реализацию общих целей» [20].

Следуя указанному алгоритму, попытаемся применить его для анализа регионального порядка в Центральной Азии.

1. Исходя из исторически сложившихся ценностей, традиций и кодекса поведения, имеющих как восточно-философский, так и религиозно-этнический подтекст, политика государств региона в отношении соседей продиктована принципом, согласно которому *«кушнинг тинч – сен тинч»* («если сосед спокоен, и тебе спокойно будет» или «сосед не захочет, так и миру не будет»). Пять стран стремятся к «становлению Центральной Азии в качестве стабильного, открытого и динамично развивающегося региона, надежного и предсказуемого международного партнера» [21].

2. (а) На базе этой фундаментальной идеологемы государства региона уже несколько десятилетий следуют *правилам невмешательства во внутренние дела и отказа от интервенций*. Неизбежные различия госу-

дарственных интересов, моделей и концепций национального строительства не имеют негативного влияния на тысячелетние традиции добрососедства [22] и взаимопонимания между народами. Данное правило диктует политический настрой руководителей государств в отношении друг друга, невмешательство во внутренние социо-политические и иные процессы.

(б) Правила *уважения к суверенитету соседа, поддержания внутрирегионального баланса сил, отказа от поведения в стиле «большого брата» и установления региональной гегемонии* являются понятными и поддерживаемыми всеми странами Центральной Азии. Еще одно неформальное правило – балансирование действий великих держав (в первую очередь России и Китая) через набор экономических и военных обязательств, т.е. поведение, называемое *omni-balancing*[1] [23], или многовекторность [24].

(в) Стороны соблюдают *правило защиты территориальной целостности,* оставшейся в наследство от Советского Союза [25], т. е. уважения принципа *uti possidetis*[2], хотя демаркация и делимитация границ, доступ к анклавам и другие сопутствующие проблемы остаются одними из главных раздражителей во взаимоотношениях стран региона.

(г) Даже в периоды обострения конфликтов и локальных стычек по территориальным, водным, энергетическим, транспортным и иным причинам государства Центральной Азии строго соблюдают *правила непересечения «красных линий»*, используют политико-дипломатические и иные методы для достижения компромиссов или купирования сложных проблем. Этому способствует действующая в течение десятилетий система обмена информацией и «горячих линий» между политическими лидерами, государственными органами и местными администрациями, что удерживает стороны от скатывания к серьезным конфликтам. К примеру, острый кризис в общей энергетической системе Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в начале 2022 г. вызвал конструктивную реакцию сторон и не перерос в межгосударственные трения, актуализировав инициативу главы Узбекистана о расширении мандата Координационного электроэнергетического совета стран Центральной Азии [26].

[1] Omni-balancing – это теория американского профессора Стивена Дэвида. Автор критически рассматривает классическую концепцию «баланса сил» с ее применением или адаптацией для государств «третьего мира». По его мнению, такие государства при выборе союзников исходят не только из учета интересов национальной безопасности, но и принимают во внимание общий баланс политических сил, с которыми сталкивается политический лидер, в том числе более важные чем внешние, внутринациональные угрозы.

[2] Uti possidetis (лат. «поскольку владеете») – принцип, сложившийся в международной практике, который означает, что новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Согласно правилу, старая административная граница, ранее существовавшая в пределах территории вновь образованного независимого государства, становится международной границей.

Благодаря политической воле глав государств купирован многолетний конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном по проблемам рационального использования водно-энергетических ресурсов.

(д) Политика центральноазиатских государств в отношении друг друга не может считаться легитимной и признанной их народами, если она носит явно агрессивный характер, направлена на разрушение многовековых традиций сосуществования в едином пространстве. Это означает, что стороны придерживаются *правила учета интересов национальных элит и общественного мнения* при решении вопросов открытости границ, свободы передвижения, соблюдения прав меньшинств и населения приграничных районов, защиты интересов трудовых мигрантов, общего расширения торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей. Значит, в этно-психологическом и геокультурном измерениях народы региона оценивают друг друга, как «своих», а не отличных от них «чужих». Тем самым серьезно возрастает значение негосударственных акторов в поддержании в регионе мира и спокойствия.

(е) В процессе смены политической власти существует *правило взаимной поддержки ее легитимности*, признания и уважения национальных стратегий на внутреннем и внешнем поле. На примере внутриполитических пертурбаций последних двух десятилетий в Кыргызстане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане можно убедиться в конструктивности поведения соседних государств. Именно региональные лидеры среди первых выражают формально-дипломатическое признание новой власти [27], а наиболее приоритетными странами посещения переизбранным руководителем являются соседние.

Политика центральноазиатских государств в отношении друг друга не может считаться легитимной и признанной их народами, если она носит явно агрессивный характер, направлена на разрушение многовековых традиций сосуществования в едином пространстве.

(ж) В последние десятилетия государства региона придерживались *правила решения острых внутрирегиональных или двусторонних проблем и коллизий путем взаимного согласия без привлечения третьих сторон или медиаторства*. Исключение составляет общепризнанная роль международных организаций, которые разрабатывают и стремятся внедрить региональные программы сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности, решения водных проблем, экономики и торговли.

3. Что касается комплекса правил и норм, касающихся сотрудничества, и его институционализации, структуризации и правового закрепления на современном этапе, в Центральной Азии действуют несколько механизмов:

- по инициативе Узбекистана функционируют диалоговые площадки Консультативных встреч глав государств и министров иностранных дел; намечена к реализации совместная «дорожная карта» по развитию регионального сотрудничества на 2022-2024 гг.;
- прорабатывается вопрос о создании Диалога по безопасности и сотрудничеству в качестве постоянно действующей консультативной платформы для рассмотрения актуальных вопросов развития региона;
- действует Международный фонд спасения Арала (МФСА); по инициативе главы Республики Узбекистан на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 мая 2021 г. принята специальная резолюция «Об объявлении региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий»;
- подписан Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, ведется постоянная работа по обеспечению ее безъядерного статуса;
- на фоне дестабилизации обстановки в Афганистане в августе 2021 г. оборонные ведомства стран региона провели серию совместных военных учений на территориях Узбекистана и Таджикистана на двусторонней основе и в рамках ОДКБ; поддерживаются двусторонние и многосторонние связи между правоохранительными органами и силовыми структурами;
- в сфере экономики планируется создание регионального Совещания по транспортным коммуникациям, Регионального центра развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности под эгидой ООН, пятистороннего Совета промышленников и предпринимателей;
- в области культуры стороны договорились создать Форум культурного диалога в качестве единой платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия: одно прошлое и одно будущее»;
- взаимоотношения базируются на солидной двусторонней договорно-правовой базе.

Подписание по инициативе казахстанской стороны пятистороннего Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. имеет важное значение для правового закрепления региональной общности, определения приоритетных целей и задач сотрудничества и демонстрации ее политической идентичности.

Макрорегиональный уровень. Региональный порядок в Центральной Азии в силу комплекса исторических, цивилизационных и географических причин не может рассматриваться в отрыве от ситуации в евразийском пространстве и положения в нем каждого государства.

Казахстан, гранича с двумя великими державами – Россией и Китаем, а через Каспийское море с Ираном и Азербайджаном, выстраивает концепцию многовекторности, балансируя между ними и, возможно, больше других государств региона вынужден регулярно апеллировать к категориям суверенитета, неприкосновенности границ, национальной идентичности и неприятия гегемонии для поддержания устойчивости своего международного положения. Политика Казахстана «аккумулирует в своем содержании азиатский регионализм с элементами западных рациональных критериев» [28]. Это объясняет инициирование Казахстаном идеи Евразийского экономического союза, активную роль в ОДКБ и реализации китайского проекта «Один пояс, один путь». Институты международного права и дипломатии, например, поддержка СНГ и ШОС, продвижение платформы СВМДА или проведение саммита ОБСЕ, целенаправленно используются Нур-Султаном в целях укрепления порядка в своем окружении и тем самым способствуют независимому позиционированию всей Центральной Азии.

В близкой исторической перспективе *новый центральноазиатский порядок* в макрорегиональном контексте может быть дополнен и усилен реализацией инициированной Узбекистаном концепции взаимосвязанности Центральной и Южной Азии.

Кыргызстан, имея общие границы с Китаем, на фоне перманентных внутренних конфликтов и угроз безопасности поддерживает традиционные механизмы обеспечения регионального порядка с опорой на гарантии безопасности и экономическое взаимодействие с соседними великими державами, но отвергает гегемонию и диктат. Бишкек сформировал устойчивую систему отношений с ведущими государствами Запада, в первую очередь с транснациональными неправительственными организациями и институтами, в качестве балансира во взаимоотношениях с Россией и Китаем. Соблюдение принципов суверенитета, государственной независимости и территориальной целостности находятся в центре внутриполитического дискурса страны, что приводит к трудностям в решении вопросов делимитации и демаркации границ.

Таджикистан граничит с неспокойным Афганистаном, развивает подверженные волатильности отношения с Ираном на базе культурно-цивилизационной общности, что диктует его особое положение в рамках регионального порядка. В то же время Душанбе солидаризируется с выработанными устойчивыми целями, нормами, принципами, институтами и правилами, существующими здесь в последние десятилетия. Одновременно Таджикистан, будучи членом ОДКБ, дистанцируется от инициированного Россией интеграционного объединения ЕАЭС, одна-

ко всесторонне поддерживает повестку дня универсальных для всех стран региона СНГ и ШОС, имеющих российско- и китае-центричную природу.

Внешняя политика *Туркменистана* обусловлена не только целями регионального строительства в рамках Центральной Азии. Соседнее государство, несмотря на свой статус «позитивного нейтралитета», сталкивается на южном фланге со всем комплексом угроз и вызовов, исходящим от Афганистана. Ашгабат имеет сбалансированные отношения с Тегераном, однако данное обстоятельство не отменяет все сложности политики в иранском направлении. Туркменистан является важнейшим звеном в «каспийском уравнении», куда, помимо России и Казахстана, входит Азербайджан с своими интересами и амбициями. Богатый ресурсами Туркменистан при реализации центральноазиатской стратегии просчитывает ее последствия с учетом множества внерегиональных факторов, включающих Россию, Китай и Запад, при этом де-факто участвует практически во всех общих форматах сотрудничества, кроме ЕАЭС и ОДКБ, широко вовлекаясь в их ключевые элементы как регионального, так и макрорегионального порядка.

Узбекистан, гранича со всеми пятью государствами региона и с Афганистаном на юге в качестве внерегионального игрока, является наиболее заинтересованным в укреплении регионального порядка. Ташкент, особенно в последние годы, активно участвует в процессах в рамках СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОТГ, ОЭС и СВМДА. Сбалансированные взаимоотношения Узбекистана с Россией и Китаем наряду с широкой вовлеченностью в макрорегиональный мейнстрим имеют ключевое значение для поддержания регионального порядка в Центральной Азии и влияют на линию поведения всех его участников. Более того, Ташкент является конструктивным актором, который совместно с партнерами генерирует и защищает региональные цели, нормы, правила и ценности.

Аккомодация интересов *Турции*, связанной со странами региона общим языком и культурой, однако географически разделенной территорией Южного Кавказа, осуществляется посредством Организации тюркских государств.

Иран получает инструмент регионального влияния посредством реанимированной Организации экономического сотрудничества, штаб-квартира которой находится в Тегеране.

Макрорегиональный контекст центральноазиатского порядка представляет собой многослойный, разнонаправленный и в целом сбалансированный конструкт.

Страны арабо-мусульманского пояса вовлечены в региональные дела как

В 2011 г. регион стал первым успешным примером регионализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Тогда все пять стран приняли Совместный план действий по ее реализации, который стал уникальным механизмом объединения усилий по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

на двусторонней основе, так и посредством Организации исламского сотрудничества.

В близкой перспективе *новый центральноазиатский порядок* в макрорегиональном контексте может быть дополнен и усилен реализацией инициированной Узбекистаном концепции взаимосвязанности Центральной и Южной Азии. Такой расклад может, с одной стороны, адаптировать интересы в регионе растущих Индии и Пакистана, а с другой – мобилизовать страны Центральной Азии к укреплению собственной общности. Следует согласиться с мнением о том, что «сейчас в Евразии нет государства, которое могло и стремилось бы установить на этом пространстве единый порядок под своим управлением» [29].

Таким образом, *макрорегиональный контекст центральноазиатского порядка представляет собой многослойный, разнонаправленный и в целом сбалансированный конструкт.* Кроме внутренних особенностей, региональный порядок в Центральной Азии детерминирован следующими факторами:

- *историческими и ценностными факторами* с учетом сложившихся в последние полтора века традиционными и многоплановыми связями, а также глубокой, но в разной степени интегрированностью стран региона с Россией и другими государствами постсоветского пространства;
- *политико-экономическими реалиями* последних десятилетий с учетом «возвышения Китая» и значительным расширением китае-центричного порядка [32] за счет данного региона;
- *культурно-цивилизационным фактором*, связанным с прогрессирующим укреплением в регионе исламских и тюркских ценностей, которые оказывают объективное влияние на политическое состояние дел в регионе;
- *трансформацией геополитической обстановки* в связи с центральноазиатскими амбициями Индии, Пакистана и Ирана, которые совместно с государствами региона выстраивают общие системы сдерживания и противовесов, расширяют благоприятный потенциал в интересах межрегионального взаимодействия;
- *вовлеченностью великих держав*, прежде всего России и Китая, которые имеют особую заинтересованность в поддержании и укреплении стабильного порядка в регионе во всех его измерениях, например, в сдерживании угроз и вызовов, исходящих с территории Афганиста-

на, или предотвращении «цветных революций» [31]. Попытки сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса, одного пути» направлены на амортизацию интересов этих держав на центральноазиатском пространстве.

Международный уровень. При оценке международного контекста центральноазиатского порядка следует выделить его, *во-первых*, ООН-центричность, *во-вторых*, привязку к ключевым центрам глобальной политической и экономической силы.

1. Последние годы отмечены активным региональным строительством в Центральной Азии в его международном измерении. Важнейшим импульсом для консолидации общерегиональной политики стало проведение по инициативе Узбекистана в ноябре 2017 г. в г. Самарканде Международной конференции под эгидой ООН «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», на которой его участники провели глубокий обзор состояния региональных дел, при этом выражена твердая политическая воля по решению стоящих актуальных проблем и задач [32]. Тогда же зародилось понятие «самаркандский дух».

Активность государств региона на международных площадках имеет ключевое значение для сохранения регионального порядка в Центральной Азии на базе норм международного права.

В целях международного признания этого процесса и закрепления позитивных региональных тенденций на площадке ООН в июне 2018 г. принята резолюция Генеральной Ассамблеи «Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» [33], в которой подтверждена готовность его стран следовать принципам Организации, их намерение уважать ее центральную роль в поддержании международного порядка. Те же принципы подтверждены в ходе третьей Консультативной встречи глав государств в 2021 г., где стороны договорились «активизировать консолидированную деятельность на международной арене в целях достижения конкретных результатов в деле реализации широкомасштабных и долгосрочных стратегий, концепций и программ, принятых международным сообществом в лице ООН».

Стороны в рамках Консультативных встреч на уровне глав государств подчеркивают важность достижения единого понимания и продвижения на площадке ООН международных и региональных инициатив, таких как принятие резолюций 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Природа не знает границ: трансграничное сотрудничество - ключевой фактор в сохранении, восстановлении и устойчивом использовании биоразнообразия», «Конференция Организации Объединенных

Наций по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода достижения целей Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития», 2018-2028 гг.», «Объявление региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий», «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международным фондом спасения Арала», «Международное сотрудничество и координация деятельности в целях реабилитации населения, восстановления окружающей среды и экономического развития Семипалатинского региона в Казахстане». Учитывая негативное влияние глобального изменения климата на ледники в мире, в частности, в Центральной Азии, главы государств поддерживают предложение Президента Республики Таджикистан об объявлении 2025 г. Международным годом сохранения ледников и создании Международного фонда защиты ледников, выражают поддержку инициативе Президента Туркменистана о разработке Стратегии ООН, нацеленной на осуществление мер по развитию низкоуглеродной энергетики, а также создание под эгидой ООН международной «дорожной карты» по развитию водорода в качестве одного из приоритетных направлений в энергетике.

Главы государств выражают поддержку инициативе Президента Республики Казахстан о создании под эгидой ООН Сети региональных центров по контролю за заболеваниями и биобезопасностью, а также об учреждении специального многостороннего органа под эгидой ООН – Международного агентства по биологической безопасности, подотчетного Совету Безопасности ООН. Стороны договорились развивать межкультурный диалог в интересах народов, живущих в Центральной Азии, и в духе Международного десятилетия сближения культур, провозглашённого ООН, сохранять и поощрять многообразие культур и межнациональную толерантность [34].

В 2011 г. Центральноазиатский регион стал первым успешным примером регионализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Все пять стран приняли Совместный план действий по ее реализации, который стал уникальным механизмом объединения усилий по борьбе с терроризмом и экстремизмом[1].

Институциональную основу международного сотрудничества государств региона составляют, например, действующий в г. Ашгабаде Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА) для внедрения Целей устойчивого развития, Программы со-

[1] 3-4 марта 2022 г. в г. Ташкенте прошла Международная конференция высокого уровня, посвященная совместной реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН по Центральной Азии.

действия управлению границами и предотвращения распространения наркотиков в Центральной Азии (БОМКА/КАДАП) ЕС и ООН. Обсуждается возможность проведения саммита «ООН – Центральная Азия».

Региональные процессы в Центральной Азии в последние тридцать лет пережили различные этапы, характеризующиеся интенсивным течением регионализма 90-х годов с постепенным сползанием к разобщенности, фазой фрагментации общего регионального пространства с текущим возобновлением процессов регионального строительства.

Следовательно, совместные инициативы государств Центральной Азии в решении важных глобальных и региональных проблем имеют ощутимые результаты на мировой арене и закреплены постоянными консультациями сторон в рамках ООН и других международных организаций. Активность государств региона на международных площадках имеет ключевое значение для сохранения регионального порядка в Центральной Азии на базе норм международного права.

Страны региона входят в международную когорту, всесторонне поддерживающую ООН-центричность мирового порядка, приоритетную роль Организации в поддержании международного мира и безопасности, инклюзивного развития и долгосрочной стабильности.

Государства Центральной Азии принимают участие в формировании современного мирового порядка через трансформацию его норм, правил и принципов в самых различных сферах жизнедеятельности; выступают за сохранение общечеловеческих ценностей и культур народов мира, толерантность, уважение к многообразным особенностям народов; закрепляют собственную региональную идентичность и узнаваемость на мировой арене; реализуют национальные интересы через возможности глобальных институтов, повышая свой авторитет и влияние через дипломатический компонент «мягкой силы»; создают условия для сдерживания чрезмерного давления великих держав на внутрирегиональную политику и национальный суверенитет. Международные институты можно рассматривать как существенный, хотя и не решающий элемент системы сохранения суверенитета, территориальной целостности и независимости государств Центральной Азии.

2. Относительно недооцененным феноменом в процессе международного позиционирования региона является активное развитие платформ «Центральная Азия плюс».

В августе 2004 г. в г. Астане было объявлено о начале *диалога между правительствами стран Центральной Азии и Японии,* в рамках которого стороны определили 10 сфер, представлявших тогда наибольший

интерес для продвижения внутрирегиональной интеграции, включая противодействие терроризму, борьбу с наркотрафиком, разминирование, искоренение бедности, здравоохранение, охрану окружающей среды, водные вопросы, энергетику, торговлю и инвестиции, транспорт [35].

В ноябре 2021 г. прошла 17-я встреча министров иностранных дел *ЕС–Центральная Азия*, где было заявлено о «совместной приверженности созданию прочного, амбициозного и дальновидного партнерства, основанного на их общих ценностях и взаимных интересах» [36]. Традиционно в рамках этой встречи рассматривались вопросы сотрудничества между регионами в политической, торгово-экономической, водно-энергетической областях, а также в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, окружающей среды, изменения климата. Интересна в этом плане инициатива «Зеленая Центральная Азия», которая была принята в январе 2020 г. на международной конференции в Берлине.

Форум сотрудничества *«Республика Корея – Центральная Азия»* действует с 2007 г. и рассматривается в качестве «государственно-гражданского интегрированного консультационного совета для укрепления сотрудничества по взаимообмену и повышению взаимопонимания» [37]. Платформа определила 6 среднесрочных и долгосрочных целей в регионе Центральной Азии, в их числе транспорт и логистика, энергетика, модернизация и диверсификация промышленности, изменение климата (экология), здравоохранение и медицина, образование и культура [38].

Созданная в 2015 г. *платформа* «С5+1» на уровне министров *иностранных дел государств Центральной Азии и США* провела свою встречу в г. Самарканде. Данный формат позволяет расширять экономические, энергетические и торговые связи, смягчать последствия экологических и медицинских проблем, совместно устранять угрозы безопасности и поддерживать всестороннее участие женщин во всех аспектах политической, экономической и социальной жизни стран-членов. Участники данного формата выступают за развитие сотрудничества в сфере безопасности как средства продвижения стабильности и региональной безопасности, противодействия трансграничным угрозам, исходящим из Афганистана. Соединенные Штаты продвигают инициативу о проведении будущей встречи в формате «С5+1» между спецпосланником президента США по климату и представителями стран Центральной Азии [39].

Центральная Азия находится в числе регионов мира, где сохраняется внутренняя стабильность и в целом сбалансировано присутствие внешних конфликтующих между собой держав.

Продолжает действовать *формат регулярных встреч глав внешнеполитических ведомств государств Центральной Азии и России*, в ходе которых стороны обсуждают стратегические направления сотрудничества, выступают с совместными заявлениями по злободневным проблемам регионального и международного характера [40].

По итогам *встречи министров иностранных дел стран Центральной Азии и Китая* в мае 2021 г. в г. Сиань (КНР) приняты Совместное заявление Второй министерской встречи о дальнейшем укреплении межрегионального сотрудничества, Меморандум о создании формата встреч министров иностранных дел «Центральная Азия – Китай», Совместное заявление Второй министерской встречи о сотрудничестве по борьбе с COVID-19 и Совместное заявление по Афганистану [41].

Порядок в Центральной Азии обладает всеми современными свойствами транснациональности. Анализ макрорегионального и международного контекстов регионального порядка показывает его интегрированность в матрицу глобальных процессов различного уровня и содержания. Центральноазиатский порядок институционально и нормативно поддерживается комплексом формальных региональных организаций по всему его политико-географическому окружению.

Платформа *Диалог «Индия – Центральная Азия»* на уровне глав внешнеполитических ведомств запущена в 2019 г. в г. Самарканде, регулярно проводятся заседания Делового совета в том же формате [42].

Проведение в 2022 г. *онлайн-саммитов «Китай – Центральная Азия» и «Индия – Центральная Азия»* свидетельствует о росте востребованности общерегионального подхода к вопросам сотрудничества [43]. Индийско-центральноазиатский саммит стал логическим продолжением прошедшей г. Ташкенте в июле 2021 г. международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности».

Таким образом, функционирование политико-дипломатических форматов «Центральная Азия плюс», подтверждая расширение общерегиональных трендов, свидетельствует о признании ведущими центрами силы геополитической идентичности региона, об усилении конкуренции внешних сил за влияние в регионе, о способности центральноазиатских государств поддерживать политическое единство в своих рядах и их умении артикулировать общие интересы, о росте авторитета региона как признанного субъекта на международной арене.

Можно считать, что региональные процессы в Центральной Азии в течение последних тридцати лет прошли различные этапы, характеризующиеся интенсивным течением регионализма 90-х годов с постепен-

ным сползанием к разобщенности, фазой фрагментации общего регионального пространства с текущим возобновлением процессов регионального строительства. Однако общей особенностью всех этих периодов, по нашему мнению, оставалось сохранение регионального порядка.

Региональный порядок «защищен» целым набором международных целей, принципов, институтов, норм и правил, которые все больше подталкивают государства Центральной Азии к координации политики на глобальном уровне.

Государства Центральной Азии, несмотря на естественные для любого социального порядка конфликты интересов и противоречия, продолжают следовать общим целям, которые базируются на Вестфальских принципах и их собственных культурно-исторических традициях, на опыте добрососедства и сосуществования, мироощущении и ценностях. Страны региона придерживаются единого кодекса поведения, формальных и неформальных правил, что позволяет предотвращать и купировать риски конфликтов и войн, скатывание к бесконтрольному хаосу. Стороны поддерживают политический диалог, контролируют проявления насилия, выполняют взятые на себя договорные обязательства, принимают меры по укреплению доверия. В них уважают институты суверенитета, международного права и интересы великих держав. Центральная Азия находится в числе регионов мира, где сохраняется внутренняя стабильность и сбалансировано присутствие внешних конфликтующих между собой держав.

Страны региона выработали механизмы для поддержания регионального порядка, в числе которых *институциональные средства* или создание платформ, которые предлагают определенные правила и нормы взаимодействия; *правовые средства* с конкретизацией норм международного права и определенной автономией по отношению к национальному и международному праву; *экономические средства*, что усиливает взаимозависимость региональных акторов; *культурно-идеологические средства* по укреплению региональной идентичности; *военно-политические средства* (в своем начальном этапе); *информационные средства* (пока нарождающиеся); *сетевые средства* с постепенным формированием трансграничного гражданского общества [44].

Региональный порядок в Центральной Азии, будучи государственно-центричным, имеет достаточно весомые предпосылки для перехода в полноценный регионализм со всеми атрибутами и свойствами интеграции. Этот порядок доказал свою жизнеспособность и востребованность, носит гибкий, открытый, прагматичный и адаптивный характер. Добровольность, консенсусность и неформальность порядка в регионе

придают ему долгосрочную устойчивость, прежде всего на фоне возрастающих внутренних и внешних угроз и вызовов.

Порядок в Центральной Азии обладает всеми современными свойствами транснациональности. Анализ макрорегионального и международного контекстов регионального порядка показывает его интегрированность в матрицу глобальных процессов различного уровня и содержания. Центральноазиатский порядок институционально и нормативно поддерживается комплексом формальных региональных организаций по всему его политико-географическому окружению. Это позволяет странам адаптировать специфические ценности, нормы и принципы, присущие разнообразным политико-идеологическим, экономическим и культурно-цивилизационным пространствам, примыкающим к региону.

Региональный порядок «защищен» целым набором международных целей, принципов, институтов, норм и правил, которые все больше подталкивают государства Центральной Азии к координации политики на глобальном уровне. Процесс имеет двустороннее содержание – страны региона выдают импульсы в форме различных инициатив, трансформирующих важнейшие аспекты международного порядка, и, в свою очередь, получают заряд от мирового сообщества в вопросах регионального строительства, укрепления безопасности и устойчивого развития. Этот процесс привязывает центральноазиатский порядок к либеральному мировому порядку, доминирующему на современном этапе и оспариваемому рядом ключевых глобальных игроков. Это означает, что эволюция либерального мирового порядка или даже его эрозия под воздействием различных новейших факторов (рост влияния новых центров силы, повышение значения регионов как составных элементов международной системы, возможное ослабление мирового финансово-экономического порядка и др.) будут иметь очевидное влияние на состояние и качество регионального порядка в Центральной Азии. Поэтому перед странами региона возникают ценностные дилеммы между либеральными и восточными.

Данный тезис в той же степени справедлив в отношении импликации на центральноазиатский порядок процессов на макрорегиональном уровне, когда речь идет о перспективах российско- и китае-центричного порядка в евразийском пространстве. Порядок в Центральной Азии отражает переход власти в Азию, поэтому взаимосвязан с состоянием дел вокруг Афганистана и Ирана, динамикой регионального порядка в Южноазиатском регионе и Европе (особенно Восточной), геополитическими изменениями на Ближнем и Среднем Востоке.

Принципиальным остается равновесие сил ключевых акторов в лице России, Китая и США на региональном пространстве, что позволяет

выстраивать некую неформальную иерархию и обеспечить разграничение в Центральной Азии интересов великих и региональных держав и остальных стран. Проанализированное состояние порядка в регионе носит динамичный характер и подвергается изменениям, на которые влияет конфигурация отношений между различными внешними силами на региональном, макрорегиональном и международном уровнях, и от эволюции главенствующих принципов и норм, успеха реализации совместных проектов и программ.

Литература

1. *Kissinger H.* Henry Kissinger on the Assembly of a New World Order // Wall Street Journal, August 29, 2014 // www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075.
2. *Acharya A.* After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // https://www.cambridge.org/core/journals/ethics-and-international-affairs/article.
3. *Langenhove L.V.* Why We Need to 'Unpack' Regions to Compare Them More Effectively // The International Spectator, 2012. Vol. 47, № 1, March. – P. 16.
4. *Лагутина М.Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза): Автореф. дисс... докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 185-188.
5. *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения, М., 2005, №6. - С. 3-13.
6. *Кеохейн Р.О., Най (мл.) Дж. С.* Транснациональные отношения и мировая политика. - Теория международных отношений: Хрестоматия / Под науч. ред. П. А. Цыганкова. - М.: Гардарики, 2002. - С. 152-168.
7. *Schulz M., Söderbaum F. and Öjendal J.* Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. - New York: Zed Books Limited, 2001. - P. 29.
8. *Лагутина М.Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза): Автореф. дисс... докт. полит. наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. – С. 192.
9. *Acharya A.* The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics, 2007, 59, №4, July. - P. 629-652.
10. *Buzan B., Weaver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - P. 20, 70.
11. *Песцов С.К.* Регионализм и система международных отношений // Вестник ДВО РАН, 2005, № 2. – С. 64-66.
12. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - Basingstoke: Macmillan, 1977. - P. 66-70.
13. *Buranelli F.C.* Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/journals/caa/8/1/article-p1_1.xml?language=en.

14. *Buranelli F.C.* Cit. op.

15. Исследование: СМИ Запада не оценили миротворческую роль России в Казахстане // https://ria.ru/20220203/issledovanie-1770690103.html.

16. Например, в Докладе Всемирного Банка «Данные, цифровизация и государственное управление» 2021 г. дается Региональная классификация, в которой Центральная Азия представлена пятью государствами региона // https://openknowledge.worldbank.org.

17. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии, 6 августа 2021 г. Г. Туркменбаши // https://turkmenportal.com/blog/38734.

18. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - Basingstoke: Macmillan, 1977. - P. 67.

19. *Cui Sh. and Buzan B.* Great power management in international society // The Chinese Journal of International Politics, 2016, 9 (2). - P. 181-210 // http://eprints.lse.ac.uk/67191.

20. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - Basingstoke: Macmillan, 1977. - P. 67.

21. Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, г. Ташкент, 29 ноября 2019 г. // https://www.un.int/uzbekistan/news.

22. *Хужанов Б.А.* Ўзбекистон ташки сиёсати: ахил қўшничилик ва янгича тенденциялар // Системные исследования. – Ташкент, 2021, № 3. – С. 172-182.

23. *Steven David.* Choosing sides: alignment and realignment in the Third World. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.

24. *Buranelli F.C.* Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // Central Asian Affairs. Online Publication, 28 June 2021 // https://brill.com/view/journals/caa/8/1/article-p1_1.xml?language=en.

25. *Buranelli F.C.* Cit. op.

26. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, 7 августа 2021 г., Туркменистан // https://president.uz/ru/lists/view/4534.

27. Токаев заявил о поддержке решения Г. Бердымухамедова провести внеочередные выборы президента, 14 февраля 2022 г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13701973.

28. *Чукалова Р.Р.* Военно-политическое сотрудничество Республики Казахстан со странами СНГ в свете новых вызовов: Автореферат дисс. ... докт. (PhD) по полит. наукам. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2019. – С. 5.

29. *Оторбаев Дж., Бордачёв Т., Белоус Ю., Жиенбаев М., Королёв А.* Железный каркас Евразии: достижения, проблемы и перспективы континентальной связанности // Доклад на Международном дискуссионном клубе «Валдай», сентябрь 2021 г. – С. 3.

30. См.: *Faisal M.* Asia and Competing Visions of Regional Order: Free and Open Indo-Pacific and Belt and Road Initiative // Strategic Studies, Institute of Strategic Studies, January 27, 2021, Islamabad // https://issi.org.pk/asia-and-competing-visions-of-regional-order-free-and-open-indo-pacific-and-belt-and-road-initiative.

31. См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, 4 февраля 2022 г., Москва // http://kremlin.ru/supplement/5770; Совместное заявление глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-

летия установления дипломатических отношений по итогам онлайн-саммита глав государств, 25 января 2022 г. // http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm.

32. Коммюнике Международной конференции по обеспечению безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии под эгидой ООН, 10-11 ноябрь 2017 г., Самарканд // https://unrcca.unmissions.org/ru.

33. Укрепление регионального и международного сотрудничества в целях обеспечения мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе, 25 июня 2018 г. // https://www.un.int/uzbekistan/fr/news.

34. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи глав государств Центральной Азии, 6 августа 2021 г., г. Туркменбаши // https://turkmenportal.com/blog/38734.

35. *Dissyukov A.* Central Asia Plus Japan Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies, 2019. T. 11. - С. 1-21.

36. Joint Communiqué: 17th EU-Central Asia Ministerial Meeting, Dushanbe, 22/11/2021 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/107666.

37. Секретариат Форума «Республика Корея – Центральная Азия» // https://www.kf.or.kr.

38. *Акаталиева А.* Центральная Азия и Южная Корея: в поисках возможностей для наращивания сотрудничества // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnaya-koreya-v-poiskah-vozmozhnostej-dlya-narashhivaniya-sotrudnichestva.

39. Страны Центральной Азии и США отметили успех формата «С5+1», 5 мая 2021г. // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11307235.

40. См.: Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и Российской Федерации о стратегических направлениях сотрудничества, 15 ноября 2020 г. // https://mfa.uz/ru/press/news/2020; Совместное заявление по итогам четвертой встречи глав МИД стран Центральной Азии и России по ситуации в Афганистане, 16 июля 2021 г. // https://mfa.tj/ru/main/view/8301.

41. Вторая встреча министров иностранных дел в формате «Центральная Азия и Китай» // https://mfa.tj/ru/main/view/7786.

42. О заседании министров иностранных дел Диалога «Индия-Центральная Азия» // ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан // https://isrs.uz/ru.

43. См.: Полный текст Совместного заявления глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений // http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm.

44. *Панченко М.Ю.* Понятие «региональный международный порядок»: межпарадигмальный подход // Власть. - М., 2010, № 4. - С.58-59.

Ulugbek A. Khasanov

Rational actor model in modern security studies

Introduction

In the conditions of extreme politicization of economic and legal mechanisms of the international system, the world is experiencing a painful transition and adaptation to the new and extremely contradictory realities of modern times. In such conditions modeling of political situations and, first of all, the principles of the concept of rational choice in foreign policy, have become a special sphere of international studies and political science in general.

In the modern world, many countries, in the conditions of devaluation of the stabilizing mechanisms of the international system, strive to pursue a pragmatic policy based primarily on their own interests. The issues of realistic and objective perception of such interests, their correlation with history, geography, economic expediency and reality are becoming relevant today.

The first condition for conducting a successful foreign and domestic policy is a constructive understanding of one's place in the world and in the region, which makes it possible to formulate and implement national development goals pragmatically. With the coming to the leadership of the country, *President Sh.Mirziyoyev initiated a fundamentally New Development Strategy* for the Republic of Uzbekistan, its constructive foreign policy course, within which the key task is to create an atmosphere of trust, mutual understanding, good-neighborliness and coopera-

Dr. Ulugbek A. Khasanov, Chair of the International Relations Department University of the World Economy and Diplomacy, Uzbekistan.

tion in Central Asia. All this testifies to the rationality of the state's political approaches in today's rather difficult conditions [1].

In classical version, American political science, in its increasingly popular direction - the theory of rational choice, one of the first to turn to it was Kenneth Shepsle [2] and Morris Fiorina [3]. In political theory, scholars such as John Elster [4], Russell Hardin [5], and Brian Barry [6] considered the theory of rational choice as an integral part of the theoretical tradition, which outlined the models characteristic of the classical political sciences.

The debate on this topic is as old as scientific approaches to international relations: what does pure theory do in the analysis of international relations, especially in the analysis of crises and conflict prevention? Decision-making theory emphasizes the importance of the environment as a factor influencing the image of foreign policy; there is an implicit and explicit connection between the process and the context of decision-making since imposed restrictions on certain actions of states, or, conversely, encourage them to do so. First of all, the strategic approach is questionable, which involves rational behavior, conscious and calculated choice, perfect information - perfect knowledge of the strategies and preferences of the opposite side.

Modeling Concept

The strategic analysis ignores any influence of the internal environment and reduces, as described by the greatest scientist, Nobel laureate Thomas Schelling [7], who consistently developed a conceptual apparatus that allows him to integrate the concepts of threat and deterrence, as well as to clarify the concepts of implicit communication in an uneasy and extremely tense situation.

The main postulate of various scientific approaches is reduced to the rationality of the actors' behavior. But is the international environment itself rational? Scholars often argue with decision-makers that actions are not always pragmatic and therefore the "...main percentage of decisions falls on the political experience, flair, and intuition of a politician, especially in extremely complex, fateful issues and situations" - that was the answer, General Moshe Dayan, then Foreign Minister of Israel, Canadian Michael Brecher [8], author of a book on

The theory of rational choice, one of the first to turn to it was Kenneth Shepsle and Morris Fiorina. In political theory, scholars such as John Elster, Russell Hardin, and Brian Barry considered the theory of rational choice as an integral part of the theoretical tradition.

the decision-making process in Israel. More generally, any theoretical reading of an international event runs the risk of being challenged because it relates to the situation it purports to decipher.

Nevertheless, the rational approach is positive when analyzing the policies of the superpowers in the field of arms and arms control. Anatol Rapoport in one of the sections of his book «Decision Theory» [9] contrasts the «*zero-sum game*» in which the winner's gain matches the loser's losses with the «*variable-sum game*» in which both opponents can suffer losses together; this last situation, most common in the nuclear age, introduces a new element into the game and tends to reduce antagonism, but the danger of enemy betrayal balances the hope of beneficial cooperation for both sides, as Rapoport showed with John Nash's famous *Prisoner's Dilemma* as a core case analysis of his game theory.

"... main percentage of decisions falls on the political experience, flair, and intuition of a politician, especially in extremely complex, fateful issues and situations."

Another application of game theory to superpower relations: an analysis by Howard and Terence Dungworth [10] about the Cuban Crisis of 1962. The combination of these possibilities will mean either a victory for the United States - the result that Americans most aspire to - or a victory for the USSR, for which the Americans prefer only nuclear war, and which represents the worst solution for both players, or, finally, a compromise formula that will unite both opponents. For Terence Dungworth [11] the Cuban case is a typical crisis model: two adversaries trying to defeat each other and threatening offensive actions to force the other to choose moderate actions that will guarantee him victory. There are two types of strategies: offensive and conciliatory, which stimulate and structure crises.

Whether the game theory applies to a conflict between two superpowers - the answer to this question indicates that we are dealing with a privileged example of «*rational behavior*» of subjects, due both to the nature of existing political regimes and two rule-of-law states, and the nature of the conflict, which concerns subjects' competencies.

The authors of many studies on the Berlin Crisis of 1961, the Israeli-Egyptian War of Attrition of 1968 - the 1970s, the Sino-Soviet border conflict of 1969, and the conflict between Honduras and El Salvador of 1969 tell us that they want to demonstrate the use of the method as soon as possible and that conflicts and wars will have their laws, which, if better understood, will lead to a better understanding of international phenomena and to understand the mechanisms that cause some conflicts to escalate into violence and others to be resolved.

In the field of international relations, formal models have long been part of the research arsenal, thanks to the seminal work of Thomas Schelling. Kenneth Waltz [12] and Morton Kaplan [13] from their first publications based on their doctoral dissertations defended at Columbia University in the 1950s, recognized the outstanding possibilities of game theory in the field of international relations, the theory expounded by John von Neumann and Oscar Morgenstern. Karl Deutsch made a similar attempt in his philosophical treatise known as "The Nerves of Government".

Robert Powell (UC Berkeley) [14], James Fearon [15] (Stanford University), Bruce Bueno de Mesquita (Hoover Institution at Stanford University) [16], and James Morrow (University of Michigan) [17] are modeling researchers who are among the leaders in the field of international relations. Only in the field of comparative politics has little progress been made in modeling rational choice theory. Sam Popkin (UC San Diego) [18] and Robert Bates (Harvard University) [19] over the past three decades have influenced several new researchers in comparative politics who are now rethinking old questions. The works of Avner Greif [20], an economic historian at Stanford University, are beginning to have a significant impact on comparative politics. Formalists who meddle in other fields joined Robert Bates in compiling provocative articles combining historical narratives and formal models [21].

The use of the method as soon as possible and that conflicts and wars will have their laws, which, if better understood, will lead to a better understanding of international phenomena and to understand the mechanisms that cause some conflicts.

A new generation of comparatists has made breakthroughs in their field based on this approach. Instead of viewing the discipline in terms of a war of conquest in which a group of formalist rebels would fight desperately against a traditionalist rearguard, one should instead take a view that shows well that formal modeling is slowly infiltrating all areas of the discipline and gaining support from alleged traditionalists. Formal modeling researchers bring with them the tools to solve problems that are present in all areas of international research.

New Approaches

In the 1960s, the Department of Political Science was established at Yale University, which was at the forefront of using economic approaches in solving international relations problems. Works by Robert Dahl [22] and Charles Lindblom [23], Robert Lane [24], and Karl Deutsch [25], heralded the success of formal approaches in political science. However,

in recent decades, this direction has paid special attention to more historical and humanistic approaches to the study of problems of international relations.

Yale University is not the only one doing this. The Universities of the Northwest, Berkeley, New York, and Chicago hired economists in their political science departments because these formal model economists had made breakthroughs in understanding the political processes of the world.

Political leaders on both sides increasingly turned their attention to any action that might put the other side in a better position. In the broadest context of the thesis about the causes of the war, it was also that the South was trying to prevent the advance of the North, using its veto, which was of great importance in that situation.

Let us emphasize at the outset that modeling skills are not a panacea or a substitute for finding relevant data and producing convincing results - it goes beyond simple tools. Thanks to the skills encouraged by modeling in international relations, we can raise a little higher. Instead of considering formal modeling as a different option from the Weberian [26] approach, we should view it as a tool to enable political scientists to identify the micro-processes that link the variables identified by macro theorists.

A good example is a situation during the 2000 US presidential race. Then an auction was organized for the sale of radio waves at the highest price for the teams of candidates. The organizers feared that the auctions would be held well below the possible rates (because buying ether meant buying invisible results). Al Gore [27] (the US presidential candidate against George W. Bush) proposed the following game: as in the case of classical auctions, ownership of the air will return to the highest price. But the latter will have to pay the lowest amount bid by his competitors during the auction. Thus, everyone will bet everything they have in the hope of winning and paying less, and as a result, the organizers have maximized the possible winnings.

Game Theory vs Modeling Approach

Game theory is considered a classical decision-making model. Officially created by John von Neumann [28] (1944) to analyze the optimal approach for the landing of the Allies on the coast of Normandy (or on the shores of Northern France). Initially, it was shaped like a model since the time of Blaise Pascal [29] (1654), who, in his correspondence with Pierre de Fermat, sought to establish a fair distribution of the prize if the players were to part to the end, but also with Daniel Bernoulli [30]

(1713), who wonders about the score in a game where one of the participants would be twice as strong as his opponent - given the structure of the game in sets and matches (which allows you to win by scoring fewer points than the loser); or Emile Borel [31] (1920), which explains how to benefit from the game.

Let us now consider, as an example, the causes of the American Civil War. Barrington Moore Jr. [32] being a classic of the narrative macroeconomic tradition emphasized the isolation of the South, which arose as a result of the consensus between the North and the West. The conclusion of such an Agreement took a long time since the South and the West were connected by several economic factors (for example, a common interest in maintaining low customs duties), which ensured strong solidarity between the two regions. However, as the West aligned with the North, it became clear whether the federal government should be used to support one or another company. This was the meaning of such seemingly uninteresting things as customs, and this was what enlivened the claims of the South that it paid its debt to the North. It is also a question of central political power, which made slavery in the territories an important issue. It was clear that the administration of a slave state or a free state would tip the balance one way or the other. Since uncertainty was inherent in the situation, given the unsettled or partially settled status of the lands in the West, the difficulty in reaching a compromise was exacerbated. Political leaders on both sides increasingly turned their attention to any action that might put the other side in a better position. In the broadest context of the thesis about the causes of the war, it was also that the South was trying to prevent the advance of the North, using its veto, which was of great importance in that situation. Moore's proposed synthesis is based on economic factors, political factors, and slavery, which together can explain the war. However, some questions can be asked about this thesis. Why didn't the West ignore the issue of slavery and support an economic alliance with the South? And even if the idea of an alliance between North and West is admitted, what is the connection between uncertainty and difficulty in reaching a compromise? Focusing on the macro level, Moore tends to hide micro issues to such an extent that in many of the papers that formed the basis of Moore's approach, the question of mechanisms is rarely raised.

Weingast's answer concerns the veto power held by the South in the U.S. Senate, a power that assured him that anti-slavery measures could be taken by the House of Representatives (because of the North-West anti-slavery alliance) could never be passed by the Senate. where the slave states could exercise their veto power over any anti-slavery measures.

Analytic Narratives

In Barry Weingast's «*Analytical Narratives*» [33] almost the same thesis is stated as that of Barrington Moore. Weingast analyzes the strategic challenge facing senators in the North at a time when the Democrats, the majority party, are championing the economic interests of the West and the South. Weingast, drawing on an analysis of the policy of gradual invasion, believes that the Republican turn to the problem of slavery was not the result of a sudden moral revelation, but rather a strategic move aimed at winning the support of the West in a political arena that from that moment had two aspects. Once the politicians of the North brought a second dimension to the conflict (the issue of slavery and the economic issue), it could create a broader palette of problems in which the North and the West could unite, not South and West. Thus, the North broke the alliance between the West and the South, putting a new issue on the political agenda [34].

But, Weingast asks, if the North could break the alliance between South and West in the 1850s, why didn't it do it sooner? Weingast's answer concerns the veto power held by the South in the U.S. Senate, a power that assured him that anti-slavery measures could be taken by the House of Representatives (because of the North-West anti-slavery alliance) could never be passed by the Senate. where the slave states could exercise their veto power over any anti-slavery measures. Because of an institutional convention is known as the «*Consensus rule*». In the public release of the 1820 *Missouri Communiqué*, the South was confident that there would be no new non-slave state without the addition of a slave state [35].

This agreement made any recourse by the North to slavery as a negotiating issue politically unnecessary, as any action against slavery would have been vetoed by the Senate. As proof, in the early nineteenth century, the Northern House of Representatives passed many measures against slavery, but they were defeated in the Senate. As long as the consensus rule was in effect, there was no incentive for the North to raise the issue of slavery as an issue, therefore no incentive for the West to break its economic alliance with the South. Also, the hegemonic Democratic Party (if we go back to the leadership where Andrew Jackson was the leader) legitimized the South's veto in

The essence of the political game, in the conflict of the North-South, as interpreted by Barry Weingast, reveals the connection between uncertainty (characteristic of the South) and the inability to compromise after the 1860 elections, which lies at the heart of the problem of credible obligations.

its nomination rules; this guaranteed the South that the balance rule would prevail as long as the Democratic Party was in power based on the models of game theory and territorial space [36].

If we know how slavery was removed from the US national political agenda up until the 1850s, then we have to wonder what changed to challenge the rule of equality. Weingast cites significant population growth in the North as an important factor in the game (largely through immigration), the greater territorial scope for non-slave states, and the inability of the hegemonic Democrats to balance acceptance of non-slave California with the adoption of the slave, due to Constitution in Kansas in 1858. The Democrats lost so much credibility because of their maneuvers to enforce the consensus rule in Kansas that they lost a lot of support in the North to the Republican Party, which had no interest in enforcing the consensus rule. With the Democrats retreating to the North, the North could no longer feel confident about the South supporting such a rule. Although Weingast does not analyze the causes of the American Civil War, his models show how Abraham Lincoln's victory in the 1860 election undermined all rational grounds for compromise between North and South, making any commitment by the North to uphold the balance rule impossible.

The ability of the Democrats to make commitments to the South regarding slave property was the mechanism that translated this shared economic interest into a shared ability to govern, as modeled by Barry Weingast.

The cases and examples of political games that Barry Weingast draws on provide plausible answers based on the macro-level, especially those aspects of Barrington Moore's theories that have remained unclear. As to the reasons why the West could not ignore the issue of slavery and support an economic alliance with the South, Weingast's models show that the Western voter, acting as a pivot, could be interested in and support the North's agenda under two conditions. First, in the absence of the right of a veto from the Southerners. Secondly, because of the economic crisis, when the joint program of the South and the West became controversial. When such conditions arose, the voter in charge of the West could benefit from a shift in alliance from South to North. Moore concludes that decisive action always takes place at the level of the high classes and that alliances always depend only on the complementary interests of the elites. Weingast shows how the strategies of Northern politicians in the context of the interests of the parties in the House of Representatives and the Senate had a decisive influence on inter-regional alliances.

The essence of the political game, in the conflict of the North-South, as interpreted by Barry Weingast, reveals the connection between uncer-

tainty (characteristic of the South) and the inability to compromise after the 1860 elections, which lies at the heart of the problem of credible obligations. The North could not reasonably and flexibly build a political strategy in confrontation with the South, if it were not for the principle of equality, based on the rule that any slave state will be balanced by a state that is not a slave owner.

The commitment of the Republican Party to the policy of *«free land»* clearly precluded the preservation of the traditional form of trust in its opponent. The South, which could no longer consider such an obligation credible, could not be sure that slave property would be protected in the future. This was the main reason for the separation.

Methodological Approach

The *methodological* issue discussed here relates to the common economic interests that united the West and the South, as Moore emphasized [37], may be an important independent variable for understanding the stability of the US bipartisan political system. However, the ability of the Democrats to make commitments to the South regarding slave property was the mechanism that translated this shared economic interest into a shared ability to govern, as modeled by Barry Weingast.

Why couldn't the South resist the North's gradual invasion policy? Why didn't the Democratic Party, instead of losing everything in the Kansas election, let the Southern states split in two (so that it had four senator seats) for each new non-slave state? If the West was largely indifferent to slavery, then why do Westerners in the Weingast model adhere to general indifference curves, suggesting that deviations from the ideal point on slavery affected the balance just as much as their deviations from the ideal point on slavery or economic policy? Although Weingast does not respond to these criticisms, the transparency of his models (as opposed to the weaving of complex narrative, presented in Moore's work) allows systematic attention to be paid to the mechanisms that created the alliance between North and West, an alliance that caused radical uncertainty in the South. Thus, Weingast's models opened up new possibilities for studying a fundamental theme of United States public policy.

Game theory models despite many John Nash improvements, will not be able to find unique balances for their most interesting games. Therefore, choosing a balance will require more and more attention to historical and traditional patterns of behavior in international relations, rather than simply mathematical or quantitative ones.

The example of the work of Moore and Weingast supports the idea that game theory opens up new questions about the mechanisms that translate the values of certain independent variables into the values of dependent approaches so that we can better understand the principles underlying the political models already identified in such studies. Here the logic of interaction that constitutes such a mechanism is highlighted; reputation logic and insurance logic are different categories of models that include their diverse uses. Today, if we are to reconstruct international political theory on a more solid foundation, we need to understand these mechanisms.

International relations professionals who have found inspiration in the application of game theory to economics are now witnessing the formation of new approaches to understanding game theory in contemporary international relations and especially concerning different models of decision making and political expectations. In economics and other related fields, evolutionary game theory based on quantitative methods and formalized heuristic theories compete with concepts stemming from the traditions of classical rational choice theory. These new models do not assume that every individual has exceptional computational talents. The connection between *«formal models»* and *«rational choice»* is gradually leveled. *Game theory models despite many John Nash improvements [38], will not be able to find unique balances for their most interesting games. Therefore, choosing a balance will require more and more attention to historical and traditional patterns of behavior in international relations, rather than simply mathematical or quantitative ones.*

Post Scriptum

Referring to the categories of mechanisms that can be considered *«strategic situations»* and to the extent that the latter can be modeled for balance sheet forecasting, a process can be traced that varies from the conditions created the strategic situation to the likely outcome. These strategic situations are mechanisms in the sense that their equilibrium paths form a process that relates the values of the independent variable to the values of the dependent variable by a constant.

Thus, researchers of game theory in international relations, rational choice, and developers of formal models win arguments with their traditionalist opponents in political science. The success of such models is well perceived since they offer a set of tools capable of solving a range of problems that arise in many sub-fields of international research. It does not replace detailed empirical work or traditional macrostructural ap-

proaches but complements them. Formal rational choice models are capable of revealing the features of regional and global processes that link macro variables to constants, emphasized by the international political process, especially in fostering capacity building and promoting sustainable development in Central Asia on national and international levels.

Literatura

1. *Садибакосев Х.* Фундаментальные трансформации XXI века и отражение в их политических исследованиях: Монография / Ташкент, «Тафаккур», 2022

2. *Shepsle K.A.* Rule Breaking and Political Imagination. Chicago: University of Chicago Press; 2017.

3. *Morris P.* Fiorina. The Center Holds / Hoover Digest / January 30, 2007/ https://www.hoover.org/research/center-holds

4. *Elster J.* Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

5. *Hardin Russell.* 1991. «Acting Together, Contributing Together.» Rationality and Society, 3 (July): 365-380.

6. *Brian Barry.* Political Argument (1965, Reissue 1990) / Brian Barry - Culture and equality: an egalitarian critique of multiculturalism / 2013 / London.

7. *Schelling Thomas C.* (1980). The Strategy of Conflict (Reprint, illustrated and revised. ed.). Harvard University Press. P. 309. ISBN 978-0674840317. Retrieved September 21, 2010. http://elcenia.com/iamapirate/schelling.pdf

8. *Michael Brecher.* Decisions in Crisis: Israel, 1967 and 1973/ 1980.

9. *Anatol Rapoport.* Decision Theory and Decision Behavior/Second Revised Edition/1998, NY.

10. Paradoxes of Rationality: Theory of Metagames and Political Behavior, MIT Press, Cambridge, Mass., 1971.

11. Ibidem.

12. *Waltz Kenneth N.* (1979). Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley.

13. *Morton A. Kaplan* - Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems/ The American Political Science Review/Vol. 51, no. 3 (Sep., 1957), pp. 684-695.

14. *Robert Powell.* "The Inefficient Use of Power: Costly Conflict with Complete Information». American Political Science Review (May 2004).

15. *Fearon James D.* "Rationalist Explanations for War." International Organization, 1995/49(3): 379–414.

16. *Bruce Bueno de Mesquita, David Lalman.* War and Reason Domestic and International Imperatives/Yale University Press, 1994, pp.13-17.

17. *Mesquita Bruce Bueno de, Smith Alastair, Siverson Randolph M, Morrow James D.* (March 1, 2005). The logic of political survival.

18. *Sam Popkin.* "Beyond Rationality: Reason and the Study of Politics " with Arthur Lupia and Matthew McCubbins, pp. 1-23 of Elements of Reason.

19. *Bates RH.* Evolution of Risk and Political Regimes. Economics and Politics,

Center for Economic and Financial Research (CEFIR) Working Paper Number 0137. 2010;24(2): 95-125.

20. *Dahl Robert A.* (1957). «The Concept of Power.» Systems Research and Behavioral Science 2(3), 201–215.

21. Ibidem.

22. *Dahl Robert A.* (1957). «The Concept of Power.» Systems Research and Behavioral Science 2(3), 201–215.

23. *Lindblom Charles E., Woodhouse Edward J.* (1993), The policy-making process, 3rd. ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall. Charles E. Lindblom. Another State of Mind/The American Political Science Review/Vol. 76, no. 1 (Mar., 1982), pp. 9-21.

24. *Robert Lane* - Political Ideology: Why the American Common Man Believes What He Does Hardcover – January 1, 1962.

25. *Karl W Deutsch* - The nerves of government: Models of political communication and control/1963.

26. *Max Weber:* Collected Methodological Writings (Weber in Translation)/Dec 22, 2013.

27. *Gore Al.* An Inconvenient Truth/Rodale Books, 2006.

28. *Hardy Hanappi* - The Neumann-Morgenstern Project - Game Theory as a Formal Language for the Social Sciences/March 27th 2013 https://www.intechopen.com/chapters/43915

29. *Pascal Blaise.* Pensees and Other Writings. Honor Levi trans. Anthony Levy, ed. New York: Oxford University Press, 1995. https://iep.utm.edu/pascal-b/

30. *Bernoulli D.* (1954). «Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk»/Econometrica. 22 (1): 23–36. doi:10.2307/1909829. JSTOR1909829

31. *Harman Glyn* (2002), «One hundred years of normal numbers», in Bennett, MA; Berndt, B.C.; Boston, N.; Diamond, HG; Hildebrand, AJ; Philipp, W. (eds.), Surveys in Number Theory: Papers from the Millennial Conference on Number Theory, A.K. Peters, pp. 57–74.

32. *Barrington Moore Jr.* Moral Purity and Persecution in History. / Sep.14, 2021 https://press.princeton.edu/books/ebook/9781400823468/moral-purity-and-persecution-in-history

33. *Weingast Barry* (1998), «Political Stability and Civil War», in Robert Bates et al., Analytic Narratives, Princeton, Princeton University Press, p. 148-193.

34. Ibidem.

35. Ibidem.

36. Ibidem.

37. *Moore Barrington.* 1966. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Beacon Press (e-Book through UIC library).

38. Nash Equilibrium and the History of Economic Theory by Roger B. Myerson first version, April 1996 revised, March 1999/ http://home.uchicago.edu/rmyerson/research/jelnash.pdf

Kh. Sadibakosev

The BRI in Chinese Foreign Policy Priorities

Introduction

In 2013, China launched "the One Belt, One Road Initiative, which aims to "establish closer ties between the countries of Asia, Europe and Africa and raise mutually beneficial cooperation between these countries in a new form to a new historical height" [1]. According to the estimates of Chinese geographers and economists, we can talk about 40–65 developing countries located "along the belt and path" [2]. Moreover, more than 100 countries took part in the first Belt and Road Forum in Beijing in 2017. It is clear that, despite the specific historical and geographical references in the name, there are no formal restrictions on participation for countries from other parts of the world.

The Chinese model emphasizes economic relationships that will encourage domestic firms to access new markets, assisting diplomatic supports, facilitating access to credit and simplifying the standards of international expansion of trade.

It is important to note that BRI does not follow the Western standard for the establishment of bilateral or multilateral treaties among all member countries; rather the Chinese model emphasizes economic relationships that will encourage domestic firms to access new markets, assisting diplomatic supports, facilitating access to credit and simplifying the standards of international expansion of trade viewed as diplomatic but sensible project increasing China's influence in a region of great geopolitical and economic relevance such as Eurasia.

***Sadibakosev Kh.**, Doctoral Researcher, University of World Economics & Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan.*

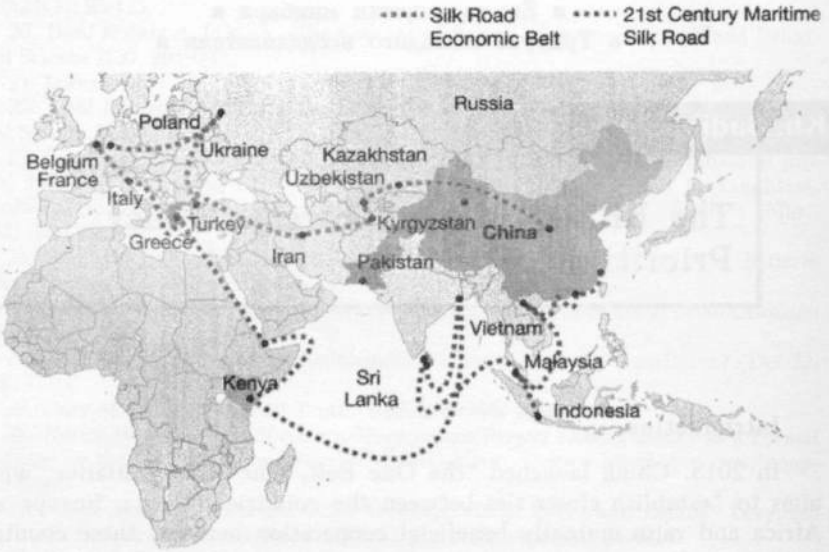

Figure-1: Proposed new Silk Road and 21st Century Maritime Silk Road

Also, the differences between the two declared components of the BRI - the Continental Economic Belt of the Silk Road (CEBSR) and the oceanic Maritime Silk Road of the XXI century [3], are becoming more and more vague. The One Belt, One Road (OBOR) Initiative actually incorporated the entire external economic agenda of Chinese diplomacy and a significant part of its foreign policy. Its study has become an important area of modern Sinology. Numerous publications analyze the priorities in establishing bilateral relations, developing regional and sectoral cooperation projects. According to Chinese researchers, the advancement of a "grand strategy" means a transition from China's passive participation in globalization to an active influence on it [4].

THE CONTOURS OF NEW GLOBALIZATION

The global epidemic caused a slowdown in the global economy in 2020: GDP of the G20 countries fell by an average of 6.9% in the second quarter. Despite the fact that the peak of the serious impact of the epidemic on the

economy has passed and the global economic model has gradually begun to adapt to the new conditions, the global economic recovery is proceeding at a slow pace, and the future is still in complete uncertainty.

During the pandemic, the Belt and Road Initiative was not only a link between China and other countries, but also between developed and developing countries, which contributed to the global financial balance.

Through the BRI, China linked its stability to the global economic recovery and became a bridge connecting internal economic cycles with external economic cycles, as the PRC is the first country to recover from the COVID-19 pandemic and achieve economic growth.

China - Europe Express and Silk Road Shipping continued to operate and develop during the pandemic. The Made in China concept has become the hub of the global supply chain.

During the COVID-19 pandemic, the China-Europe railway service worked efficiently and with all safety measures in mind, thereby continuously delivering epidemic prevention and production materials to Europe. This «channel of life» has become an inspiring example for the resumption of production and the stimulation of economies.

The scale of the goals and the complex nature of relations with the current economic leaders are forcing China to rebuild the most important institutions of world development for itself. To this end, within the BRI framework, five priority areas of cooperation have been identified, each of which is a tool for moving China "up" along the global value chains (GVC) to the center of the world economy.

During the pandemic, the Belt and Road Initiative was not only a link between China and other countries, but also between developed and developing countries, which contributed to the global financial balance.

1. *Political coordination* - support of Chinese TNCs when entering foreign markets through the mechanisms of bilateral intergovernmental ties.

2. *Interconnection of infrastructure* - removal of infrastructural restrictions for transferring production from China to developing countries, going abroad of competitive Chinese construction corporations, consolidation in the markets of semi / peripheral countries through tied loans, geographic diversification of trade routes.

3. *Uninterrupted trade* - lowering duties on foreign markets, lifting restrictions on Chinese investments, fighting protectionism.

4. *Free movement of capital* - creating an alternative infrastructure to provide independent project and political finance.

5. *Strengthening the proximity between peoples* - training a personnel reserve and public opinion for the implementation of foreign projects of Chinese TNCs.

Formation of financial infrastructure

For full participation in world economic relations, China needs to change the world monetary and financial infrastructure [5]. Directed transformation will require the solution of a whole range of tasks, where the priority today is given to the creation of channels of international financing and raising the status of the Chinese national currency.

One of the main advantages of the countries of the center is the ability to control funding from international organizations. China, on the other hand, has consistently advocated an increase in the quotas of developing countries in them. Today, the PRC's share in world GDP has already exceeded 15%, but the share of its votes in the IMF in 2016 grew to only 6.41% and is inferior to the United States (17.46%) and Japan (6.48%). International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) it is 4.57% versus 16.39% in the United States and 7.07% in Japan [6, 7]. An important factor in overcoming this inequality can and has already become the creation of new financing channels.

China is making efforts to internationalize the yuan, which could significantly increase the opportunities for Chinese TNCs abroad.

At the initiative of China, two new large interstate financial institutions were created - the Asian Infrastructure Investment Bank, headquartered in Beijing (authorized capital of $ 100 billion, China's share of 26.06%) and the New Development Bank, headquartered in Shanghai (authorized capital of $ 50 billion, the share of the PRC is 20%).

China is also increasing the overseas investment portfolio of its «political» banks and sovereign wealth fund. Since 2013, the State Development Bank (SDB) and the Export-Import Bank of China have provided more than $ 110 billion in loans for the implementation of more than 1200 projects in the Belt and Road countries [8]. As early as 2015, the total volume of foreign loans of the RRB exceeded $ 320 billion [9]. The Silk Road Fund (authorized capital of $ 40 billion) was created especially for the implementation of foreign projects.

The National Sovereign Fund (China Investment Corporation, CIC) and its predecessor, the first sovereign wealth fund (Investment Company of the State Administration of Foreign Exchange Control, SAFE Investment Company) own assets worth over $ 650 billion (including domestic ones), and also create investment funds for working with individual countries.

In parallel with the development of its channels of international financing, China is making efforts to internationalize the yuan, which

could significantly increase the opportunities for Chinese TNCs abroad. The main obstacle to this is still the lack of free conversion of the Yuan, for which the country is not yet ready. To strengthen its position in the financial services market, China is developing "global cities" and creating free trade zones, but their effect is still limited [10]. Nevertheless, since 2016, the yuan has been included in the IMF's Special Drawing Rights basket, and its share in international transactions has doubled over the past three years and today accounts for almost 1.5% of all settlements in the SWIFT system [11, 12].

The Digital Silk Road has provided strong support for the global economic recovery by improving Internet access and lowering barriers to the international e-commerce market.

To enable foreign banks to lend to customers in RMB, China is entering into currency swap agreements. In 2016, there were such agreements with 36 countries totaling 3.5 trillion yuan. If currency swaps are symmetric exchange of currencies for equal amounts, then agreements on the creation of clearing centers mean a transition to the next level of internationalization of the yuan, when the parties assume obligations to offset mutual claims in national currencies.

An important step in increasing China's economic influence was the development of UnionPay, AliPay and WeChatPay payment systems as alternatives to Visa and MasterCard in developing countries [13, 14], as well as the creation of international rating agencies (Chengxin Credit Ratings, Lianhe Credit Rating and Dagong Global Credit) and exit of Chinese banks abroad. By the end of 2016, a total of 9 banks with Chinese capital had opened 62 branches in 26 Belt and Road countries.

These facts testify to the consistent course of China towards the formation of a «full cycle» of its own international financial infrastructure in order to create conditions for the successful entry of its private and state-owned companies into foreign markets.

R&D

The COVID-19 pandemic has opened up new opportunities for the comprehensive implementation of the Belt and Road Initiative. The Digital Silk Road and Healthy Silk Road projects are flourishing. In the face of increasing social exclusion, the approach to learning and work has changed - there have been requests for online education, online seminars and online meetings. The Digital Silk Road has provided strong support for the global economic recovery by improving Internet access and lowering barriers to the international e-commerce market.

The purpose of building up «soft power» is to increase the efficiency of foreign economic activity, which requires qualified translators, as well as specialists in various fields who speak the partner's language and understand the style of doing business in China.

Leading Chinese Internet companies are expanding their e-commerce and mobile payments services in Southeast and South Asia, playing an important role in coordinating local anti-epidemic supplies. For example, Alibaba has built logistics centers in important foreign markets in Thailand and Malaysia.

The Healthy Silk Road has created a favorable environment for the global economic recovery. The pandemic has highlighted problems in the coordination of the global public health system. It has become clear that the international community lacks collaborative mechanisms to prevent and control the spread of dangerous viruses, regional emergency response mechanisms, and medical and health capacities.

By helping to build hospitals and transfer materials, and implementing the latest medical standards in healthcare, the Healthy Silk Road concept has helped improve epidemics in countries along the Belt and Road Initiative route. In the post-epidemic period, there is an opportunity to expand the space for cooperation in the field of health through the Belt and Road Initiative, where China can make an important contribution to promoting better global health governance.

At the same time, institutions of multilateral cooperation provide opportunities for the recovery of the global economy. During the global pandemic, the Asian Infrastructure Investment Bank announced the establishment of the COVID-19 Pandemic Recovery Fund to assist participating countries in the area of public health. In three months, 12 states, including Indonesia, Pakistan, India, the Philippines and Kazakhstan, provided financial support totaling up to $ 5.9 billion. The Asian Infrastructure Investment Bank also issued panda bonds worth 3 billion yuan.

Practice has shown that the Belt and Road Initiative demonstrates great vitality in helping the recovery and development of the global economy.

Formation of Social infrastructure

With significant financial resources, China is taking steps to build and maintain its positive image abroad. The purpose of building up «soft power» is to increase the efficiency of foreign economic activity, which requires qualified translators, as well as specialists in various fields who

speak the partner's language and understand the style of doing business in China.

Thanks to government support, a real breakthrough has taken place in the field of education for foreigners. 2005–2014 the number of foreign students in the PRC has tripled, making the country the third largest in the world in this indicator after the United States and Great Britain. The fastest growing number of students, at 26% per year, was the number of students from Africa; the number of students from Kazakhstan increased more than 15 times, students from Pakistan increased 7 times, from Thailand - 6 times, from India - 4 times, from Indonesia - 3 times, while the number of students from developed countries [15]. At the end of 2015, 398 thousand foreigners studied in more than 800 educational institutions in China, 3/4 of them came from semi-periphery and periphery countries.

Over the past three decades, education for foreigners has progressed from teaching Chinese language and culture to expanding the proportion of non-linguistic majors. To attract foreign students, the number of scholarships and courses in English increased and intergovernmental agreements on the recognition of diplomas were concluded [16]. More than 40 thousand students annually study at the expense of the PRC government (an increase of 5.5 times in 10 years) and the same number, if not more (there are no exact statistics) - within the framework of provincial or city quotas. Free internships for foreign scientific and pedagogical workers and refresher courses for foreigners - teachers of the Chinese language are widespread. 512 Confucius Institutes (in universities) and 1,073 Confucius classes (in schools) were established abroad to promote the Chinese language and culture [17]. Thus, the Chinese state systematically and consistently invests in the foreign «talent pool» for joint projects, with priority given to developing countries.

According to Keynesian logic, this is not charity, but a calculation related to the expectations of an increase in the capacity of the world market and an increase in demand for Chinese goods and services.

The prospects for the development of the Chinese economy are primarily associated with the strengthening of its integration with less developed economies in order to more fully realize the already achieved comparative advantages. The One Belt, One Road project is an important stage on the way of the possible entry of the PRC into the core of the world economy by the middle of the 21st century. Successful work in the five main BRI areas will ensure the integration of Chinese TNCs into the already established world production chains and will create new ones that will tightly link China with the semi-periphery and periphery. The wave

of industrialization of the developing world initiated by the Celestial Empire is just emerging, but in the future it can radically change the spatial organization of many industries. A prerequisite for this is the availability of its own financial and human infrastructure, in the creation of which China has been actively investing in recent years. Beijing offers the world an "inclusive" economic globalization, which should ensure higher living standards and reduce property contrasts. According to Keynesian logic, this is not charity, but a calculation related to the expectations of an increase in the capacity of the world market and an increase in demand for Chinese goods and services. The success of the BRI and, ultimately, the possibility of achieving the set mega-goal depend on how China manages to find a balance between its economic interests and the interests of other developing countries.

BRI Benefits to Local People, Economies, Nations

Investments from China are also of growing importance for the Kazakh economy. In 2005-2016, the volume of accumulated direct investments of Beijing in the economy of Kazakhstan amounted to 13.9 billion dollars. At the expense of Chinese investors, the country is developing mineral deposits (primarily hydrocarbons), building infrastructure and industrial enterprises. Chinese funds remain a significant source of funding for projects in Uzbekistan. The total amount of accumulated investments by China exceeds 7.8 billion dollars. At the same time, Uzbekistan, unlike other countries in the region, has managed to orient Chinese capital to work in the real sector.

The involvement of the economies of these countries in this project activates industrial production, development of social infrastructure and agriculture, which is expressed by new jobs and opportunities for growth of small and medium-sized businesses in the region.

Thus, according to the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev, a striking example of cooperation is "...the Uzbek-Chinese industrial Park of high technologies created in 2013-the free economic zone "Jizzakh", where mobile phones, sewing machines, construction materials, solar collectors and other competitive products are produced» [18]. Against the background of the successes of Kazakhstan and Uzbekistan, the results of Kyrgyzstan's cooperation with China looks less impressive. Like most Central Asian republics, the main motives for Bishkek's participation in the BRI project lie in the development of its own infrastructure at the expense of Chinese investments. The Kyrgyz side attaches particular importance to the construction of the North-

South highway and the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan railway (negotiations on the latter resumed after the change of leadership in Uzbekistan). So far, the progress of the project is hampered by the remaining differences between the parties on the route of the potential route and the gauge of the railway track.

Despite the fact that the leaders of Tajikistan and Turkmenistan did not participate in the first BRI forum, both republics are already involved in its projects. In Tajikistan, with the participation of "...Chinese capital, the reconstruction and construction of transport infrastructure (Kulma-Khorog-Kulyab-Dushanbe, Dushanbe-Khujand-Chanak), the Dushanbe-2 thermal power plant was built and repair work on the South-North transmission line was carried out. However, from the point of view of the transit potential of the Republic is significantly lower than in Kazakhstan" [19].

Transport projects passing through the territory of Afghanistan can become a powerful incentive for the early end of the longstanding confrontation in the country. New communications will unite Afghanistan's neighbors. They will have common economic interests.

The development of international routes through Tajikistan is hampered by weak infrastructure, low level of economic development, unfavorable geographical conditions on the border with China and the high cost of construction. The temporary "freeze" of the construction of the fourth line of the Turkmenistan–China gas pipeline indirectly testifies to the low efficiency and risks of investments in large-scale routes through Tajikistan. Turkmenistan, in turn, remains one of the most important suppliers of energy resources to China. The bilateral contract in force since "...2009 provides for the supply of 30 billion cubic meters of Turkmen gas per year with an increase in the volume of supplies to 65 billion cubic meters by 2020. To ensure the import of raw materials in 2009, China has allocated funds for the development of gas fields Galkynysh, becoming the only country to get access to Turkmen resources on land" [20] and also secured the construction of three pipelines to transport resources to the site.

Thus, China's global initiatives resonate with the Central Asian republics. Beijing is interested in investing and expanding its economic influence, and the countries of the region need external investment and the development of their own infrastructure. Mutual interest dictates high dynamics of cooperation between the republics of Central Asia and China. The most important and most popular potential of the BRI project for the peoples of the region is that the involvement of the economies of these countries in this project activates industrial production, development of social infrastructure and agriculture, which is expressed by new jobs

and opportunities for growth of small and medium-sized businesses in the region.

Approaches of Uzbekistan to the Belt & Road Initiative

The Republic of Uzbekistan has supported the BRI from the very beginning. The country's involvement in the megaproject is important from the point of view of achieving priority tasks to ensure sustainable economic development, the implementation of major transport and infrastructure projects that can have a comprehensive positive impact on the whole of Central Asia.

Tashkent's position on the BRI is in tune with the main priorities of our country to further deepen the comprehensive strategic partnership with Beijing. The PRC is one of the leading trade, economic and investment partners of Uzbekistan.

As part of his participation in the second meeting of the Belt and Road Forum on April 25-27 2017 in Beijing, President Shavkat Mirziyoyev held intensive talks with his Chinese leader Xi Jinping and Chairman of the Standing Committee of the National People's Congress Li Zhangishu.

During the meeting, Xi Jinping said that China regards Uzbekistan as an important strategic partner and is ready to jointly make efforts to achieve common development and prosperity, ensure peace and stability in Central Asia.

According to the Chinese leader, President Shavkat Mirziyoyev can be called one of the founders of the Belt and Road Initiative, and the attention paid in Uzbekistan to participation in the forum testifies to the high level of relations between the two countries.

In his speech at the international forum, the President of Uzbekistan put forward a number of important initiatives aimed at increasing interconnectedness in Central Asia, solving food security problems, meeting the urgent social needs of the population, developing cultural, humanitarian and tourism ties.

What are they?

First, the maximum disclosure of the transport potential of Central Asia and the formation of the economic corridor «China - Central Asia - West Asia».

In this context, the construction of the Uzbekistan-Kyrgyzstan-China railway will bring benefits to all participants: it will intensify trade, create jobs, attract tourists, and bring profit from transit. The prospects of the project are demonstrated by the already established road corridor Kashgar - Irkeshtam - Osh - Andijan - Tashkent, which

for the first time allowed road carriers from Central Asia to go directly to China.

Of particular importance is the construction of the Mazar-i-Sharif-Kabul-Peshawar railway with access to the southern ports. Uzbekistan, together with Afghanistan, Kazakhstan, Pakistan and Russia, is already working on the implementation of the project. In December 2018 and March 2019, five-sided meetings of the heads of railway departments were held in Tashkent, during which key details regarding the specified corridor were discussed. Along this route, the highway between Mazar-i-Sharif and Kabul already passes, power lines from Uzbekistan and Tajikistan are stretched, leading to the capital of Afghanistan. In the future, the route can be continued to India. To finance the indicated transport and infrastructure projects, the President of Uzbekistan announced an initiative to create a «Financial Dialogue for the Countries of Central Asia and Afghanistan.» Its main goal is to involve major international development institutions and the private sector in the implementation of the region's most important infrastructure projects, along with Chinese financial institutions - the Asian Infrastructure Investment Bank, the Silk Road Fund and others. In the current context, it is important to start this dialogue, to make it inclusive and transparent. At the same time, along with technical and economic aspects, it is necessary to pay the utmost attention to social and political issues. Transport communications not only solve connectivity problems, they create jobs, stimulate trade, and motivate development. In addition, transport projects passing through the territory of Afghanistan can become a powerful incentive for the early end of the longstanding confrontation in the country. New communications will unite Afghanistan's neighbors. They will have common economic interests. The conditions will be created for a much-needed regional consensus on the Afghan issue. All opposing groups will very quickly understand that peace and trade, unlike war, bring good profits, are the most important condition for progressive development. The vision of the Uzbek side is consonant with the ideas put forward by the leadership of the PRC. In his speech to the forum, Chinese leader Xi Jinping said that China will continue to work with other parties to build a network of interconnectedness, in which economic corridors will play a major role, complemented by new railways, international continental sea corridors and expressways.

Secondly, the promotion of «smart» agriculture, the creation of a joint center for agricultural innovation.

Ensuring food security in the face of climate change is one of the most important development challenges in the modern world. According

to the UN Food and Agriculture Organization, the main food security risks for Central Asia are soil degradation, water scarcity and outdated agricultural practices.

Third, the widespread use of scientific and humanitarian potential for the development of human capital.

The earliest possible introduction of the latest achievements of science and technology in all spheres is the most important condition for sustainable economic growth, raising the standard of living of the population, and ensuring the high competitiveness of countries. At present, the PRC is already implementing the Action Plan for cooperation in the field of science, technology and innovation in the framework of the «Belt and Road». Together with partners, it is planned to promote four major initiatives: scientific, technical and humanitarian exchange, the creation of joint laboratories, cooperation in the creation of techno parks and technology transfer.

Fourth, the development of tourist exchange.

To achieve real results in the tourism sector, President Shavkat Mirziyoyev at the forum proposed to establish the International Silk Road Tourism Association in Samarkand and to organize the annual tourism forums «One Belt, One Road». Uzbekistan has significant potential for the development of tourism. There are over 7.4 thousand cultural heritage sites in the country, of which 209 are included in the UNESCO list. The republic has 11 national natural parks and state reserves, 12 wildlife sanctuaries, 106 museums and many other objects that can attract travelers. Active cooperation in this direction with the Belt and Road countries opens up great opportunities for Uzbekistan. 60 states are the largest «suppliers» of foreign tourists. According to the World Tourism Organization, China alone accounts for more than 20 percent of the total spending by outbound travelers worldwide. In 2017, they spent $ 250.6 billion on tourism. Experts note that by 2021 this figure will grow to 429 billion. Summing up, I would like to emphasize again that the cooperation of Uzbekistan with the countries of the «Belt and Road» has a huge and not yet fully realized potential. The specific initiatives outlined by the President of Uzbekistan in the areas of transport, innovation, education are capable of bringing Uzbek-Chinese relations to a fundamentally new level, directing interaction within the megaproject to solve the most pressing problems that still hinder sustainable economic growth and development. The proposals of the Uzbek side create a good basis for further cooperation with partner countries within the «One Belt, One Road» in the name of the common good and prosperity.

Conclusion

The present study discusses the sustainability of OBOR for future regional and global development in terms of economic sustainability, political stability and cultural exchange. OBOR has a huge potential for future development. Strong coordination and cooperation among the partner countries are the secrets of getting full-fledged benefits of OBOR through supportive policies, rules, regulations, proper strategy, transport procurement, sincere political consideration, financial integration and other environmental & social factors. Although, as the initiator and major contributor of the project, China will be the largest benefiter, other countries can also get the fruit of this historical mega initiative through proper vision and strategic implementation.

Literatura

1. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Available at: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 05.05.2017).

2. *Dong Suocheng, Cheng Hao, Guo Peng, Li Fujia, Li Yu, Li Zehong, Zhang Xiaoxiao.* Transportation Industry Patterns and Strategy of the Belt and Road. Bulletin of Chinese Academy of Sciences (In Chinese), 2016, vol. 31, no 6, pp. 663-668. DOI:10.16418/j.issn.1000-3045.2016.06.003

3. *Денисов И.Е.* Поднебесная смотрит на Запад. Контуры глобальных трансформаций, 2016, № 6 (51). С. 20-40. [Denisov I. E. Podnebesnaya smotrit na Zapad [The Celestial Empire looks West]. Kontury global'nykh transformatsii, 2016, no. 6 (51), pp. 20-40.] DOI:10.23932/2542-0240-2016-9-6-20-40

4. 刘卫东."一带一路"战略的认识误区. [Misunderstandings of BRI (In Chinese)]. Journal of Chinese Academy of Government, 2016, no. 1, pp. 30-34.

5. *Михеев В.В., Луконин С.А.* Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. Мировая экономика и международные отношения, 2016, том 60, № 6. С. 24-34. [Mikheev V.V., Lukonin S. A. Kitai: novye trendy razvitiya na rubezhe 2015–2016 gg. [China: New Development Trends in 2015-2016]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 24-34.] DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34

6. IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. Available at: http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx

7. International Bank for Reconstruction and Development Subscriptins and Voting Power of Member Countries. Available at: http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf

8. Совместное строительство "Одного пояса, одного пути": идея, практика и вклад Китая. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства "Одного пояса, одного пути". Joint construction of "One belt, one road": idea, practice and contribution of China. Office of the leading Working Group on promoting the construction

of "One belt, one road" (In Russ.) Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках, май 2017. 75 с.

9. China Development Bank Overseas Loan Hits $328.2 billion. China Daily, 16.12.2015. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/201512/16/content_22727758.htm

10. *Chubarov I., Brooker D.* Multiple Pathways to Global City Formation: A Functional Approach and Review of Recent Evidence in China. Cities, 2013, no. 35. P. 181-189. DOI:10.1016/j.cities.2013.05.008.

11. [The inclusion of the RMB in the SDR basket will help to get away from the monopoly of the USD in the global monetary system (In Russ.)]. Available at: http://russian.china.org.cn/international/txt/2016-10/01/content_39414265.htm

12. International Yuan Payment Drops Sharply in 2016 on Depreciation and Capital Control. CNBC Finance, 26.01.2017. Available at: http://www.cnbc.com/2017/01/26/international-yuan-payment-drops-sharply-in2016-on-depreciation-and-capitalcontrol.html

13. China's Fight with Visa and MasterCard Goes Global. Financial Times, 24.04.2017. Available at: https://www.ft.com/content/a67350fa1f6f11e7-a454-ab04428977f9

14. AliPay vs WeChat Pay – Who is Winning the Battle? ASEAN Today, 28.02.2017. Available at: https://www.aseantoday.com/2017/02/alipay-vs-wechat-pay-who-is-winning-the-battle/

15. 2014 年来华留学调查报告 [Report on Foreign Students in China 2014 (In Chinese)]. Available at: http://www.eol.cn/html/lhlx/content.html

16. [Great Chinese March for Foreign Studenst (In Russ.)] Available at:http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11_china.html

17. 关于孔子学院课堂 [Confucius Institutes and Classes (In Chinese).] Available at: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm

18. *Malysheva D.B.* Vyzovy bezopasnosti v Centralnoj Azii - Collective Monograph Institute of World Economics and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Foundation for Advanced Research and Initiatives, Foundation for Supporting Public Diplomacy named after A.M. Gorchakov, Foundation named after Friedrich Ebert. Security Challenges in Central Asia Moscow, RAS 2013 (Published in: https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13002.pdf)

19. *Kapustin N.* Soprjazheniye Yevrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti: dilemma integracii? (Published on the website of the Russian Council on Foreign Affairs 10.01.2018 https://russiancouncil.ru/blogs/nikolaykapustin/33975/)

20. Tendencii i perspektivy razvitija Yevrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v kontekste opyta yevropejskoy integracii i globalnyx vyzovov - Collection of articles based on materials of an international scientific and practical conference edited by L.N. Krasavina "Finansovyj Universitet pri Pravitelstve Rossiyjskoj Federacii Institut Issledovanij Mezhdunarodnyx Ekonomicheskix Otnoshenij" (Moscow, April 21, 2015) Moscow · 2016. http://Elib.Fa.Ru/Fbook/Krasavina_1746.Pdf/Download/Krasavina_1746.Pdf

■ Бизнинг юбилярларимиз ■
■ Our anniversaries ■

Б.А. Исламов

К юбилею С.С. Саидкасимова

Политический деятель и учёный-обществовед Саидмухтар Саидгазиевич Саидкасимов активно участвовал в политической и общественной жизни независимого Узбекистана в качестве государственного советника Президента Узбекистана, министра иностранных дел и заместителя Премьер-министра Республики Узбекистан, Председателя Национальной Комиссии Узбекистана по связям с ЮНЕСКО. Работая на столь ответственных постах в 1992-1998 гг., он по совместительству возглавлял Университет мировой экономики и дипломатии Министерства иностранных дел Республики Узбекистан.

Доктор философских наук (1987 г.), профессор (1992 г.), Чрезвычайный и полномочный посол Республики Узбекистан (1994 г.) С.С.Саидкасимов со всей присущей ему ответственностью и всей душой занимался созданием с нуля нового университета, на который были возложены столь важные задачи как подготовка высококвалифицированных дипломатических, юридических и внешнеэкономических кадров для работы в МИД, МВЭС, других министерствах и ведомствах, которые были призваны профессионально отстаивать и продвигать национальные интересы на международной арене вновь созданного независимого государства – Республики Узбекистан.

Под руководством С.С. Саидкасимова УМЭД в короткие сроки стал одним из лучших и самых престижных ВУЗов страны, в котором работали известные профессора, преподаватели и сотрудники, учёные и практики, куда устремилась талантливая молодежь из других ВУЗов и лучшие выпускники школ со всех регионов республики. При формиро-

***Исламов Б.А.**, доктор экономических наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол Республики Узбекистан.*

вании был глубоко изучен и творчески использован международный опыт, в частности МГИМО (У) МИД РФ, Гарвардского, Оксфордского, и других ведущих университетов зарубежных стран. С самого начала наряду с изучением специальных дисциплин большое внимание уделялось языковой подготовке.

Особое значение ректор С.С. Саидкасимов придавал не только подбору, расстановке, переподготовке, но и мотивации научных, преподавательских и административных кадров университета. Я видел это воочию, когда в 1993-1996 годах работал советником Халеда Малика, первого представителя ООН в Узбекистане и первого национального директора проекта "Policy Analysis and Re-training" Программы развития ООН в Университете мировой экономики и дипломатии. Участвуя в его переговорах с представителем ООН Х. Маликом, был свидетелем того, что С.С. Саидкасимову удалось убедить его, что проект однозначно нужно открывать на базе УМЭД, формируя костяк национальных экспертов из этого университета, привлекая по необходимости специалистов из ТГЭУ и других ВУЗов Узбекистана.

За время работы в проекте была организована регулярная работа по переподготовке кадров Госкомпрогнозстата, Министерства финансов, Центрального банка, Министерства внешнеэкономических связей, Таможенного и Налогового комитетов, сотрудников других министерств и ведомств. В этот сложный период нам в рамках данного проекта благодаря слаженной работе национальных координаторов и исследователей (Х.М. Мурадовой, Н. Сиражиддинова, Д. Исамиддиновой, К. Джураевой, Ф. Салиховой и др.), практиков из вышеназванных министерств и ведомств совместно с приглашенным из Австралии экспертом А. Агафоновым удалось провести исследования и подготовить первые аналитические доклады по монетарной и налоговой политике, рынку труда и занятости, использованию эконометрических моделей в анализе социально-экономических процессов, а также внешнеэкономических связей Узбекистана и др. В течение трёх лет были подготовлены научные кадры и созданы все необходимые предпосылки для организации на основе этого проекта Центра экономических исследований и выпуска журнала «Экономическое обозрение».

С особой тщательностью комплектовался и книжный фонд библиотеки УМЭД. Помню, как обрадовался Саидмухтар Саидгазиевич, когда узнал о том, что в результате нашей стажировки во главе с С.С. Сафаевым в Гарварде, установления контактов с руководством университета

и его главной библиотекой удалось впоследствии договориться о передаче 2000 лучших учебников по рыночной экономике, праву и другим предметам из крупнейшей в мире университетской библиотеки «Widener» через фонд Sabre Foundation в Узбекистан. Стоимость этих книг во много раз превышала сумму командировочных средств, выделенных нам, троим молодым ученым, вместе взятым для стажировки в Гарвардском университете. Было отрадно, что кроме прямых, научных и практических результатов, поездка «первых ласточек» в США была успешной и окупилась даже с финансовой точки зрения.

Книги передавались в дар университетов Узбекистана на безвозмездной основе, но нужно было осуществить транспортировку за наш счёт. Книги из Кембриджа в Нью-Йорк до аэропорта Кеннеди помогли перевезти на своей грузовой машине наши американские друзья, супруги Крис и Марико (она изучала историю Центральной Азии в Гарварде под руководством профессора Ричарда Фрая, а он имел в Бостоне небольшой магазин под названием «Бухарские ковры»). Но как привезти из Нью-Йорка около 2 000 кг. этого груза, бесценного для изучения современной рыночной экономики?

Именно благодаря ректору Университета мировой экономики и дипломатии (УМЭД) С.С. Саидкасимову, занимавшему тогда позиции вице-премьера, удалось через руководство национальной авиакомпанией «Узбекистон хаво йуллари» решить вопрос о перевозке книг из Нью-Йорка в Ташкент. Книги по рыночной экономике, после их получения в Ташкенте, по договорённости были поделены между УМЭД и ТГЭУ. По этим книгам обучались не только студенты и аспиранты, но и сами преподаватели и научные работники, переводя их на узбекский язык и используя в своих лекциях и исследованиях. Эти книги, привезённые из Гарварда, до сих пор активно используются при изучении таких курсов, как «Макроэкономика» («Macroeconomics»), «Микроэкономика» («Microeconomics»), «Экономика развития» («Economics of Development»), «Международная экономика» («International Economics») и других.

Главный результирующий критерий работы любого ВУЗа – это его выпускники. Первые выпуски УМЭД – и это приятно констатировать, – особого качества. Работая профессором в Японии и рекомендуя их в магистратуру для учёбы в лучших японских университетах, мне отрадно было слышать отзывы японских профессоров и зарубежных коллег, что они не уступают лучшим японским и другим студентам из развитых стран. Убеждался в этом много раз, также работая позже в Посольстве в Москве и Центральном аппарате МИД Узбекистана в качестве посла

и заместителя министра, когда видел, с какой ответственностью и профессионализмом ребята из этих выпусков относятся к своей не простой работе и порученному делу. Эти люди сегодня уже занимают руководящие должности зам. министров, послов, постпредов в международных организациях и другие ответственные посты в центральном Аппарате МИД, МИВТ, в посольствах.

Свой юбилей доктор философских наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посол Республики Узбекистан Саидмухтар Саидгазиевич Саидкасимов встречает в расцвете творческих сил.

Не уставать Вам, Устоз! Желаем вам здоровья, творческого долголетия, счастья, благополучия и успехов в Вашем благородном труде во благо нового Узбекистана.

А. Рахимов

Bernhard Beitelmair-Berini. India's Grand Strategy and Foreign Policy: Strategic Pluralism and Subcultures. New York: Routledge, 2021. 200 p.

Широкий спектр современных и традиционных концепций международных отношений в Индии и их гибридизация стали распространенной чертой индийской внешней политики. В этой связи специалисты, занимающиеся изучением развития государственного управления Индии, отмечают, что **индийская внешняя политика и стратегическое мышление представляют собой симбиоз двух базовых мировоззренческих и методологических подходов – идеалистического и реалистического**. Книга «Большая стратегия и внешняя политика Индии: стратегический плюрализм и субкультуры» исследует эти основные конкурирующие стратегические мировоззрения путем анализа взаимодействия между современными нормативными теориями международных отношений и традиционными индийскими концепциями государственного управления и стратегии.

Главный аргумент книги состоит в том, что множественность идей в сфере стратегии можно объяснить, определив фундаментальные идеологические размежевания, образующие большую стратегию и внешнюю политику страны. Автор исследования Б.Бейтельмайр-Берини[1] предлагает использовать «модель субкультурного разделения» при оценке различных соперничающих идей, связанных с выработкой индийской

***Рахимов А.**, главный научный сотрудник Центра международных экономических и политических исследований при УМЭД.*

[1] Бернхард Бейтельмар-Берини – научный сотрудник Института Южной Азии при Гейдельбергском университете, Германия.

стратегии и внешней политики. Комбинирование идейных размежеваний элиты с использованием двух «структурирующих инструментов» – «нормативной большой стратегии» и «культурной идентичности» – дает возможность очертить центральные парадигмы каждой из индийских стратегических субкультур. По мнению автора, применение инновационных аналитических рамок этой модели, которая исходит из теории социальных расколов, представляет собой концептуально новый взгляд на сложности индийского стратегического плюрализма и идейные конфликты истеблишмента Индии, как и на природу международных отношений и стратегических исследований в целом.

Модель субкультурного разделения очерчивает типологию индийской стратегической мысли посредством следующих девяти стратегических субкультур, которые Б.Бейтельмайр-Берини детально рассматривает:

1) Идеалисты-секуляристы или «левые».

Их идеалистический взгляд характеризуется осуждением применения силы и войны вообще, а также оптимистической оценкой угрозы. В то же время, секуляристская позиция характеризуется функциональным и рациональным подходом к территориальному и целенаправленному пониманию истории со слабым акцентом на ее национальном или цивилизационном выражении. В контексте индийской внешней политики и политики безопасности их видение соответствует марксистским подходам. Хотя эти секуляристы и «прогрессивисты» представляют собой небольшую группу в стратегическом истеблишменте Индии, идеалистическо-атеистическая субкультура является устоявшейся традицией среди публичных интеллектуалов, оценивающих поведение индийского государства.

Для «идеалистов-секуляристов» вопросы глобального разоружения, солидарность в антиколониальной, антирасистской и антикапиталистической борьбе имеют приоритетное значение. «Левые» являются откровенными противниками любого национализма, особенно если он связан с идеологией «хиндутвы». Эта субкультура является одним из самых решительных сторонников мирного решения индо-пакистанского соперничества. С целью нахождения устойчивого соглашения с Пакистаном, «атеистические идеалисты» готовы пойти на существенные уступки в отношении Кашмира и границ в целом. Относительно проблемы спорной границы с Китаем, «левые» требуют компромисса, поскольку дружественные отношения с Китаем являются одной из их основных целей. Для них влияние Запада должно быть уравновешено солидарностью третьего мира и установлением более справедливого миропорядка.

2) Идеалистско-возрожденческая субкультура или «гандианцы».

Ее традиция уходит своими корнями в индийское цивилизационное наследие, хотя является более светской субкультурой. М.Ганди и другие мыслители-националисты, такие как Р.Тагор или С.Вивекананда, были представителями течения «индуистского ренессанса», берущего свои истоки со второй половины XIX в. Эту линию традиции можно приравнять к идеализму коренных народов, «индуистскому космополитизму» или неоведантическим представлениям об Индии как об «учителе мира» с точки зрения установления гармонии и сосуществования между нациями и религиями. «Гандианская» традиция представляет собой подлинную преемственность с местной идеалистической традицией политической теории и государственного управления и, в то же время, характеризуется эклектичным повторным использованием прошлого и наследия в соответствии с потребностями приспособления к современности.

3) Идеалистско-прагматическая субкультура или «идеологические нерувианцы».

Этот культуралистский прагматизм является еще одним проявлением разногласий, связанных с продолжающимся в Индии процессом национального строительства. Идеалистско-прагматическая субкультура прагматична в силу избирательного подхода к вопросам культурной идентичности. «Гибридная» позиция субкультуры не склонна ни к полному принятию западной современности, ни к полному отказу от индуистского наследия. Наиболее ярким примером этой субкультуры является «идеологическое нерувианство», отражающее социалистические идеи Дж.Неру.

Среди индийских идеалистов эта субкультура занимает золотую середину. **«Идеалисты-прагматики» серьезно относятся к границам и территориальному суверенитету, что обусловлено травматическими последствиями колониализма и раздела Индии.** Но их понимание территориальности допускает практические решения, в частности, проблем использования и строительства водных плотин. То же самое относится и к их оценке национальной истории – они гордятся величием индийской цивилизации, но при этом рассматривают Индию как современную, светскую и плюралистическую страну в мире равных народов и цивилизаций. Эта риторика является одной из наиболее развитых в индийском дискурсе, основными чертами которой выступают интернационализм, разоружение, мирное сосуществование, антиколониализм и антирасизм. В отношении ахимсы (ненасилия) ее приверженцы занимают более прагматичный подход, поскольку нерувианцы признают законным применение силы для достижения вышеуказанных целей. Не-

смотря на определенный спад популярности в последние десятилетия, идеалистически-прагматическая стратегическая субкультура остается влиятельной среди части стратегического истеблишмента Индии.

4) Институционалистско-прагматическая парадигма.

Нерувианскую внешнюю политику и политику безопасности вряд ли можно трактовать с точки зрения идеализма, поскольку институционализм признает реальность конфликта, но делает акцент на сотрудничестве. Премьер-министр Дж.Неру с целью компенсирования относительной слабости Индии закрепил за страной место в многосторонних глобальных институтах и роль соучредителя Движения неприсоединения, опираясь на свои интернационалистские идеи и реалистическое мышление. **Несмотря на критический взгляд на мировой порядок после Второй мировой войны, нерувианцы ни разу не выступили за его революционный пересмотр.** Хотя политика нерувианцев, связанных с государственной ответственностью (премьер-министры Л.Шастри, Индира и Раджив Ганди) характеризовалась в целом оборонительной стратегической позицией, тем не менее, она сочеталась с четкой целью недопущения проникновения влияния внешних держав в Южную Азию. Наиболее ярко эта мысль проявилась в «доктрине Индиры Ганди» после успешного раздела Пакистана в 1972 г. Как следствие, более жестких представителей этой субкультуры также называют «воинствующими нерувианцами», из-за их стремления к участию в борьбе за господство на субконтиненте и в более широком регионе Индийского океана.

5) Институционалистско-секуляристская субкультура или «неолиберальные глобалисты».

Эта школа стратегической мысли считается наиболее прозападной, но наименее укорененной в индийских традициях. Интеллектуально она отражает адаптацию индийского государства к изменившимся обстоятельствам после окончания «холодной войны». В контексте национализма, **неолиберальные глобалисты разделены на тех, кто хочет построить сильную Индию через ее интеграцию в мировую экономику** (с ускорением ее развития и модернизации), **и на тех, кто видит Индию как равноправного члена мирового сообщества.** Неолибералы выступают за мирное разрешение конфликтов: для них проблема Кашмира и многолетняя конфронтация с Пакистаном и даже Китаем должны решаться путем сотрудничества, а именно институционализированными мерами укрепления доверия и экономической взаимозависимостью. Эта субкультура выступает за более глубокое региональное сотрудничество, будь то в рамках Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества или в форме других инициатив (Инициатива Бен-

гальского залива для межотраслевого технического и экономического сотрудничества, Ассоциация стран Индийского океана или Форум регионального сотрудничества Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма).

6) Институционалистско-возрожденческая стратегическая субкультура – «индуистский глобализм или космополитизм».

Глобалисты близки как к индийскому национализму, так и к индуистскому возрождению, что обеспечивает относительно широкий охват их приверженцев. Что касается курса на возрождение, они разделяют веру в превосходство индийской цивилизации, однако эта гордость исходит не столько из славного военного прошлого, сколько из способности Индии приспосабливаться к разнообразию и служить образцом для мирного сосуществования. Более того, их почитание «матери Индии» не имеет коннотации превосходства – для глобалистов культурное наследие способствует сотрудничеству между государствами, нациями, религиями и, в конечном счете, цивилизациями. С точки зрения «индуистского глобализма» подъем Индии неизбежен – даже если это займет больше времени в материальном плане, духовно и идеологически Индия всегда была сверхдержавой.

7) Реалистско-атеистическая стратегическая субкультура или«реалисты-державники».

Эта субкультура, как и ее идеалистический аналог, представляет собой одну из самых ранних и влиятельных традиций Индии. Реалистско-атеистическое направление стратегической мысли можно рассматривать как наименее идеологизированную субкультуру, поскольку ее сторонников можно найти во всех партийных структурах. Следуя общим реалистическим принципам, благоразумие как руководящая добродетель государственного управления является одной из их ключевых концепций. В тоже время, как считает Б.Бейтельмайр-Берини, термин «реализм великой державы» остается недостаточно ясным. Такие интеллектуалы и политики как Р.Мохан, Ш.Менон или Дж. Сингх открыто выступают за реалистический поворот во внешней политике и политике безопасности Индии, а также за то, что Нью-Дели для достижения статуса великой державы должен придерживаться прагматизма. С точки зрения культурной идентичности, **для «реалистов-секуляристов» национализм является лишь инструментом в становлении политического единства и, как следствие, сильного государства.**

8) Реалистско-прагматическая субкультура – прагматизм «Бхаратия джаната парти».

Прагматизм или «смягчение» позиций «Бхаратия джаната парти» стал результатом попытки партии умиротворить или просто приспособиться к идеологическому давлению, исходящему от ее союзников по

коалиции (Национально-демократический альянс), и ответственности за правление в целом. Из-за необходимости коалиционной политики и сопротивления «глубинного государства», то есть институционализированных идей среди бюрократии, возникла черта прагматической адаптации к реалиям управления, что повлияло на индуистско-националистическую идеологическую позицию. Этот процесс идеологического компромисса продолжался во время первых двух правительств Национально-демократического альянса в 1998-2004 гг. и, вероятно, будет продолжаться даже при администрации Н.Моди, находящейся у власти с мая 2014 г. Таким образом, **индуистским националистам, находящимся у власти, пришлось пойти на** переосмысление политики Дж.Неру или **распространение индуистско-космополитистских источников, тем самым уменьшая акцент на более жестких позициях**, например, **в отношении мусульман или Запада**.

9) Реалистско-возрожденческая субкультура.

Она представлена в популярной форме идеологии «хиндутвы» – многочисленного движения, проповедующего индуистский национализм (опирается на поддержку 35-40 % населения страны). Сторонники хиндутвы объединены в семейство индуистских националистических организаций, среди которых выделяется воинствующее крыло Раштрия Сваямсевак Сангх (Союз добровольных слуг родины). В индуистском националистическом мировоззрении война считается естественной чертой в человеческих отношениях, а безопасность выстраивается на основе сдерживания и восприятии угроз с нулевой суммой. В хиндутве рецепт преодоления травмы колониализма и мусульманского правления, а также его побочного продукта в виде «индуистского комплекса неполноценности» и мировоззренческого «женоподобного» мышления, видится в «возмужании» нации с целью достижения безопасности и стратегической автономии.

Что касается культурной идентичности, «реалисты-возрожденцы» выступают за исключительное понимание Индии как цивилизационного государства, которому угрожает как западная культурная гегемония, так и мусульманское возрождение. Для них глубокая и богатая история Индии, особенно период между арийским вторжением, ведическими временами и позднее великими империями Маурьев и Гуптов, а также индуистская государственная система в целом, являются источником гордости и вдохновения. Политическая география с точки зрения важности территориальной целостности также играет решающую роль в большом стратегическом самовосприятии этой субкультуры. Примерами основных метафор являются географические представления об «акханд бхарат» (неделимой земле) или изображение Индии как боги-

ни-матери. Чтобы обеспечить целостность Индии и повысить ее статус, предпочтение отдается напористой позиции. В частности, политика в отношении Пакистана и Китая должна быть жесткой и опираться на военную мощь.

Вышеописанные стратегические парадигмы или стратегические субкультуры, которых придерживаются политики и общество, отмечаются противоречивыми идеями индийской государственности и цивилизации, что является результатом идеологизированного восприятия стратегической среды Индии. В тоже время, как отмечает Б.Бейтельмайр-Берини, перед специалистами по Индии открываются возможности будущих исследований, особенно касающихся проблем перехода от одной доминирующей субкультуры к другой. По мнению автора книги, помимо типологии стратегических мировоззрений, внедрение модели изменений необходимо для превращения стратегических субкультур в плодотворную концепцию, которую можно операционализировать в качестве промежуточных переменных.

ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ бўйича маълумот

2021 йил июль-декабрь ойлари

1. 2021 йил 14 июль куни Тошкент Жан Моне Европа тадқиқотлари бўйича илғор халқаро тажриба Маркази ва Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ҳузуридаги Халқаро иқтисодий ва сиёсий тадқиқотлар маркази томонидан "Европа Иттифоқи ва Марказий Осиё муносабатлари: прагматизм, барқарорлик ва ўзаро боғлиқлик" номли халқаро конференцияни ташкил этилди. Ушбу халқаро конференцияда Европа Иттифоқи ва Марказий Осиё ўртасидаги алоқаларнинг ривожланиш генезиси, ҳамкорликнинг ўзаро манфаатли жиҳатлари ҳамда Марказий Осиёнинг турли минтақаларни бирлаштирувчи транспорт маркази сифатида тутган ўрни батафсил муҳокама қилинди.

2. 2021 йил 18 август куни "Марказий ва Жанубий Осиёнинг ўзаро боғлиқлиги: пойдевори, истиқболлари, геостратегик аҳамияти" мавзусида халқаро илмий-амалий конференция бўлиб ўтди. Тадбир Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети томонидан Конрад Аденауер жамғармасининг Марказий Осиё бўйича ваколатхонаси ва Марказий Осиё халқаро институти билан ҳамкорликда ташкил этилди. Конференция ишида Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати аъзолари ва Қонунчилик палатаси депутатлари, Марказий ва Жанубий Осиё ҳамда бошқа қатор давлатларнинг ташқи сиёсий идоралари, парламентлари вакиллари, етакчи олим ва экспертлари иштирок этди.

Тадбир давомида 2021 йил июль ойида Тошкент шаҳрида Ўзбекистон Президенти Шавкат Мирзиёев ташаббуси билан ўтказилган "Марказий ва Жанубий Осиё: минтақавий ўзаро боғлиқлик. Таҳдидлар ва имкониятлар" конференцияси якунлари атрофлича муҳокама ва таҳлил қилинди. Муҳокама давомида тадбир иштирокчилари томонидан Тошкент конференциясида илгари сурилган ташаббусларни амалга

ошириш бўйича аниқ таклифлар, шунингдек, ҳозирги замондаги муаммолар ва таҳдидларга қарши курашиш учун минтақани ривожлантириш ва салоҳиятни оширишга қаратилган лойиҳаларни амалга оширишда халқаро ташкилотлар ва фуқаролик жамияти институтларининг ролини мустаҳкамлаш бўйича тавсиялар берилди.

3. Ўзбекистон Олий Мажлиси Сенати раисининг биринчи ўринбосари, ЖИДУ ректори Содиқ Сафоев бошчилигидаги делегациянинг АҚШга ташрифи давомида "Атлантика кенгаши" таҳлилий марказида бўлиб ўтган брифингда иштирок этди. Тадбир Ўзбекистондаги ислоҳотлар ва уларнинг бориши, икки томонлама ҳамкорликнинг бугунги ҳолати ва истиқболлари, шунингдек, Афғонистондаги вазият билан боғлиқ минтақавий хавфсизлик муаммоларини муҳокама қилишга бағишланди. Брифингда АҚШ Президентининг собиқ ёрдамчиси, янги Америка хавфсизлик маркази Ҳинд-Тинч океани дастури директори (CHAC) Лиса Куртис, давлат котибининг собиқ ўринбосари, Скоукрофт стратегия ва хавфсизлик маркази раҳбари, элчи Паула Добрянски маърузачилар сифатида иштирок этди. Анжуманга "Атлантика кенгаши"нинг Евроосиё маркази директори, АҚШнинг Ўзбекистондаги собиқ элчиси Жон Хёрбст бошловчилик қилди.

Брифингда АҚШ Давлат департаменти ва Мудофаа вазирлиги расмийлари, собиқ конгрессмен ва дипломатлар, шунингдек, нуфузли эксперт-таҳлил ва сиёсат доиралари вакиллари онлайн тарзда қатнашдилар. Тадбир давомида мамлакатимизда амалга оширилаётган ислоҳотларнинг мазмун-моҳияти, жамиятни сиёсий ва иқтисодий модернизациялашни чуқурлаштириш жараёнлари, Ўзбекистонда ўтказиладиган Президентлик сайловининг аҳамияти ва уларни халқаро меъёрларга мувофиқ ўтказишга қаратилган саъй-ҳаракатлар ҳамда минтақавий хавфсизликни таъминлаш бўйича олиб борилаётган чора-тадбирлар атрофлича муҳокама қилинди.

4. 2021 йил 14 октябрда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида **"Янги Ўзбекистон стратегияси: миллий ривожланиш истиқболлари"**мавзусида илмий-амалий видеоконференция бўлиб ўтди. Тадбир Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. Мирзиёевнинг **"Янги Ўзбекистон стратегияси"** китобига бағишланди. Видеоконференция давомида Янги Ўзбекистон ва Учинчи Ренессанс концепцияси доирасида янги турдаги жамият ва давлат қуриш асосини яратишга қаратилган кенг кўламли ўзгаришлар ҳар томонлама ва чуқур таҳлил қилиб берилди.

Конференциядаги баҳс-мунозараларнинг мазмун-мундарижасини Президент асари замиридаги асосий ғоя ҳамда қарашлар белгилаб берди. Шўъба йиғилишлари доирасида Янги Ўзбекистон стратегиясининг

моҳияти ва тамойиллари, миллий иқтисодиёт ривожланиши, адолатли ижтимоий сиёсат ва маънавий тараққиёт, Ўзбекистоннинг очиқ ва прагматик ташқи сиёсати ва умуминсоний муаммолар мавзулари кўриб чиқилди. Тадбир давомида, шунингдек, Ўзбекистон Республикасининг ҳозирги босқичда жаҳон ҳамжамияти билан ҳамкорлигининг долзарб масалалари муҳокама қилинди.

Университетнинг 2021 йил 9 ноябрдаги 204-сонли буйруғига асосан жорий йилнинг 22-25 ноябрь кунлари таянч докторантура, докторантура ва мустақил изланувчилик институтларига кириш имтиҳонлари бўлиб ўтди. Имтиҳон натижаларига кўра, таянч докторантура институтига 9 нафар, докторантурага 1 нафар, мустақил изланувчилик (PhD) институтига 11 нафар ва мустақил изланувчилик (DSc) институтига 2 нафар номзодлар 6 та ихтисослик йўналишлари бўйича қабул қилинди. Таянч докторантлардан 4 нафари 23.00.04 - Халқаро муносабатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари, 1 нафари 07.00.05 – Халқаро муносабатлар ва ташқи сиёсат тарихи, 2 нафари 08.00.09 – Жаҳон иқтисодиёти ва 2 нафари 12.00.10 – Халқаро ҳуқуқ ихтисослигига қабул қилинди. Докторантура институтига 1 нафар номзод 23.00.04 – Халқаро муносабатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари ихтисослиги бўйича ўқишга қабул қилинди.

Бундан ташқари, 23.00.04 – Халқаро муносабатлар, жаҳон ва минтақа тараққиётининг сиёсий муаммолари ихтисослиги бўйича **7** нафар, 07.00.05 – Халқаро муносабатлар ва ташқи сиёсат тарихи ихтисослиги бўйича 1 нафар, 08.00.09 - Жаҳон иқтисодиёти ихтисослиги бўйича 1 нафар, 12.00.10 – Халқаро ҳуқуқ ихтисослиги бўйича 1 нафар ва 12.00.03 – Фуқаролик ҳуқуқи. Тадбиркорлик ҳуқуқи. Оила ҳуқуқи. Халқаро хусусий ҳуқуқ ихтисослиги бўйича 1 нафар номзод мустақил изланувчилик (PhD) институтига қабул қилинди. 08.00.09 – Жаҳон иқтисодиёти ихтисослиги бўйича 1 нафар ва 12.00.10 – Халқаро ҳуқуқ ихтисослиги бўйича 1 нафар номзод мустақил изланувчилик (DSc) институтига қабул қилинди.

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илғор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишларни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шаклантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- *тадқиқотнинг* ***стратегик йўналишлари*** *(мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*
- ***технологик операциялар*** *- тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*
- ***аналитик операциялар*** *- тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.

7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида ***http://uwed.uz/ru/applicant-article*** *электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни ***Таҳрир ҳайъати*** *қабул қилади.*

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

▪ Методик кабинет ▪ Methodical cabinet ▪

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы исследования;* ***аналитические операции:*** *научная новизна исследова-*

ния, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

Главные критерии содержания статьи:

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:

– текст готовить по версии Word 2003 года;

– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;

– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;

– диаграммы, рисунки и таблицы должны даваться в статье только в черно-белом или сером цветовом варианте;

– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;

– в статье должны быть указаны имя-отчество, место работы, научная степень автора и его контактные данные (телефон, e-mail);

– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.

Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает ***редакционная коллегия****.*

Абдуракманова Б.Т. 04.06.2022.

www.uwed.uz

UWED